

Проверено 1984 г.

-- МАЙ 2009

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПбГУ

СУДЕБНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВЪ МѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ

„СУДЕБНОМУ ВѢСТНИКУ“.

№ 11 и 12.

НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

1869.

СОДЕРЖАНІЕ:

Къ ученію о вооруженномъ похищеніи по Улож. о нав., изд. 1866 г.

К. Анциферовъ.

Замѣчанія относительно нѣкоторыхъ статей Уложения о наказан. изд. 1866 года, при примѣненіи которыхъ на практикѣ встрѣчаются неудобства и затрудненія

Тов. прок. А. Пазловъ.

Замѣчанія по поводу недостатковъ въ предварительныхъ слѣдствіяхъ.

Росницкій.

—♦—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. ТРАПШЕЛЯ, НЕВСКІЙ ПРОСП., № 45—1.

1870.

**Въ учению о вооруженномъ похищеніи по Уложенію
о нак., изд. 1866 г.**

Недостаточность литературной разработки нашего Уложенія вообще нигдѣ не сопровождается болѣе важными послѣдствіями даже для юриста-практика, какъ въ отдѣлѣ Уложенія по преступленіямъ противъ собственности частныхъ лицъ.

Масса повторяющихся случаевъ этого рода преступленій для юриста-практика по необходимости представляетъ почти ежедневные поводы къ истолкованію и примѣненію законовъ Уложенія, предусматривающихъ преступленія противъ собственности частныхъ лицъ, въ частности, въ видѣ похищенія. Всѣми признаваемыя несовершенства нашего Уложенія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ отсутствіи точныхъ, общихъ опредѣленій и въ казуистическомъ способѣ изложенія, сложность и разнообразіе комбинацій, въ которыя складываются въ жизни преступныя проявленія воли противъ частной собственности—все это не рѣдко поставляетъ юриста-практика въ совершенно затруднительное положеніе при юридическомъ квалифицированіи дѣянія, не находящаго себѣ прямого и безспорнаго опредѣленія въ уголовномъ законѣ. Затрудненія эти, очевидно, обусловливаются недостаткомъ литературной разработки Уложенія,—недостаткомъ, лишаящимъ юриста-практика средствъ къ цѣлостному уразумѣнію какъ кореннаго начала, полагаемаго законодателемъ въ основу своихъ опредѣленій объ извѣстномъ видѣ означенныхъ преступныхъ дѣяній, такъ и самой теоріи законодателя, которую онъ развиваетъ въ своихъ опредѣленіяхъ.

Конечно, практика кассационнаго сената для новой практики, въ этомъ отношеніи, имѣетъ весьма важное значеніе какъ по серьезной и всесторонней разработкѣ, въ его рѣшеніяхъ, вопросовъ, связанныхъ съ истолкованіемъ закона, такъ и потому что всякое истолкованіе закона, исходящее отъ верховнаго кассационнаго суда обязательно для руководства. Но мы не думаемъ, однако, чтобы вмѣстѣ съ этимъ умялялась необходимость въ литературной разработкѣ Уложенія для той же практики, для которой исходятъ истолкованія закона отъ верховнаго кассационнаго сената. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, во 1-хъ, того, что не все, что составляетъ вопросы практики, доходило до сената; сенатъ же только разрѣшаетъ, то, что восходитъ до него; во 2-хъ, того, что сенатъ, входя въ истолкованіе закона въ предѣлахъ возникшаго обжалованія, не рѣдко не переходитъ за предѣлы его и такимъ образомъ, разрѣшая частный возбужденный практикою вопросъ по примѣненію и истолкованію закона, онъ нерѣдко удерживается высказывать вполне и опредѣлительно свой взглядъ на всю систему ученія, по скольку въ томъ не представляется существенной необходимости для разрѣшенія данного случая. Такой характеръ рѣшеній кассационнаго сената, по нашему мнѣнію, вполне обусловливается самымъ назначеніемъ дѣятельности его, ибо, обязанный изречь наилучшее, окончательное рѣшеніе по истолкованію и примѣненію закона по данному дѣлу, сенатъ и все свое вниманіе направляетъ именно на этотъ предметъ, а посему, по необходимости, оставляетъ нерѣдко массу вопросовъ, связанныхъ съ системой даннаго ученія, неразрѣшенными, (по скольку не представлялось въ томъ необходимости «по связи матерій» для разрѣшенія даннаго случая).

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія ряда отдѣльныхъ рѣшеній сената объ одномъ и томъ же ученіи, — конечно можно составить болѣе или менѣе опредѣленное понятіе какъ о самомъ взглядѣ сената, такъ и о тѣхъ началахъ, которыя законодателемъ положены въ основу ученія. Но въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается только подтвержденіе нашего замѣчанія на счетъ ошутительности для практики недостатка литературной разработки Уложенія,

ибо отсутствіе цѣльнаго, систематическаго комментарія, основаннаго хотя бы, между прочимъ, и на тѣхъ же рѣшеніяхъ сената, не можетъ восполниться наличностью, такъ сказать, только матеріаловъ и источниковъ цѣльнаго комментарія; сопоставленія же и выводы изъ отдѣльныхъ рѣшеній сената при каждомъ случаѣ примѣненія въ практикѣ закона безъ пособія литературы не всегда безопасны...

Очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ когда сенатъ въ рѣшеніи своемъ входитъ во всестороннее разсмотрѣніе ученія, — тогда такое рѣшеніе становится настольнымъ для практика. Но нельзя не соснаться, что такихъ, такъ сказать, классическихъ рѣшеній, — не много, при томъ же они по преимуществу относятся къ области процесса уголовнаго, а не права. Изъ числа же рѣшеній, относящихся къ истолкованію ученія Уложенія о преступленіяхъ противъ частной собственности, можно указать на рѣшенія о покушеніи на кражу, о кражѣ со взломомъ, о мошенничествѣ и нѣкотор. друг.

Къ числу же наименѣе разработанныхъ практикою сената ученій нашего Уложенія въ отдѣлѣ преступленій противъ частной собственности, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, ученіе о вооруженномъ похищеніи, которое притомъ не имѣетъ у насъ за собой и никакой литературы не смотря на то, что квалифицирующее значеніе вооруженія при похищеніи, признаваемое нашимъ Уложеніемъ, не составляетъ никакой рѣзкой особенности нашего права; западныя законодательства также признаютъ обстоятельство вооруженія при похищеніи за квалифицирующее и имѣютъ за собою богатую юридическую литературу. Очевидно, что литературная разработка нашего Уложенія объ этомъ предметѣ не представляетъ крайняго затрудненія въ виду обилія источниковъ и пособій — хотя бы и нерусскаго происхожденія. Въ настоящей замѣткѣ нашей мы имѣемъ въ виду только высказать нѣсколько общихъ замѣчаній по предмету ученія нашего Уложенія о вооруженномъ похищеніи (въ общемъ смыслѣ ст. 1626), открывая вопросъ для болѣе тщательной разработки. Все ученіе нашего Уложенія о вооруженномъ похищеніи сосредоточивается въ немногихъ статьяхъ его, размѣщен-

ныхъ въ опредѣленіяхъ о каждомъ отдѣльномъ видѣ общаго понятія похищенія, — въ ст. 1627, 1641, 1643, 1653 и 1654.

Обращаясь къ разсмотрѣнію опредѣленій нашего Уложенія о вооруженіи при похищеніи вообще, оказывается, что въ общемъ характерѣ своего значенія по Уложенію, обстоятельство вооруженія прежде всего является не только какъ обстоятельство квалифицирующее похищеніе, какъ такое, коимъ обуславливается особый родъ или видъ наказанія за похищеніе опредѣленный, тѣмъ и какъ элементъ въ составѣ самого преступленія, обуславливая собою одинъ изъ необходимѣйшихъ признаковъ одного изъ видовъ преступленія похищенія. Такъ, при опредѣленіи общихъ признаковъ понятія разбоя, наше Уложеніе выражаетъ, что «разбоемъ признается всякое, на кого либо для похищенія принадлежащаго ему или находящагося у него имущества, *нападеніе, когда оно учинено открытою силою съ оружіемъ, или хотя и безъ оружія, но*» и проч.

Очевидно, что изъ этой первой части опредѣленія разбоя нельзя вывести иного заключенія кромѣ того, что вооруженіе въ разбой имѣетъ такое значеніе, по коему отсутствіе его въ первой группѣ признаковъ, опредѣляющихъ понятіе разбоя, при отсутствіи другихъ признаковъ разбоя, опредѣляемыхъ послѣднею частію ст. 1627 обуславливаетъ и иной составъ самого вида преступленія похищенія. Такимъ образомъ, если совершается нападеніе для похищенія имущества, но похититель или не былъ вооруженъ при такомъ нападеніи, или, нападая, не причинилъ такихъ насильственныхъ дѣйствій или угрозъ, отъ которыхъ представлялась явная опасность для жизни, здоровья или свободы подвергшагося нападенію, то, по точному разуму ст. 1627, и не составитъ понятія разбоя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ того же буквального смысла 1627 ст., несомнѣнно вытекаетъ и то, что законодатель, рассматривая въ разбой обстоятельство вооруженія, какъ одинъ изъ признаковъ его, не присоединяетъ къ тому никакихъ дополнительныхъ требованій ни относительно употребленія оружія, ни относительно объективныхъ признаковъ качества его: *одно состояніе вооруженія при нападеніи для похищенія* создаетъ понятіе разбоя, — та-

ковъ первый высшій типъ общаго характера вооруженнаго похищенія. Останавливаясь на выясненіи основнаго принципа такого значенія *одного только состоянія вооруженія* при разбойническомъ нападеніи, необходимо принять въ соображеніе составъ преступленія грабежа, составляющаго второй по тяжести преступленія явнаго же похищенія.

Изъ опредѣленія грабежа, изложеннаго въ ст. 1637, между прочимъ видно, что подъ нимъ разумѣется, прежде всего, съ насиліемъ и угрозами *отнятіе* имущества или, хотя безъ насилія и угрозъ, *но открытое похищеніе*. Не говоря о тѣхъ существенныхъ признакахъ разсматриваемыхъ видовъ похищенія, которыми обусловливается и самое видовое различіе разбоя отъ грабежа, нельзя не обратить вниманія на самое различіе выражений принятыхъ законодателемъ при изложеніи признаковъ этихъ дѣяній. Такъ, — въ опредѣленіи разбоя, законодатель выражается только о *нападеніи* для похищенія, въ опредѣленіи же грабежа — *объ отнятій* съ насиліемъ или угрозами. Еще г. Лохвицкій, въ своемъ курсѣ русскаго уголовного права, останавливался на выясненіи значенія этого различія выражений по отношенію къ основнымъ признакамъ различія разбоя и грабежа. Но г. Лохвицкій, повидимому, не придавалъ особаго значенія различію означенныхъ выражений, такъ какъ, по его мнѣнію, и насильственное отнятіе въ грабежѣ есть тоже что нападеніе, и нападеніе въ разбоѣ есть тоже что отнятіе съ насиліемъ. Мы съ своей стороны не раздѣляемъ мнѣнія г. Лохвицкаго и не думаемъ, чтобы различіе выражений, принятое въ опредѣленіи различныхъ видовъ открытаго похищенія, было дѣломъ случая и не имѣло бы значенія, а если и имѣло, то, какъ полагаетъ г. Лохвицкій, только такъ сказ. количественное, указывая на различіе степени насилія, предполагаемаго въ томъ и другомъ видѣ разсматриваемаго похищенія *).

*) Курсъ русск. уг. пр. стр. 613.

Гораздо больши́й смыслъ, чѣмъ одно указаніе на количество насилія, въ означенныхъ выраженіяхъ законодателя, по нашему мнѣнію, выводится уже изъ того, что подъ грабежемъ, кромѣ *отнятія* съ насиліемъ или угрозами, разумѣется и простое «*открытое похищеніе*». Такимъ образомъ, допуская рядомъ какъ *отнятіе* съ насиліемъ въ числѣ признаковъ грабежа, такъ и одно «*открытое похищеніе*» законодатель, очевидно, не могъ не соединять и съ тѣмъ и другимъ выраженіемъ болѣе или менѣе средня, близкія понятія, — иначе бы пришлось допустить, что одинъ и тотъ же видъ преступленія можетъ быть опредѣляемъ совершенно противоположными признаками. Поэтому, если «*открытое похищеніе*», какъ признакъ грабежа, есть не болѣе какъ присвоеніе, взятіе чужой вещи, хотя и при самомъ хозяинѣ ея и въ виду его, но безъ всякаго такъ сказ. вниманія къ его личности и какъ къ собственнику вещи, то и *отнятіе* съ насиліемъ или угрозами, чтобы не выражать противоположнаго начала, полагаемаго законодателемъ въ основу понятія грабежа, есть такое же положительное дѣйствіе похитителя въ отношеніи похищаемой вещи и отрицательное въ отношеніи личности собственника; послѣдній можетъ претерпѣвать насиліе и угрозы, при отнятіи съ насиліемъ или угрозами, но единственно по столько, по скольку это оказывается необходимымъ для совершенія главнѣйшаго момента преступленія — отнятія вещи, по скольку слѣдовательно самъ собственникъ оказываетъ сопротивленія къ отдачѣ вещи. Поэтому то, по нашему мнѣнію, законодатель въ числѣ признаковъ различія грабежа отъ разбоя и опредѣляетъ, что въ грабежѣ насилія и угрозы не могутъ быть опасны для жизни или здоровья и свободы ограбленнаго, ибо чувство самосохраненія обыкновеннаго смертнаго требуетъ изъ двухъ золъ, при неизбѣжномъ стеченіи ихъ, избрать меньшее и пожертвовать вещью ради жизни, или здоровья, или свободы. Очевидно, что въ грабежѣ всякое насиліе или угрозы, составляя одинъ изъ признаковъ дѣянія, представляются и подразумѣваются въ самомъ тѣсномъ, собственномъ *значеніи средства* похищенія и притомъ совершенно не необходимымъ во всякомъ случаѣ, ибо, и при от-

существованіи ихъ, понятіе грабежа сохраняется уже при одномъ «открытомъ похищеніи», которое по смыслу самого закона есть однородное съ насильственнымъ отнятіемъ дѣйствіе. Таковъ, по нашему мнѣнію, внутренній смыслъ употребленнаго законодателемъ выраженія *отнятіе* для опредѣленія признаковъ грабежа. Что же касается до разбоя, то, мы думаемъ, что употребленное законодателемъ выраженіе всякое *нападеніе* для похищенія, независимо своего грамматическаго смысла, отличающаго его отъ понятія «отнятія», уже не можетъ имѣть значенія равносильнаго съ *отнятіемъ* по самому существованію понятія преступленія разбоя, вытекающему изъ разсмотрѣнія совокупности признаковъ его, опредѣляемыхъ закономъ и, между прочимъ, изъ указанія закона (ст. 1627) на характеръ тѣхъ послѣдствій, къ коимъ приводитъ разбойническое насиліе — нападеніе.

По статьѣ 1627, насиліе въ разбоѣ, во всякомъ случаѣ, должно сопровождаться, по меньшей мѣрѣ, тѣлесными истязаніями, а можетъ сопровождаться и убійствомъ; равнымъ образомъ и угрозы для того, чтобы составить признакъ разбоя, должны сопровождаться по меньшей мѣрѣ опасностію для свободы, а могутъ сопровождаться и опасностію для жизни. Такимъ образомъ, если въ грабежѣ насиліе, являясь, по существу понятія этого преступленія, только средствомъ похищенія, въ положительномъ опредѣленіи закона ограничивается въ своей степени, (ст. 1642), то уже по одному тому, что въ разбоѣ въ самомъ законѣ насиліе опредѣляется въ его высшихъ степеняхъ и именно какъ отличіе отъ грабежа, — насиліе это нельзя понимать какъ средство только похищенія; убійство въ разбоѣ, во всякомъ случаѣ, представляется какъ излишество въ средствахъ похищенія, а потому и *составляетъ уже, такъ сказать, положительное дѣйствіе противъ лица*, при положительномъ дѣйствіи противъ вещи. Признавая въ разбойническомъ насиліи (нападеніи) значеніе грабительскаго насилія (средства) пришлось бы убійство въ разбоѣ и всякія опасныя для жизни послѣдствія разсматривать какъ исключительныя явленія, по тому же основанію, на которое

мы ссылались при разсмотрѣніи существа понятія грабежа. Судебная практика неменѣе убѣдительно опровергаетъ отождествленіе разбойническаго насилія съ грабительскимъ, какъ средствомъ похищенія, ибо большинство случаевъ разбоя, сопровождавшихся убійствомъ, вовсе не обуславливались борьбою на жизнь между разбойникомъ и претерпѣвающимъ, а напротивъ, и безъ всякой борьбы изъ за имущества, обанчивались смертью послѣдняго. Очевидно поэтому, что разбойническое насиліе, называемое законодателемъ *нападеніе*, прежде всего не тождественно съ грабительскимъ насиліемъ не въ количественномъ отношеніи, а въ качественномъ, по которому первое есть *насиліе—нападеніе*, хотя и совершаемое для похищенія, но несоразмѣряемое съ требованіями необходимости только для похищенія, а второе есть насиліе со всеми свойствами средства похищенія. Такимъ образомъ, количество насилія въ послѣднемъ случаѣ всецѣло зависитъ отъ обстоятельствъ похищенія (отнятія), а количество насилія въ первомъ случаѣ уже есть самостоятельно опредѣляемое и во всякомъ случаѣ соизволяемое похитителемъ, такъ сказать, а priori, какъ болѣе или менѣе опредѣленное намѣреніе *рядомъ* съ намѣреніемъ похищенія. Поэтому въ разбоѣ совершаются два акта, нападеніе и похищеніе, а потому и достигается двѣ цѣли, стоящія между собою въ солидарномъ отношеніи; въ грабежѣ совершается только одинъ актъ и достигается одна цѣль—вещь; къ лицу же грабитель относится отрицательно и если совершаетъ противъ него *насиліе*, то не въ видѣ *нападенія* а въ видѣ *понужденія* къ отдачѣ вещи (отнятіе). Признаніе болѣе или меньшей степени самостоятельнаго значенія за тѣмъ или за другимъ актомъ, въ разбоѣ зависитъ отъ взгляда законодателя; такъ, — германскія законодательства придаютъ болѣе самостоятельное значеніе акту нападенія—то на лицо, то на вещь и, смотря потому, какому акту разбоя придаютъ наиболѣе самостоятельное значеніе, преступленіе это относятъ—то къ преступленіямъ противъ имущества, то къ преступленіямъ личности. Наше Уложеніе, относя разбой къ разряду преступленій противъ собственности, очевидно отдаетъ акту нападенія на имущество,—похищенію,—болѣе

самостоятельное значеніе, что явствуетъ и изъ буквального смысла опредѣленія разбоя, какъ нападенія *для похищенія*. Но соображеніе 1459 и 1634 ст. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что наше Уложеніе и за *нападениемъ на лицо* въ разбой признаеть болѣе или менѣе самостоятельное значеніе акта, какъ положительнаго дѣйствія противъ лица. Касс. сенатъ, въ рѣшеніи своемъ за № 569—69 г., устанавливая различіе между разбоемъ и грабежомъ, по характеру главнѣйшихъ моментовъ въ томъ и другомъ видѣ похищенія, признаеть что въ разбой главнѣйшимъ моментомъ (актомъ) является *нападеніе на лицо*, а въ грабѣжѣ *похищеніе*.

И такъ, въ разбой насиліе противъ лица (нападеніе), составляя способъ похищенія, въ тоже время представляется и дѣйствіемъ положительнымъ и самостоятельнымъ, характеризующимъ главнѣйшій моментъ (актъ) преступнаго дѣянія, какъ разъяснилъ сенатъ; въ числѣ признаковъ разбоя, рядомъ съ насиліемъ, сопровождающимся убійствомъ, законодатель указалъ и такой признакъ разбоя, по коему насиліе (нападеніе) не сопровождается не только опасными послѣдствіями для жизни или здоровья, но и никакими послѣдствіями для лица потерпѣвшаго, но когда это насиліе произведено *съ оружіемъ*. Отсюда очевидно, что самый центръ преступной тяжести такого дѣянія, уравниваемого законодателемъ съ разбойническимъ убійствомъ, долженъ заключаться главнымъ образомъ въ этомъ состояніи *вооруженія*; очевидно по этому и то, что коренное начало, полагаемое законодателемъ въ основу своего понятія о разбой, какъ двусторонняго акта нападенія на лицо и на вещь, должно въ равной мѣрѣ находить себѣ объясненіе, какъ въ нападеніи сопровождающемся напр. убійствомъ, такъ и *въ нападеніи*, для похищенія, *съ оружіемъ*. Ибо и здѣсь, какъ мы видѣли, и въ грабѣжѣ, иного вывода сдѣлать нельзя, какъ нельзя допустить, чтобы противоположными признаками опредѣлялся одинъ и тотъ же видъ похищенія. Такимъ образомъ, — главнѣйшій моментъ (актъ) въ разбой есть нападеніе на лицо, нападеніе это можетъ сопровождаться убійствомъ, вся тяжесть этого

преступленія въ отличіе отъ грабежа сосредоточивается въ элементѣ, такъ сказать, *противоличномъ* слѣдовательно и *вооруженное* нападеніе въ разбой, характеризуется началомъ той же *личной опасности* претерпѣвающаго, которая въ тоже время во все не зависитъ и необезпечена, какъ въ грабежѣ, отдачею имущества.

Обращаясь, за тѣмъ, къ установленію объективнаго значенія вооруженія въ разбойническомъ нападеніи, нельзя не признать, что оно есть въ тоже время и указаніе по крайней мѣрѣ на *соизволеніе* похитителя на осуществленіе своего насилія (нападенія) именно чрезъ *оружіе*, въ гораздо большей степени того, сколько необходимо для совершенія только похищенія, хотя бы въ самомъ совершеніи преступленія и неупотреблялось оружіе (ст. 1634, 1458 и 1459). Такимъ образомъ, сводя изложенное нами, мы приходимъ къ слѣдующему, не лишнему значенія для дальнѣйшаго изложенія, выводу: основной принципъ наказуемости вооруженія въ его высшемъ типѣ общаго значенія въ ученіи нашего Уложенія, есть *опасность лица претерпѣвающаго разбойническое нападеніе*, слѣдовательно вообще противоположная опасность дѣйствія, и особая дерзость воли похитителя, совершающаго нападеніе для похищенія при такихъ условіяхъ, которыя даютъ ему полную возможность осуществленія самой высшей степени насилія, противъ лица подвергшагося нападенію, именно чрезъ оружіе,—такъ какъ, по существу понятія разбоя, самое нападеніе есть уже самостоятельный, характеристичный актъ преступленія.

Въ остальныхъ видахъ похищенія, т. е. въ грабежѣ и кражѣ, обстоятельство вооруженія въ общемъ своемъ характерѣ имѣетъ другое значеніе: тамъ оно является какъ особо увеличивающее вину обстоятельство, какъ обстоятельство квалифицирующее грабежъ и кражу. Но хотя оно измѣняетъ свой общій характеръ значенія въ цѣлой системѣ ученія о вооруженномъ похищеніи по Уложенію, мы не думаемъ (и постараемся подтвердить это нижеизложеннымъ), чтобы

въ грабежъ и кражъ основной принципъ наказуемости вооруженія потерпѣль, какое либо видоизмѣненіе. Въ отдѣлѣ о грабежѣ, ученіе о вооруженіи по Уложенію заключается въ двухъ статьяхъ, въ ст. 1641 и 1643.

Въ первой изъ нихъ выражено, что если учинившій грабежъ былъ вооруженъ, то хотя бы и не употреблялъ *сего оружія* даже и для угрозъ ограбленнаго, — дѣяніе его признается за *одинъ изъ видовъ разбоя*. При разсмотрѣніи этой статьи Уложенія, нельзя не остановиться прежде всего на томъ, что ею вполне объясняются требованія законодателя относительно объективных признаковъ вооруженнаго нападенія въ разбой, въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ мы выше изложили, т. е. что понятіе разбоя по ст. 1627 обуславливается только *имѣніемъ оружія при нападеніи*. Допуская иное требованіе законодателя отъ вооруженія въ разбой, пришлось бы встрѣтить неустранимое препятствіе къ объясненію опредѣленія 1641 ст. о томъ, что *одно имѣніе оружія* даже только при открытомъ похищеніи (не только безъ нападенія, но и безъ насилія и угрозъ) превращаетъ грабежъ въ одинъ изъ видовъ разбоя. А потому, такъ какъ при опредѣленіи разбоя, положительнаго требованія объ употребленіи оружія въ законѣ не высказано (12—1627 л.), то очевидно, что въ понятіи разбоя заключается только понятіе *нападенія въ состояніи вооруженія безъ употребленія оружія*, уже потому одному, что по ст. 1641 одно имѣніе оружія превращаетъ грабежъ въ одинъ изъ видовъ разбоя. Но при разсмотрѣніи, по ст. 1641, общаго значенія вооруженія, какъ обстоятельства квалифицирующаго, изъ буквального смысла ея повидимому представляется какъ бы увеличеніе значенія его противъ того значенія, которое законодатель установилъ этому обстоятельству въ разбой, гдѣ вооруженіе является какъ одинъ изъ элементовъ самаго понятія преступленія. Такъ, — по смыслу 1627 ст. вооруженіе обуславливаетъ понятіе разбоя какъ *нападеніе съ оружіемъ*; — выше мы видѣли, какое важное значеніе имѣеть въ разбой *актъ нападенія*: вооруженіе при немъ является съ значеніемъ объективнаго признака только большей опа-

ности его; въ грабежѣ же, по ст. 1641, одно вооруженіе, не только безъ *нападенія* но и безъ *всякихъ* угрозъ, создаетъ одинъ изъ видовъ разбоя. Видимое уклоненіе законодателя отъ послѣдовательнаго развитія основнаго характера значенія вооруженія, видимое какъ бы колебаніе въ установленіи самой степени самостоятельности обстоятельства вооруженія въ одномъ и томъ же видѣ похищенія, — очевидно нуждается въ посильномъ истолкованіи. Истолкованіе сего, по нашему мнѣнію, заключается въ истолкованіи буквальнаго же смысла ст. 1641, по которому хотя состояніе вооруженія при грабежѣ и имѣетъ столь важное значеніе не какъ принадлежность нападенія или насилія, а само по себѣ превращаетъ грабежъ въ одинъ изъ видовъ разбоя, то все же оно (вооруженіе) не создаетъ по буквальному смыслу 1641 ст. самаго состава разбоя, а создаетъ такой квалифицированный грабежъ, который *«признается за одинъ изъ видовъ разбоя»*, ибо въ противномъ случаѣ законодатель или помѣстилъ бы этотъ видъ похищенія въ отдѣлъ о разбоѣ, или, по крайней мѣрѣ, при опредѣленіи наказанія отослалъ бы къ наказаніямъ за разбой, не опредѣляя съ точностію рода, вида и степени наказанія подъ ст. 1641. Такимъ образомъ, изъ соображенія буквальнаго смысла ст. 1641, по нашему мнѣнію, устраняется прежде всего выводъ о томъ, что въ опредѣленіи значенія вооруженія въ разбоѣ сперва по ст. 1627, а потомъ по ст. 1641 законодатель какъ бы противорѣчитъ послѣдовательности, возвышая въ послѣднемъ случаѣ вліяніе состоянія вооруженія на составъ преступленія до того, что оно одно обусловливаетъ составъ разбоя, тогда какъ не придавало такого значенія вооруженію при опредѣленіи самаго разбоя. Но такое наше мнѣніе подтверждается и тѣмъ, что по смыслу 1642 и 1654 (въ опредѣленіи наказанія) обстоятельство вооруженія при грабежѣ положительно признается только какъ квалифицирующее, а потому уже никоимъ образомъ не можетъ входить въ составъ самаго понятія преступленія (ст. 1643). Что же касается до того, что состояніе вооруженія въ грабежѣ имѣетъ такое важное значеніе, квалифицируя грабежъ до степени тяжести разбоя, при отсутствіи

всякихъ другихъ, кромѣ открытаго похищенія, дѣйствию похитителя.—то въ этомъ, полагаемъ, заключается только совершенно послѣдовательное развитіе и проведеніе принципа *противо-личной* опасности вооруженія, который дѣйствительно только при квалифицирующемъ значеніи вооруженія и выдѣляется во всей своей опредѣлительности въ грабежѣ, не заслоняясь, какъ въ разбоѣ, актомъ *нападенія* на лицо держателя похищаемаго, уже въ себѣ самомъ заключающемъ всѣ элементы *противо-личной* опасности. Поэтому нельзя не признать, что и при квалифицирующемъ значеніи вооруженія, въ данномъ случаѣ при грабежѣ, основной принципъ наказуемости его есть тотъ же принципъ *противо-личной* опасности, ибо если съ одной стороны состояніе вооруженія по ст. 1641 при открытомъ похищеніи, т. е. при такомъ похищеніи, при которомъ похититель игнорируетъ личность собственника, имѣетъ столь важное квалифицирующее значеніе, а съ другой, по самому характеру похищенія, какъ только что замѣтили, это состояніе вооруженія не оказываетъ похитителю дѣйствительнаго видимаго содѣйствія для достиженія цѣли похищенія (безъ употребленія даже для угрозъ ограбленнаго)—то единственно разумное истолкованіе такого значенія вооруженія, которое устанавливается законодателемъ для квалификаціи грабежа, заключается въ признаніи въ немъ принципа *личной* опасности претерпѣвающаго, хотя бы безъ акта нападенія на лицо.

Въ третьемъ видѣ похищенія—въ кражѣ—обстоятельство вооруженія также не игнорируется законодателемъ. Въ статьяхъ 1653 и 1654 положительно выражено, что и при кражѣ обстоятельство вооруженія также квалифицируетъ ее, облагая вооруженное похищеніе высшимъ наказаніемъ, смотря потому, при какихъ условіяхъ совершенно вооруженное похищеніе, при условіяхъ-ли означенныхъ ст. 1653, или при условіяхъ, означенныхъ въ ст. 1654; при этомъ, въ послѣднемъ случаѣ, вооруженное похищеніе разсматривается какъ одинъ изъ видовъ грабежа. Но такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ не одно только обстоятельство вооруженія возводитъ кражу до одного изъ видовъ грабежа, тогда какъ въ грабежѣ, какъ мы ви-

дѣли, одинъ фактъ вооруженія возводилъ его до наказуемости какъ за одинъ изъ видовъ разбоя, то очевидно, что съ переходомъ въ системѣ преступленийъ противъ собственности отъ болѣе тяжкихъ видовъ похищенія къ менѣе тяжкимъ и значеніе вооруженія какъ бы умалается, такъ что одно обстоятельство вооруженія при кражѣ (ст. 1653) квалифицируетъ ее наравнѣ со взломомъ втораго рода.

Что же касается до объективныхъ признаковъ квалификаціи вооруженіемъ, то они и въ кражѣ совершенно одинаковы съ признаками квалификаціи въ грабежѣ: *одно имѣніе при себѣ оружія или орудія* квалифицируетъ кражу. Слѣдуя принятому порядку изложенія общаго характера значенія вооруженія въ системѣ указанныхъ трехъ видовъ похищенія, намъ здѣсь же надлежало бы перейти къ указанію основнаго принципа наказуемости вооруженія при кражѣ, но мы находимъ удобнѣе это сдѣлать при разсмотрѣніи условій квалификаціи вооруженія при грабежѣ и кражѣ. Здѣсь же за бѣглымъ указаніемъ общаго характера вооруженія остается замѣтить, что квалифицирующее значеніе вооруженія при кражѣ, составляя наиболѣе существенный вопросъ практики, относительно разрѣшенія своего, не стоитъ въ какихъ либо особыхъ условіяхъ, изолирующихъ его отъ общихъ началъ квалификаціи вооруженіемъ при грабежѣ и отъ общихъ началъ общаго характера вооруженія при похищеніи. Наше Уложеніе, по нашему разумѣнію, въ ученіи о вооруженномъ похищеніи гораздо болѣе послѣдовательно въ развитіи принятыхъ имъ началъ, чѣмъ представляется это съ перваго взгляда.

Въ видахъ подтвержденія такого нашего взгляда, приступая къ изложенію *условій* квалификаціи вооруженія при грабежѣ и кражѣ, мы и считаемъ необходимымъ высказать предварительно нѣсколько общихъ замѣчаній.

По основному началу интерпретаціи всякое обстоятельство особливо увеличивающее вину истолковывается по буквальному его смыслу и по преимуществу въ ограничительномъ смыслѣ, а такъ какъ въ грабежѣ и кражѣ обстоятельство вооруженія является именно съ значеніемъ особо увеличивающаго вину, то очевидно, что огра-

ничительное истолкованіе, основываемое на томъ началѣ, что всякое распространеніе примѣненія отягчающихъ послѣдствій для виновнаго, до тѣхъ поръ не можетъ имѣть мѣста, пока положительно не указано въ законѣ, должно быть примѣняемо и къ истолкованію ученія о вооруженномъ похищеніи. Впрочемъ не думаемъ, чтобы обстоятельство вооруженія, разсматриваемое какъ элементъ самаго понятія преступленія (въ разбоѣ), могло допустить распространительное истолкованіе.

Если же мы сравнимъ опредѣленія закона о вооруженіи при открытомъ похищеніи (въ разбоѣ и грабежѣ) съ опредѣленіями о вооруженіи при тайномъ похищеніи (въ кражѣ), то, кромѣ указанного выше какъ бы умаленія квалифицирующаго значенія вооруженія въ послѣднемъ видѣ похищенія, сравнительно съ квалифицирующимъ значеніемъ вооруженія въ грабежѣ, легко усмотрѣть, что опредѣленія закона о вооруженіи при кражѣ представляютъ и большую степень развитія. Такъ, въ ст. 1653 законодатель съ большею опредѣлительностью, прежде всего, указываетъ на объективные признаки вооруженія; здѣсь онъ говоритъ не объ одномъ только *оружіи*, какъ говорилъ въ разбоѣ и грабежѣ, но говоритъ и объ *орудіи*, опредѣляя его какъ такое, коимъ можно нанести смерть или увѣчые; очевидно поэтому, что вмѣстѣ съ объективнымъ опредѣленіемъ *орудія*, могущаго составить вооруженіе при кражѣ, болѣе точно опредѣляются и объективные признаки оружія,—ибо какъ то такъ и другое одинаково квалифицируетъ кражу. Такимъ образомъ, продолжая сравненіе необходимо признать слѣдующія не лишеныя значенія положенія, относящіяся къ ученію о вооруженіи при кражѣ: а) умаленіе квалифицирующаго значенія вооруженія, сравнительно съ грабежомъ; б) расширеніе круга самаго понятія вооруженія на вооруженіе *орудіемъ*, коимъ можно нанести смерть или увѣчые; в) объективный же признакъ квалификации въ кражѣ какъ и въ грабежѣ одинъ и тотъ же, т. е. *одно состояніе вооруженія въ моментъ совершенія преступленія*.

Говоря о вооруженіи при грабежѣ, мы видѣли, что законода-

тель въ ст. 1641 не упоминаль ни о какомъ иномъ вооруженіи какъ только оружіемъ. Такъ, въ означенной статьѣ выражено, что если учинившій грабежъ былъ вооруженъ, то хотя бы и не употребляль сего *оружія*, онъ подвергается, и проч.; *при немъ такое дѣланіе признается за одинъ изъ видовъ разбоя*.

Мы съ своей стороны не думаемъ, чтобы при истолкованіи понятія вооруженія при грабежѣ возможно было допустить распространеніе его и на вооруженіе вообще орудіемъ, годнымъ на нанесеніе увѣчья или причиненіе смерти, т. е. распространеніе примѣнительно къ понятію вооруженія при кражѣ (1653 ст.). Основаніе этого безспорно заключается прежде всего въ вышенприведенномъ нами коренномъ началѣ интерпретаціи. Но рядомъ съ этимъ нельзя не упомянуть и о слѣдующемъ. Мы видѣли, съ какими особенностями представляется общій характеръ вооруженія при кражѣ; мы видѣли, что съ одной стороны степень квалификаціи вооруженія при кражѣ умалывается, а съ другой объемъ понятія вооруженія опредѣляется гораздо шире; нечего конечно говорить о существѣ различія понятій каждаго изъ этихъ видовъ похищенія. Такимъ образомъ, при самомъ первомъ взглядѣ на свойство этихъ особенностей общаго характера вооруженія въ кражѣ, нельзя не придти къ заключенію о существованіи и особыхъ основаній къ тому и, между прочимъ, нельзя не придти къ предположенію и объ особомъ или по крайней мѣрѣ о видоизмѣненномъ принципѣ квалификаціи вооруженія въ кражѣ. Поэтому въ виду замѣченнаго, а также и того, что по самому способу совершенія похищенія въ грабежѣ состояніе вооруженія въ своихъ объективныхъ свойствахъ опредѣляется исключительно сознаниемъ претерпѣвающаго, нельзя не придти къ заключенію что распространеніе понятія вооруженія въ грабежѣ, примѣнительно къ кражѣ, было бы нарушеніемъ связи и зависимости квалифицирующаго значенія вооруженія *отъ способа совершенія похищенія*, чего допустить невозможно. Но и за симъ, — въ грабежѣ вооруженіе по 1641 ст. превращаетъ его въ одинъ изъ видовъ разбоя, тѣсное же понятіе вооруженія въ разбоѣ еще не подвергалось оспорованію.

Такимъ образомъ, ни по буквальному смыслу ст. 1641, ни по соображенію общаго характера квалификации вооруженія при кражѣ сравнительно съ грабежомъ, не представляется ни одного основанія въ пользу распространительнаго истолкованія понятія вооруженія въ грабежѣ, примѣнительно къ понятію о немъ въ ученіи о кражѣ (ст. 1653). Но въ Уложеніи мы находимъ ст. 1643; по смыслу этой статьи повидимому положительно допускается квалифицирующее значеніе вооруженія не только оружіемъ, но и *орудіемъ*, коимъ похититель могъ бы устрасить подвергшагося ограбленію. Сопоставленіе ст. 1641 и 1643 повидимому приводитъ къ слѣдующему выводу: ст. 1641 заключаетъ въ себѣ опредѣленіе положительныхъ признаковъ понятія вооруженія и въ ней законодатель упоминаетъ только объ *оружіи*, ст. же 1643 представляетъ опредѣленіе отрицательныхъ признаковъ вооруженія, т. е. опредѣляетъ, что законъ разумѣетъ подъ понятіемъ *не вооруженнаго грабежа*, — и въ ней говоритъ, что только отсутствіе всякаго *орудія*, коимъ могъ похититель *устрасить* ограбляемаго, составляетъ понятіе простаго *чистаго грабежа*. Въ основѣ такого истолкованія, конечно, лежитъ предположеніе о тѣсной связи обѣихъ разсматриваемыхъ статей и такомъ отношеніи ихъ между собою, по которому одна представляется развитіемъ содержанія другой.

Мы же, съ своей стороны, не усматривая такого отношенія ст. 1641 и 1643, по которому одна изъ нихъ является развитіемъ содержанія другой, не можемъ и принять вышеприведенное истолкованіе понятія вооруженія при грабежѣ.

Такъ, — разсматривая всю систему ученія Уложенія о грабежѣ, легко замѣтить, что собственно въ двухъ статьяхъ его, въ ст. 1642 и 1643, заключаются опредѣленія основныхъ видовъ грабительскаго похищенія, сообразно двумъ группамъ признаковъ грабежа, опредѣленнымъ въ ст. 1637. — Ст. 1642 устанавливаетъ наказуемость грабежа по первой группѣ признаковъ его: *отнятіе съ насиліемъ*; статья же 1643 устанавливаетъ наказуемость грабежа по второй группѣ признаковъ его: *открытое похищеніе*. Всѣ же остальные статьи предусматриваютъ особые, болѣе тяжкіе виды

грабежа по свойству обстоятельствъ ихъ сопровождавшихъ. Такимъ образомъ, гдѣ же основаніе для заключенія о вышеуказанномъ внутреннемъ отношеніи ст. 1641 и 1643? Нельзя при этомъ не замѣтить, что, облагая вооруженный грабежъ наказаніемъ высшимъ, ст. 1641 признаетъ его за одинъ изъ видовъ разбоя, только на томъ основаніи, что грабежъ совершенъ въ состояніи вооруженія; очевидно, что если такой грабежъ уподобляется другому высшему виду похищенія, то если можно усматривать связь этого закона, для выясненія понятія вооруженія, то именно съ тѣмъ, гдѣ опредѣляется первообразъ этого уподобленія т. е. въ разбой, а не въ ст. 1643, опредѣляющей чистѣйшій видъ грабежа, такимъ между прочимъ признакомъ, который можетъ служить только весьма точнымъ отрицательнымъ опредѣленіемъ понятія *открытаго похищенія*, а не понятія вооруженія при грабежѣ, признаваемого за одинъ изъ видовъ разбоя, — мы разумѣемъ выраженіе: «никакого иного орудія, коимъ онъ могъ бы *устрашить*». —

Таково первое условіе квалификаціи вооруженія при грабежѣ.

Второе условіе. Придавая столь важное квалифицирующее значеніе состоянію вооруженія при грабежѣ, когда онъ характеризуется простымъ открытымъ похищеніемъ, законъ однако не даетъ указаній на то, какое вооруженіе квалифицируетъ грабежъ, явное или скрытое, или и то и другое, — о чемъ положительно говоритъ напр. Code penal, art 381. Законъ просто упоминаетъ о вооруженіи какъ объ одномъ изъ обстоятельствъ, квалифицирующихъ грабежъ въ смыслъ разбоя. Признаніе за тѣмъ и другимъ состояніемъ вооруженія одинаково квалифицирующаго значенія было бы распространеніемъ квалификаціи вооруженія на случаи прямо неуказанные закономъ; признаніе же только закономъ за *открытымъ* вооруженіемъ квалифицирующаго значенія несомнѣнно истекаетъ изъ основнаго принципа наказуемости состоянія вооруженія.

По существу понятія грабежа, совершаемое имъ похищеніе, во всякомъ случаѣ, производится явно и въ присутствіи самого хозяина вещи, будетъ ли это похищеніе совершаться чрезъ *отнятіе* съ насиліемъ или чрезъ «*открытое похищеніе*». Какъ въ томъ

такъ и въ другомъ способѣ явнаго похищенія, личность держателя похищаемой вещи представляется въ пассивномъ положеніи, такъ какъ она сознаетъ свое безсильное положеніе въ противодѣйствіи къ похищенію. Состояніе вооруженія такого похитителя, *сознаваемое претерпвающимъ*, конечно представляется новымъ обстоятельствомъ, почему онъ долженъ самъ содѣйствовать похитителю игнорировать его личную неприкосновенность въ возможно большей степени. Такимъ образомъ самоворужіе похитителя, однимъ своимъ нахожденіемъ (при немъ, уже содѣйствуетъ ему къ наибольше легкому способу похищенія. Такое значеніе имѣетъ открытое вооруженіе при явномъ похищеніи (Кас. рѣш. 1868 г. № 178). Очевидно, что не можетъ имѣть такого же значенія *скрытое* оружіе при явномъ похищеніи до тѣхъ поръ, пока оно не употреблено или не обнаружено, а между тѣмъ, по смыслу 1641 и 1643 ст., состояніе вооруженія въ грабежъ подразумѣвается, какъ состояніе *устрашающее* подвергшагося ограбленію, такъ какъ въ ст. 1643 простое открытое похищеніе характеризуется какъ полнѣйшее отсутствіе всякихъ атрибутовъ устрашенія, «когда не имѣлъ при себѣ. . . , коимъ могъ бы *устрашить*»....

И наконецъ, — вооруженный грабежъ по ст. 1641 признается за одинъ изъ видовъ разбоя. Выше мы видѣли, какъ надлежитъ истолковывать такое опредѣленіе; но нельзя не признать, что, при отсутствіи *нападенія* (разбойническаго), въ грабежъ только одно состояніе вооруженія можетъ уподобить его разбою, вооруженіе же въ разбоѣ, по существу самаго понятія этого преступленія, не можетъ быть *скрытымъ*, такъ какъ *скрытое* оружіе, при разбойническомъ нападеніи, не можетъ осуществить того важнаго значенія одного только акта *нападенія* (разбойническаго), который стоитъ наряду съ нападеніемъ, съ убійствомъ и проч. въ числѣ признаковъ разбоя.

Оппенгофъ въ своихъ комментаріяхъ къ прусскому Уложенію говоритъ, что только потому одно состояніе вооруженія, безъ употребленія оружія, признается за квалифицирующее, что оно для лица претерпѣвающаго не только представляется *угрожающимъ* про-

тивъ всякой попытки къ сопротивленію въ уступкѣ похищаемой вещи по самому объективному своему свойству, но оно (вооруженіе) въ сознаніи претерпѣвающаго представляется какъ волимое похитителемъ дѣяніе, который такимъ образомъ уже имѣетъ рѣшимость на употребленіе сего оружія (м. in der Absicht des Diebs liegen § 232, 218 п 2, 6 и 60; то же Rogron comment. Code penal § 386 п 2).

Такимъ образомъ, если явное похищеніе (въ грабежѣ) по своему свойству своему есть уже *принужденіе* или физическое—или съ насиліемъ, или нравственное—если «открытое похищеніе»,—то состояніе вооруженія при такомъ похищеніи можетъ квалифицировать его только подъ условіемъ *усиленія* этой принудительности для нравственнаго состоянія претерпѣвающаго, а это возможно только при *открытомъ*, а не *скрытомъ* вооруженіи.

Третіе условіе. Всякое ли оружіе, имѣемое похитителемъ, надлежитъ признавать за квалифицирующее грабежъ? Нужно ли, чтобы опасенія претерпѣвающаго на счетъ вооруженнаго состоянія похитителя основывались на дѣйствительной опасности оружія самаго по себѣ?

На эти вопросы прямыхъ разрѣшеній въ Уложеніи мы не встрѣчаемъ. Но нельзя не признать, что разрѣшеніе ихъ имѣетъ практическое значеніе. Поэтому необходимо обратиться къ соображенію основныхъ началъ ученія о вооруженіи и внутренняго смысла ст. 1641 и 1643. Прежде всего слѣдуетъ признать, что объективное качество вооруженія при грабежѣ не можетъ, и на самомъ дѣлѣ не отождествляется, съ вооруженіемъ при кражѣ.—Выше мы имѣли случай указать на такую особенность ученія вооруженія—въ этомъ отношеніи—при кражѣ отъ вооруженія при грабежѣ. Въ кражѣ требуется опредѣляющимъ условіемъ такого свойства вооруженіе, которое было бы годно для причиненія смерти или увѣчья; въ грабежѣ, какъ по основному принципу наказуемости состоянія вооруженія, такъ и по смыслу 1643 ст., вооруженіе есть элементъ *устрашенія*. По этому въ сущности со стороны объективныхъ качествъ вооруженія, понятіе вооруженія при грабежѣ шире

чѣмъ въ крадѣ, ибо достаточно одного устрашающаго свойства вооруженія, но только *оружіемъ*, чтобы квалифицировать грабежъ. Такимъ образомъ, по смыслу закона, прежде всего требуется, чтобы оружіе было устрашительно. Очевидно, что объективнаго качества оружія въ этомъ отношеніи предоставляется сознанію потерпѣвшаго. И въ этомъ отношеніи единственно возможное ограниченіе въ самомъ понятіи вооруженія при грабежѣ — чрезъ *оружіе* — представляется вполне сообразнымъ и справедливымъ опредѣленіемъ Уложения. Что же касается до того предѣла, за которымъ уже очевидна и неоспорима неустрашительность оружія, то понятно, что онъ можетъ быть опредѣленъ только въ каждомъ данномъ случаѣ, какъ вопросъ факта. Но во всякомъ случаѣ, нельзя напримѣръ не признать квалифицирующаго значенія вооруженія оружіемъ, которое хотя и не было заряжено, но объ этомъ не зналъ потерпѣвшій. Оппенгофъ, комментируя 218 § прусскаго уложения, приведенный нами примѣръ въ видѣ вопроса, но въ тоже время, развивая свои положенія объ условіяхъ qualificации вооруженія, говоритъ, что въ этомъ отношеніи существенно только, чтобы претерпѣвающій сознавалъ опасность (устрашительность) вооруженнаго состоянія похитителя, она сей послѣдній сознавалъ, что имѣніе имъ при себѣ такого оружія производить желаемое для похищенія влияние на сознаніе претерпѣвающаго (стр. 350). Очевидно, что и Оппенгофъ въ сущности и приходитъ къ такому же выводу, который указанъ выше. Но конечно не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что законъ, при вооруженіи при грабежѣ, не ограничиваетъ его только *оружіемъ* въ собственномъ отъсномъ смыслѣ: ножъ, топоръ, — также квалифицируютъ грабежъ. (См. Oppenhoff стр. 349 и code penal art. 386, особ. art. 101.)

Четвертое условіе. Въ своемъ объективномъ свойствѣ опасности, состояніе открытаго вооруженія есть элементъ той принудительной силы, которая составляетъ средство открытаго похищенія въ грабежѣ. Въ этомъ, какъ мы видѣли, заключается первая и важнѣйшая сторона квалифицирующаго свойства вооруже-

нія въ грабежѣ. Но это-же состояніе вооруженія при явномъ похищеніи, поставляя похитителя въ наилучшія условія для достиженія цѣлей похищенія, не можетъ быть чуждо его сознанию въ каждый данный моментъ совершенія преступленія. И это положеніе болѣе чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ похищенія, при явномъ похищеніи имѣеть полнѣйшее подтвержденіе въ томъ, что при явномъ похищеніи, совершаемомъ въ присутствіи хозяина, похититель имѣеть возможность оцѣнивать каждый актъ преступнаго дѣянія по отношенію къ присутствующему лицу собственника, по скольку вся обстановка совершенія преступленія оказываетъ противодѣйствіе (устрашеніе) къ сопротивленію противъ похищенія *). Такимъ образомъ, признаніемъ съ одной стороны квалифицирующаго свойства состоянія вооруженія при грабежѣ по отношенію къ лицу претерпѣвающаго, нельзя непризнать, какъ само собою вытекающее, другое свойство того же состоянія вооруженія по отношенію къ лицу держателя оружія въ грабежѣ, какъ указаніе на наиболѣе опасное настроеніе воли похитителя, — обѣ же эти стороны квалифицирующаго свойства состоянія вооруженія, воздѣйствуя совместно на преступное дѣяніе — при каждомъ актѣ совершенія его, — очевидно и квалифицируютъ дѣяніе въ двойномъ отношеніи,сообразно тому значенію, какое имѣеть оно и по отношенію къ сознанию претерпѣвающаго и по отношенію къ оцѣнкѣ качества воли похитителя. Поэтому, было ли вооруженіе прямымъ намѣреніемъ похитителя предъ совершеніемъ преднамѣреннаго похищенія (грабежа), или не было, принесено ли похитителемъ съ собою оружіе, или взято имъ на мѣстѣ похищенія, — для существа квалифицирующаго свойства вооруженія при грабежѣ не имѣеть существеннаго значенія, ибо, при каждомъ изъ означенныхъ условій, состояніе вооруженія вполне осуществляетъ свое

*) Оппенгофъ и говоритъ, что состояніе вооруженія всегда указываетъ на наибольшую опасность воли похитителя, такъ какъ не исключаетъ возможность употребленія оружія, хотя бы при совершенно случайномъ стеченіи обстоятельствъ, т. е. хотя бы употребленіе оружія и не было въ намѣреніи похитителя (тамъ же).

квалифицирующее влияние на характер преступнаго дѣянія. Доказательства же того, что оружіе напр. взято на мѣстѣ, а не принесено, не могутъ имѣть никакого существеннаго значенія, если при этомъ не доказано, что оружіе взято до окончанія совершенія преступленія. Во всякомъ случаѣ состояніе вооруженія осуществляется свой, такъ сказать квалифицирующій моментъ съ момента начала совершенія преступленія до его окончанія.

Пятое условіе, по видимому не возбуждающее никакихъ вопросовъ, заключается въ опредѣленіи круга примѣненія ст. 1641. И въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что квалифицирующее значеніе вооруженія въ смыслѣ 1641 ст. нисколько не зависитъ отъ того, какимъ изъ двухъ способовъ, указанныхъ въ 1637, ст. совершается грабительское похищеніе, — способомъ ли *отнятія* (съ насиліемъ) или способомъ открытаго похищенія (безъ насилія).

Таковъ, по нашему мнѣнію, основной принципъ наказуемости и условія квалификации состоянія вооруженія при грабежѣ по Уложенію. Соображеніе изложеннаго не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ наши выводы, которые, казалось намъ, истекали изъ разума закона, стояли въ тѣснѣйшей связи съ самымъ способомъ похищенія, которое квалифицируется состояніемъ вооруженія, способомъ не *тайнаго*, а *явнаго* совершенія преступленія въ присутствіи самаго хозяина или даже и чрезъ насиліе надъ нимъ. И только при этомъ основномъ условіи мы и сочли правильнымъ объяснять квалифицирующее качество состоянія вооруженія въ грабежѣ именно тѣмъ, что оно и безъ употребленія оружія, какъ того требуетъ законъ, само по себѣ, однимъ находженіемъ при похитителѣ, содѣйствуя совершенію явнаго похищенія, поставляя сознаніе и волю похитителя въ наиболее опасное положеніе къ личной неприкосновенности претерпѣвающего, составляетъ какъ бы элементъ преступный, оказывая извѣстную, и не малую, степень влияния на произведеніе извѣстныхъ, волимыхъ совершителемъ дѣйствія перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ. Очевидно поэтому, что, переходя къ разсмотрѣнію квалифицирующаго свойства вооруженія по Уложенію при кражѣ, необхо-

димо, прежде всего, принять на видъ, что по существу понятія этого вида похищенія, который также квалифицируется вооруженіемъ, для условій и основанія квалификаціи представляется совершенно другое начало, начало тайности совершенія похищенія^{*)}.

По существу понятія кражи, какъ тайнаго похищенія имущества, главнымъ и единственнымъ характеризующимъ дѣяніе актомъ, безспорно, есть взятіе вещи, похищеніе, при совершеніи котораго похититель не только не ищетъ присутствія хозяина, а избѣгаетъ его. По этому, до лица собственника похитителю если и есть дѣло, то въ особомъ,

*) Но и затѣмъ нельзя не остановиться на одномъ замѣчаніи. Вникая въ вышеприведенныя условія квалификаціи вооруженія при грабежѣ, легко усмотрѣть, что если въ грабежѣ оно стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ способа совершенія похищенія (открыто), то самая степень квалификаціи вооруженія въ разсматриваемомъ преступленіи, обуславливалось началомъ, такъ называемаго юридико-политическаго ученія о наказуемости дѣянія по которому всякое преступное дѣяніе настолько облагается наказаніемъ для виновнаго, насколько оно представляется дѣйствительно вреднымъ для общегитія и поскольку указываетъ на наиболее злую волю виновнаго. Мы видѣли, что одно имѣніе оружія при грабежѣ возводитъ его до значенія разбоя. Разсматривая основной принципъ такой наказуемости вооруженія, мы видѣли, что онъ заключается какъ въ томъ, что состояніе вооруженія оказываетъ свое дѣйствіе для совершенія преступленія, *устрашая* ограбляемаго, такъ и въ томъ, что оно изобличаетъ въ похитителѣ его сознаніе своего обезпеченнаго вооруженіемъ положенія относительно успѣха совершенія преступленія, а равно и готовность на употребленіе оружія. Усвоивъ этотъ принципъ, какъ казалось по Уложенію, мы и признавали, что только *открытое* вооруженіе можетъ квалифицировать грабежъ, по ст. 1641, такъ какъ при *скрытомъ* вооруженіи недостаетъ объективнаго начала его наказуемости наравнѣ съ *открытымъ*. Но если доказано, что похититель при грабежѣ имѣлъ скрытое оружіе? Какъ ниже мы увидимъ въ ученіи о вооруженной кражѣ, Уложеніе держится начала субъективной теоріи, но мы видѣли, что за то и степень квалификаціи вооруженія при кражѣ слабѣ чѣмъ въ грабежѣ (1653 ст.), что совершенно справедливо для такого начала наказуемости вооруженія; съ другой же стороны степень квалификаціи вооруженія по 1641 ст. для такого начала слишкомъ высока, и вообще неравномѣрно подвергать одинаковой ответственности за грабежъ съ *открытымъ* и грабежъ съ *скрытымъ* оружіемъ.

Такимъ образомъ или Уложеніе не имѣетъ твердой теоріи, или выраженіе въ ст. 1641 объ уподобленіи вооруженнаго грабежа разбою, какъ замѣчаютъ г. Лохвицкій, есть только «украшеніе».

оригинальномъ смыслѣ, въ смыслѣ избѣжанія съ нимъ всякаго столкновенія. Кража по преимуществу признается преступленіемъ труса, не рѣшающагося на открытое въ присутствіи хозяина похищеніе. Казалось бы, что въ самомъ свойствѣ и способѣ совершенія похищенія не существуетъ всѣхъ необходимыхъ основаній для квалификации его вооруженіемъ похитителя во время совершенія кражи, и по отсутствію примѣнимости того основнаго принципа особой наказуемости вооруженія, который заключается въ противолічной опасности его, которая (опасность) и воздѣйствуетъ на все условія совершенія преступленія похищенія, какъ мы видѣли при открытомъ похищеніи. Допущеніе же примѣненія этого принципа въ кражѣ, въ смыслѣ возможности, — неправильно, ибо возможность преступленія, разсматриваемая въ смыслѣ приготовленія на преступленіе, все-таки есть рядъ дѣйствій, связанныхъ опредѣленнымъ намѣреніемъ, вслѣдствіе чего всегда возможно изъ приготовленія уяснить и характеръ того преступленія, на которое готовится лицо. Имѣніе же похитителемъ оружія не можетъ разсматриваться какъ приготовленіе, ибо есть только обстоятельство сопровождающее собою тайное похищеніе. Неизбѣженъ вопросъ: чѣмъ же обстоятельство вооруженія связывается съ кражею и квалифицируетъ ее? Вооруженіе дѣйствительно можетъ относиться къ кражѣ, но не болѣе какъ одно изъ средствъ совершенія ея, какъ напр. для устрашенія препятствій къ допуску къ похищаемой вещи, для взлома. Казалось бы, что въ этой связи вооруженія съ преступнымъ дѣяніемъ и кроется принципъ квалификации кражи. Но взломъ самъ по себѣ квалифицируетъ кражу, независимо отъ способовъ и средствъ, коими онъ совершенъ. Хотя и нелепимо совершеніе напр. взлома 1-го рода безъ оружія или орудія, и такимъ образомъ вообще, при совершеніи важныхъ взломовъ, всегда возможна презумція о вооруженномъ состояніи похитителя, но законодатель тѣмъ не менѣе отдѣляетъ состояніе вооруженія въ самостоятельное квалифицирующее не только кражу со взломомъ, какъ это видно изъ послѣдней части 1658 ст., но и простую кражу, и въ первомъ случаѣ образуется уже стеченіе квалифицирующихъ обстоятельствъ,

которые при взломѣ втораго рода положительно воздѣйствуетъ на наказаніе, увеличивая его на одну степень.

Всѣ эти соображенія, безспорно, приводятъ къ тому, что хотя въ самомъ способѣ совершенія похищенія тайно (отъ хозяина) на первый разъ и не усматривается прямого основанія для квалификаціи кражи вооруженіемъ на основаніи принципа противоположной опасности, и при томъ въ смыслѣ элемента всего преступнаго дѣянія на произведеніе извѣстныхъ перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ, но въ виду того, что вооруженіе при кражѣ напр. со взломомъ, не рассматривается въ смыслѣ средства совершенія его, а самостоятельно квалифицируетъ такую кражу какъ особое обстоятельство, несомнѣнно есть же какой нибудь самостоятельный принципъ наказуемости вооруженія и при кражѣ, когда въ Уложеніи мы встрѣчаемъ ученіе о вооруженной кражѣ.

Ученіе это, какъ мы видѣли выше, заключается въ двухъ статьяхъ Уложенія, въ ст. 1653 и 1654. Статьи эти, какъ разъяснилъ Кассационный Сенатъ, стоятъ между собою въ весьма тѣсной связи и одна другую развиваютъ и объясняютъ. Такъ, въ ст. 1654 упоминается только объ особыхъ условіяхъ квалификаціи кражи вооруженіемъ при стеченіи другихъ квалифицирующихъ обстоятельствъ; но для выясненія понятія вооруженія и объективныхъ признаковъ его для квалификаціи статья 1654 прямо отсылаетъ къ ст. 1653. Замѣтимъ, что въ развитіи ученія о вооруженіи при кражѣ въ Уложеніи легко усмотрѣть полнѣйшую систематичность развитія: — сперва Уложеніе опредѣляетъ общія условія и самое понятіе вооруженія, какъ квалифицирующаго обстоятельства, затѣмъ устанавливаетъ относительное значеніе состоянія вооруженія при стеченіи другихъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, — и здѣсь постепенность: — сперва стеченіе вооруженія со взломомъ, а въ ст. 1654 и съ предварительнымъ уговоромъ. Такая систематичность, и какъ выше изложено, полнота развитія ученія о вооруженной кражѣ, подтвержденныя разъясненіемъ Сената, безспорно въ своемъ прирѣшеніи не должны и вызывать многихъ вопросовъ; возникшіе же въ практикѣ вопросы разъяснены Кассационными рѣшеніями за №

488 и 500—1867 г. № 9, 72 и 493—1868 г. № 111, 546 и 567—1869 г.

Обращаясь къ разсмотрѣнію рѣшеній кассационнаго сената, какъ къ важнѣйшему и почти единственному источнику для истолкованія ученія Уложенія о вооруженной кражѣ, нельзя не остановиться на тѣхъ основныхъ положеніяхъ его, которыя изложены въ важнѣйшемъ рѣшеніи его по дѣлу кр. Андреева и друг. (№ 500—1867 г.). Самъ сенатъ въ послѣдующихъ своихъ рѣшеніяхъ постоянно ссылается на это рѣшеніе какъ разъясняющее всѣ необходимые для практики выводы, истекающіе изъ соображенія ст. 1653 и 1654.

Въ рѣшеніи этомъ кассационный сенатъ разъяснилъ, что квалифицирующее свойство вооруженія при кражѣ нисколько не обуславливается вопросомъ о томъ, было ли употреблено оружіе или орудіе, даже и для взлома; для квалифицирующаго свойства вооруженія нужно только разрѣшить, въ каждомъ данномъ случаѣ, было ли у виновныхъ оружіе или орудіе во время совершенія кражи (ст. 1633 и 1654). Такимъ образомъ, *фактъ имѣнія при себѣ оружія или орудія при кражѣ, а не какое либо значеніе, дѣйствіе этого оружія или орудія самихъ по себѣ для кражи*,—квалифицируетъ кражу. Что же касается, продолжаетъ сенатъ, до употребленія этого оружія или орудія въ видѣ нападенія или даже взятія съ собою оружія или орудія для сей цѣли,—то такое дѣйствіе само по себѣ образуетъ уже не квалифицированную кражу, а другое преступленіе.

«Судебный Вѣстникъ», разбиравшій опредѣленіе С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу о временно отпускомъ рядовомъ Леонтьѣ Т—вѣ (С. В. № 49—1869 г.), на основаніи разсматриваемаго рѣшенія сената находитъ, что для состава вооруженной кражи по означенному рѣшенію *цѣль вооруженія совершенно безразлична*, и взятіе оружія или орудія для собственной защиты при совершеніи кражи не исключаетъ квалифицирующаго свойства вооруженія. Поэтому, въ примѣненіи къ кражѣ, квалифицирующее свойство вооруженія, по разъясненію сената, безусловно; единственное ограниченіе въ этомъ отношеніи заключается

только въ объективныхъ признакахъ свойства оружія или орудія; нужно, чтобы они были такими, какими можно нанести смерть или увѣчье. — Вотъ то важнѣйшее въ ученіи о вооруженной кражѣ положеніе, къ которому пришелъ сенатъ въ своемъ истолкованіи.

Сравнивая основанія и условія квалификаціи вооруженія при грабежѣ съ этимъ основаніемъ квалификаціи при кражѣ, нетрудно усмотрѣть, что какъ въ первомъ всякій моментъ преступнаго дѣянія по столько квалифицировался состояніемъ вооруженія похитителя, по сколько оно изобличало и степень опасности настроенія воли похитителя и воздѣйствовало, какъ средство, на самое совершеніе преступленія (устрашеніе), такъ во второмъ квалифицирующее свойство состоянія вооруженія, ничего не производя, ничего не изобличая въ отношеніи къ волѣ похитителя (цѣль вооруженія безразлична) тѣмъ не менѣе отягчаетъ наказаніе за кражу опредѣленное. . . .

Послѣдствія такого истолкованія ученія о вооруженной кражѣ, конечно, не могутъ привести къ выводамъ, истекающимъ изъ требованій цѣлесообразности уголовной репрессіи справедливости и изъ требованій общественной необходимости. Конечно, законъ о вооруженной кражѣ, такъ сказать, самъ виноватъ въ томъ, что внесъ въ жизнь элементъ преступности ничѣмъ не оправдываемый жизнью. Но мы не думаемъ, чтобы при истолкованіи такого закона можно было упустить изъ виду его *доброе namptrenie* и не ограничить по духу того же закона тѣхъ послѣдствій, которыя, во всякомъ случаѣ, не могли быть желаемы законодателемъ. — Первымъ изъ такихъ послѣдствій по духу вышеприведеннаго истолкованія, конечно, представляется, по нашему разумію, то, что кража со взломомъ 1-го рода, — пока недоказано, что воръ напр., подкопалъ стѣну не вооруженною рукою — будетъ, по необходимой презумціи, и вооруженная кража. Правда, въ этомъ послѣдствіи еще ничего не заключается особеннаго для участи обвиняемаго, такъ какъ презумція вооруженія логична только при взломѣ перваго рода, по свойству своему не могущаго быть произведеннымъ невооруженною рукою, а законъ, въ установленіи наказанія при стеченіи взлома 1-го рода съ состоя-

ніемъ вооруженія, какъ бы устраняетъ наиболѣе вредныя послѣдствія для участи виновнаго, не увеличивая наказаніе за взломъ перваго рода при стеченіи вооруженія. При стеченіи же вооруженія со взломомъ 2-го рода наказаніе возвышается на 1 ст., но при взломѣ втораго рода и не имѣетъ мѣста презумція вооруженія. Но самымъ важнымъ, по нашему мнѣнію, послѣдствіемъ этой безусловности квалифицирующаго свойства вооруженія есть то, что буквальное толкованіе ст. 1653, принятое сенатомъ, распространяетъ квалификацію вооруженія и на такіе случаи состоянія вооруженія, въ которыхъ это состояніе и не было волимо совершающимъ кражу и стояло даже внѣ всякаго сознанія его, именно, во время совершенія кражи, къ каковому періоду дѣятельности похитителя и приурочивается квалификація кражи чрезъ вооруженіе. — Случаи эти особенно возможны при совершеніи простой кражи, въ которой, между прочимъ, и проявляется высшая степень квалификации чрезъ вооруженіе (ср. 1653 ст. улож. т. 169 уст. о в. нак.). Вслѣдствіе этого, по смыслу разсматриваемаго рѣшенія, и приходится преслѣдовать, какъ за вооруженную кражу, не только того вора, который, отправляясь на кражу, занесъ и револьверомъ, и кистенемъ и ломомъ, но и того, который передъ совершеніемъ кражи, и напр. простой, забылъ оставить дома постоянно находящійся при немъ перочинный или садовый ножикъ, и которому при совершеніи, какъ было въ нашей практикѣ, напр. кражи лошади изъ табуна, нигдѣ не охраняемаго, и въ голову не могло придти того, что онъ, попавшись при сокрытіи концовъ кражи, будетъ преслѣдоваться по ст. 1653. Несправедливость подвергать этого втораго вора наказанію по 1653 очевидна; нецѣлесообразность уравнивать этого вора съ первымъ по степени опасности направленія ихъ волею и подвергать ихъ одинаковой отвѣтственности также не нуждается въ доказательствахъ. Таковы послѣдствія буквальнаго истолкованія ученія о вооруженной кражѣ, принятаго сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу кражи Андреева и др. (№ 500—1867 г.). Въ сущности это не ограничительное толкованіе, что свойственно обыкновенно буквальному толкованію и

что требуется въ истолкованіи обстоятельствъ особо увеличивающихъ вину, а распространительное, которое нельзя признавать согласнымъ съ разумомъ закона и волей законодателя. Мы не думаемъ, чтобы въ разумѣ закона не было того критерія, на основаніи котораго можно было отличить злокачественное вооруженіе при кражѣ отъ совершенно безразличнаго для цѣлей общественной безопасности вооруженія, — критерія, на основаніи котораго возможно было бы подвергать соразмѣрной отвѣтственности и того вора, который предпринялъ дѣйствительно наиболѣе опасное дѣяніе, и того, который этого не дѣлалъ какъ сознаваемое. Самъ Сенатъ въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Кубаева и др. (№ 567—1869 г.) отступилъ отъ признаннаго имъ истолкованія ученія о вооруженной кражѣ и ввелъ тотъ именно критерій, который, истекая прямо изъ разума закона, и заключается въ такъ называемой *завѣдомости вооруженія*. Въ рѣшеніи этомъ сенатъ разсматривалъ вопросъ о квалифицирующемъ свойствѣ вооруженія въ томъ случаѣ, когда въ совершеніи кражи участвовало нѣсколько лицъ сговорившихся, кража совершена со взломомъ, но вооруженъ былъ только одинъ изъ соучастниковъ.

По началу квалификаціи при изложенныхъ условіяхъ (ст. 1654) квалифицирующее свойство вооруженія распространяется не на лицо имѣвшее оружіе или орудіе, а на дѣйствіе, вслѣдствіе этого и отвѣтствуютъ, какъ за вооруженную кражу, всѣ соучастники кражи. Но если доказано, что изъ числа соучастниковъ одинъ или нѣкоторые не знали о вооруженіи одного изъ нихъ или нѣкоторыхъ, отвѣтствуютъ ли и они, какъ за вооруженную кражу? Сенатъ призналъ, что не знавшіе о вооруженіи не отвѣтствуютъ какъ за вооруженную кражу.

Нельзя не признать всей важности этого начала *завѣдомости вооруженія*, полагающаго основу подъ все ученіе о вооруженной кражѣ. Только принципъ злокачественности воли похитителя, завѣдомо вооруженнаго для какой бы цѣли ни было, и можетъ объяснить ученіе о вооруженной кражѣ. — Воръ, рѣшившись на совершеніе какой бы то ни было кражи, соизволяетъ на всѣ

послѣдствія, до которыхъ могутъ возникнуть при совершении кражи. Такимъ образомъ если воръ завѣдомо пользуется всеми выгодами вооруженія, *если онъ сознаетъ, что онъ именно стоитъ въ такихъ условіяхъ при каждомъ моментѣ совершенія преступленія, то конечно не можетъ быть возраженія противъ того, что таковой воръ, при такихъ условіяхъ совершаетъ квалифицированную кражу, именно презъвооруженіе* (ст. 1653 и 1654 улож.). Такимъ образомъ, если состояніе вооруженія при кражѣ не можетъ воздѣйствовать, какъ элементъ преступнаго дѣянія, на производимые похитителемъ перемѣны, какъ это видѣли въ грабежѣ, то оно со всею очевидностію восполняетъ собою объективные признаки наибольшей опасности воли похитителя, а слѣдовательно и наибольшей опасности самаго преступнаго дѣянія. Здѣсь поэтому одна возможность всѣхъ опасныхъ послѣдствій состоянія вооруженія при кражѣ есть уже объективное указаніе на *дѣйствительную опасность воли похитителя, сознательно* обладающаго средствами для достиженія всѣхъ возможныхъ опасныхъ послѣдствій. — Вотъ почему законодатель такъ строго смотритъ на состояніе вооруженія при условіяхъ изложенныхъ въ 1654 ст., такъ какъ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ нѣсколько створившихся лицъ, тамъ совокупность преступныхъ волей несравненно упорнѣе въ достиженіи преступныхъ цѣлей, а потому и самое дѣяніе превращается въ болѣе опасное. (См. ст. 688 улож.). Такимъ образомъ, если при квалификаціи вооруженія при грабежѣ законодатель держался теоріи юридико-политической, обуславливающей наказуемость дѣянія (степень квалификаціи) столько же началомъ объективной опасности дѣянія, сколько началомъ субъективной опасности воли виновника, то въ ученіи о квалификаціи вооруженія при кражѣ законодатель сталъ только на другую почву, на почву теоріи наказанія по степени субъективной опасности воли. Поэтому, если воръ, отправляясь на кражу, беретъ съ собою оружіе или орудіе (ст. 1653), если при совершении кражи воръ беретъ оружіе или орудіе на мѣстѣ преступленія, если, словомъ, воръ *знаетъ*, что онъ имѣетъ средства и обороны

и нападенія при кражѣ, то принципъ наказуемости въ состоянціи вооруженія очевиденъ. А ось признаніемъ этого принципа прежде всего устраняется цѣлый рядъ фактовъ случайнаго оказательства оружія или орудія при кражѣ, которое безъ участія этого субъективнаго начала, связывающаго состояніе вооруженія съ волею и знаніемъ похитителя, очевидно уже не можетъ оказывать никакого вліянія и на степень опасности самаго дѣянія.

Что же касается до остальныхъ условий квалификаціи кражи чрезъ вооруженіе, то они разрѣшаются самимъ закономъ и вполне объясняются основнымъ принципомъ наказуемости вооруженія. Такъ, въ виду изложеннаго, уже не можетъ составить вопроса то обстоятельство—было ли вооруженіе скрытое или открытое, ибо для состава вооруженной кражи даже и не можетъ быть различія въ скрытомъ или открытомъ вооруженіи.

Объясненіе квалифицирующаго свойства вооруженія при кражѣ началомъ завѣдомости вооруженія, согласуясь со всеми требованіями справедливости и общественной безопасности, находитъ себѣ подтвержденіе, какъ въ иностранныхъ законодательствахъ, такъ и въ практикѣ Государственнаго Совѣта (по дѣлу отставнаго унтеръ-офицера Падокригоренко; 1857 г. № 90).

Гос. прок. К. Андиферовъ.

Замѣчанія

относительно нѣкоторыхъ статей Уложенія о наказан. изд. 1866 года, при примѣненіи которыхъ на практикѣ встрѣчаются неудобства и затрудненія.

1.

77 и 150 стат. — По смыслу 150 статьи уложенія, когда на основаніи постановленій сего уложенія надлежитъ положенное за преступленіе или проступокъ наказаніе уменьшить одной или нѣсколькими степенями, то въ случаѣ, если въ наказаніи того рода, которое опредѣлено закономъ, нѣтъ низшей, соотвѣтствующей винѣ подсудимаго степени, судъ переходитъ къ слѣдующему затѣмъ роду наказаній въ томъ порядкѣ, въ какомъ оныя означены въ статьяхъ 17 и 30 уложенія, слѣдовательно отъ 5-й степени 31 статьи къ 1-й степени 33 статьи. Въ 5-й степени 31 статьи опредѣляется въ наказаніе отдача въ работы въ исправительныя арестанскія роты на время отъ 1-го года до 1½ года, а въ 1-й степени 33 статьи — заключеніе въ рабочемъ домѣ на время отъ 1-го года 4-хъ мѣсяцевъ и до двухъ лѣтъ. По силѣ 77 ст., тѣ, которые по старости, дряхлости или инымъ причинамъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ не способны, а равно женщины, всегда присуждаются вмѣсто того къ отдачѣ въ рабочіе дома, безъ увеличиванія, однако, сроковъ заключенія. Такимъ образомъ, выходитъ, что неспособные къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ, на основаніи 5-й ст. 31 ст. Улож., должны быть приговариваемы къ отдачѣ въ рабочій домъ на срокъ отъ 1 года до 1½ года, а если этимъ лицамъ пришлось бы по закону понизить наказаніе на одну степень, то вышло бы, что на

казаніе на самомъ дѣлѣ, увеличилось бы, ибо по силѣ 1 п. 33 статьи нужно было бы ихъ подвергнуть къ отдачѣ въ рабочемъ домѣ на время отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Видимая невозможность при смягчающихъ вину обстоятельствахъ увеличить наказаніе, закономъ положенное, заставляетъ судъ на практикѣ обходить этотъ законъ: наприим. бываютъ случаи, что когда присяжные засѣдатели подсудимаго, неспособнаго къ работамъ въ арестанскихъ ротахъ, признавъ виновнымъ въ проступкѣ, за который по закону слѣдуетъ опредѣлить ему наказаніе по 4-й степ. 31 статьи, объявляютъ заслуживающимъ снисхожденія, и судъ въ этомъ случаѣ, хотя бы по силѣ 828 статьи Уст. Уголов. Суд. и могъ уменьшить подсудимому наказаніе на двѣ степени, то есть, при опредѣленіи наказанія перейти къ 1-й степеніи 33 статьи, по необходимости вынужденъ бываетъ опредѣлить наказаніе по 5 степеніи 31 статьи, то есть уменьшить наказаніе только на одну степень, такъ какъ это выгоднѣй для подсудимаго.

2.

8 п. 152 ст. — Этотъ пунктъ на практикѣ возбуждаетъ сомнѣніе въ слѣдующемъ отношеніи: что именно слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ наибольшаго по количеству взысканія въ случаѣ совокупности проступковъ влекущихъ за собой денежныя взысканія?

Въ касимовскомъ мировомъ сѣздѣ, въ апелляціонномъ порядкѣ разсматривалось дѣло о неправильной торговлѣ виномъ, производимой волостнымъ головою Тихомировымъ, который обвинялся въ томъ: 1) что продолжалъ содержать трактирное заведеніе и штофную лавку по вступленіи въ должность волостнаго головы; 2) что помянутыя заведенія имѣли между собой внутреннія сообщенія и 3) что продавалъ вино незаконной крѣпости, т. е. въ нарушеніяхъ, предусмотрѣнныхъ 693, 694 Уложен. о наказ. издан. 1866 года и 310 Устава о питейн. сбор. издан. 1863 года. Сѣздъ, руководствуясь 8 пункт. 152 стат., приговорилъ, по совокупности нарушеній, подвергнуть Тихомирова взысканію ста рублей,

а апелляціонный отзывъ управляющаго акцизными сборами язанской губерніи оставить безъ уваженія. Управляющій акцизными сборами требовалъ, чтобы Тихомировъ былъ подвергнутъ штрафу въ 300 руб., такъ какъ по совокупности проступковъ, на основаніи 8 п. 152 статьи Улож. о наказ., онъ подлежитъ наибольшему по количеству взысканію, опредѣленному въ статьяхъ 310 Уст. пит. сбора. 693 и 694 Улож. о наказ., а наибольшее по количеству взысканіе изъ опредѣленныхъ въ сихъ статьяхъ есть штрафъ 300 рублей. Въ заключеніи своемъ по этому дѣлу я объявилъ, что подъ именемъ наибольшаго по количеству взысканія слѣдуетъ разумѣть одно изъ наибольшихъ взысканій, которымъ при совокупности проступковъ виновный присужденъ судомъ, а не наибольшее по количеству взысканіе, которое опредѣлено закономъ за одинъ изъ болѣе важныхъ проступковъ, т. е., что не слѣдуетъ непременно при совокупности проступковъ, влекущихъ денежныя взысканія, назначать взысканіе опредѣленное за одинъ изъ болѣе важныхъ проступковъ въ самомъ высшемъ размѣрѣ, ибо иначе выходитъ, что при совокупности такихъ проступковъ виновный подвергался бы взысканію большому суммы всѣхъ взысканій, которымъ бы онъ могъ подвергнуться при совершеніи имъ тѣхъ же самыхъ проступковъ въ разное время. Законъ, запрещающій присуждать виновныхъ при совокупности проступковъ къ суммѣ взысканій, этимъ самымъ желалъ облегчить участь ихъ въ видахъ того, что они еще не были наказаны, а между тѣмъ по закону повтореніе проступковъ, за которые виновные были уже подвергнуты взысканію составляетъ обстоятельство увеличивающее вину ихъ, и слѣдовательно мѣру взысканія. Отсюда ясно, что было бы несообразно съ духомъ закона, чтобы виновный, не смотря на повтореніе проступковъ, за которыя уже былъ наказанъ, въ сложности за всѣ проступки, совершенные имъ въ разное время, понесъ бы меньшее взысканіе, чѣмъ при совершеніи этихъ же проступковъ одновременно. Напримѣръ, Тихомировъ, если бы судился порознь за каждый проступокъ, то за проступокъ, предусмотрѣнный въ 310 ст. Уст. пит. подвергся-бы взысканію штрафа равному $\frac{1}{2}$ патента

т. е. 7 руб. 50 коп. *), и наконец за проступокъ предусмотрѣнный 694 ст. Улож. о наказ. могъ бы подвергнуться только штрафу 10 рублямъ, и такимъ образомъ сумма всѣхъ взысканій, положенныхъ на него въ разное время была бы гораздо менѣе 300 руб., т. е. взысканія опредѣленнаго въ 694 ст. въ вышемъ размѣрѣ.

Дѣло о Тихомировѣ; вслѣдствіе кассационной жалобы управляющаго акцизными сборами, восходило на разсмотрѣніе правительствующаго сената, который, не входя въ толкованіе 8 п. 152 ст., оставилъ означенную жалобу безъ уваженія, на томъ основаніи, что мировыя установленія должны руководствоваться 16 ст. Уст. о наказ. налог. мир. суд., а не 8 п. 152, при опредѣленіи взысканій по совокупности нарушеній. Затѣмъ вопросъ о правильномъ примѣненіи 8 п. 152 ст. въ общихъ судебныхъ мѣстахъ остался не разрѣшеннымъ, и нельзя знать, отвергнулъ ли бы сенатъ толкованіе этого пункта, сдѣланное управляющимъ акцизными сборами рязанской губерніи.

3.

285 ст. — По смыслу закона, при опредѣленіи наказанія за оскорбленіе должности пьянство, невѣжество и неразуміе принимаются какъ обстоятельства снѣгающія вину, а особо увеличивающимъ вину обстоятельствомъ въ оскорбленіи должности признается тотъ случай, если оскорбленіе сдѣлано въ самой присутственной камерѣ, т. е. не только что чиновнику, при исполненіи имъ обязанностей службы, но чиновнику, какъ члену присутствія во время самого засѣданія. Присутственная камера въ этомъ отношеніи имѣетъ важное значеніе, такъ что законъ опредѣляетъ даже наказаніе за оскорбленіе и частныхъ лицъ, находящихся въ присутственной камерѣ. И такимъ образомъ, по духу закона, вообще за оскорбленіе чиновника назначается значительно строже наказаніе, если оскорбленіе сдѣлано въ присутственной камерѣ, а вообще менѣе важное, если оскорбленіе сдѣлано въ пьянствѣ. Согласно этихъ

*) Нынѣ патентъ стоитъ уже 50 руб.

основныхъ правилъ составлены 282 и 286 статьи, изъ которыхъ первую опредѣляется наказаніе за оскорбленіе чиновника, во время исправленія должности, словами, а вторую за оскорбленіе чиновника, какъ члена присутствія, въ самомъ присутственной камерѣ, и по смыслу 2-ой половины 286 и 3 и 4 частей 282 статей пьянство въ этихъ преступленіяхъ принимается за обстоятельство, уменьшающее вину. Между тѣмъ, по смыслу 285 ст., въ которой предусмѣтрѣно оскорбленіе чиновника дѣйствіемъ и побоями, въ опредѣленіи наказанія нѣтъ различія, учинено ли оскорбленіе въ пьянствѣ или не въ пьянствѣ, какъ будто бы пьянство здѣсь не признается обстоятельствомъ уменьшающимъ мѣру наказанія. Но къ такому выводу положительно нельзя прійти, потому что не послѣдовательно съ этимъ было бы уменьшить наказаніе за оскорбленіе дѣйствіемъ члена присутствія въ томъ случаѣ, когда оскорбленіе сдѣлано было въ пьянствѣ. Вслѣдствіе этого на практикѣ 285 статья возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ случаѣ, когда долженъ быть присужденъ къ наказанію оскорбитель, дѣйствующій въ пьянствѣ. Для ясности возьмемъ слѣдующій примѣръ: А. виновенъ въ оскорбленіи, въ пьянствѣ, чиновника при исполненіи имъ обязанностей службы, не въ присутственномъ мѣстѣ, а потому на основаніи 285 статьи долженъ подвергнуться заключенію въ смиренномъ домѣ, на время отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ, съ потерей нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Если же А. виновенъ въ такомъ же оскорбленіи члена присутствія въ пьянствѣ, то онъ по силѣ 4 части 282 статьи можетъ быть только подвергнутъ заключенію въ смиренномъ домѣ, на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ безъ ограниченія правъ. И такъ выходитъ, что А. не смотря на то, что нанесъ оскорбленіе члену присутствія, подвергнулся бы менѣе важному наказанію въ этомъ случаѣ, чѣмъ за оскорбленіе, которое вообще, влечетъ за собой болѣе строгое наказаніе: на примѣръ, за оскорбленіе чиновника внѣ присутственной камеры, тогда какъ вообще за оскорбленіе члена присутствія ругательными словами или поднятіемъ руки, по силѣ 2-й части 282 статьи виновные подвергаются: или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, съ

лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или же лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты, т. е. гораздо болѣе важному наказанію, чѣмъ за оскорбленіе чиновника побоями не въ присутственной камерѣ.

4.

349, 354, 359, 360, 454, 455, 497, 503, 545, 851, 854, 1099, 1112, 1132, 1188, 1189, 1221, 1238, 1240, 1241, 1245, 1258, 1266, 1270, 1277, 1305, 1352, 1354, 1357, 1359, 1364, 1601, 1603, 1625, 1636, 1664, примѣч. къ 1643, 1675, 1623 и 1684.—Въ этихъ статьяхъ, кромѣ опредѣленія, личнаго наказанія за преступныя дѣянія говорится и о гражданскихъ послѣдствіяхъ преступленій, но при означеніи этихъ гражданскихъ послѣдствій употребляются различныя выраженія: напри- мѣръ, въ статьѣ 354 говорится, что присвоенное или растраченное взыскивается съ имѣнія виновнаго на основаніи 59 статьи Уложенія; въ статьяхъ 349, 359, 503, 851, 1112, 1221, 1238, 1241, 1245, 1258, 1305 и 1354—что виновные подвергаются личному наказанію, сверхъ взысканія вознагражденія за вредъ или убытки; въ 1357—что виновные подвергаются личному наказанію независимо вознагражденія за вредъ и убытки; въ 1636 ст.— что изъ имущества виновныхъ опредѣляется вознагражденіе за вредъ и убытки; въ 1625—что виновные сверхъ опредѣленныхъ имъ наказаній приговариваются на основаніи 59 ст. Улож. къ вознагражденію за всѣ причиненные ими кому либо вредъ и убытки; въ 1245—что виновные подвергаются взысканію, сверхъ удовлетворенія обиженныхъ и вознагражденію ихъ за причиненные имъ убытки; въ 1188—что виновные подвергаются взысканію сверхъ обязанности, по требованію лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, вознаградить его за убытки; въ 1277—что съ виновныхъ въ про- ступкѣ потерпѣвшему отъ того убытокъ предоставляется право искать удовлетвореніе; въ прочихъ статьяхъ также говорится, что виновные обязаны вознаградить за вредъ и убытки.

Изъ смысла всѣхъ этихъ присоединеній къ статьямъ уложенія о наказаніяхъ относительно гражданскихъ послѣдствій преступныхъ дѣяній видно, что виновные обязаны вознаградить за причиненные ими вредъ и убытки и что лицамъ потерѣвшимъ отъ преступления предоставляется право предъявленія иска; но объ этомъ, по видимому, нѣтъ надобности повторять подъ каждой статьей, содержащей въ себѣ опредѣленіе наказанія виновнымъ въ проступкахъ. И на самомъ дѣлѣ, многія статьи не имѣютъ такихъ присоединеній, а повторенія эти излишни тѣмъ болѣе, что во 2-мъ отдѣленіи 2-й главы Уложен. о наказ. (издан. 1866 г.), въ статьяхъ 59—64 выражены общія правила объ обязанности виновныхъ въ проступкахъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные ими. Тѣ же правила содержатся въ 1-й части X тома издан. 1857 года, а также въ статьяхъ 15, 18, 777 и 779 Уст. уголов. суд. 20 ноября 1864 года. Между тѣмъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеозначенныхъ статей уложенія, при указаніи на гражданскія послѣдствія преступленій или проступковъ, употребляются такія выраженія: «присвоенное или растраченное взыскивается съ имущества виновныхъ», или «виновные подвергаются личному наказанію сверхъ вознагражденія за вредъ и убытки», или «изъ имущества виновныхъ опредѣляется вознагражденіе за вредъ и убытки», то на практикѣ возбуждается сомнѣніе въ томъ отношеніи, не слѣдуетъ ли суду уголовному въ этихъ случаяхъ присуждать виновныхъ, кромѣ личнаго наказанія, и къ вознагражденію за вредъ и убытки, хотя бы и не было предъявлено иска, принимая отчасти въ соображеніе 777 статью Устав. Уголов. Суд. по силѣ которой вещи, добытыя чрезъ преступное дѣяніе, возвращаются хозяину безъ предъявленія имъ иска, а за отсутствіемъ этого вѣд. Вслѣдствіе этого на практикѣ случается, что окружные суды иногда виновныхъ должностныхъ лицъ въ растратѣ общественныхъ или казенныхъ денегъ приговариваютъ, кромѣ личнаго наказанія, къ взысканію растраченной или присвоенной суммы, несмотря на то, что общество или казна не предъявляли исковъ о возвратѣ растраченныхъ или присвоенныхъ денегъ виновнымъ. См. въ примѣчаніи къ ст. 777 Уст. Уголов. Суд.

378 ст. Въ этой статьѣ опредѣляется наказаніе должностному лицу, виновному въ лихоимствѣ съ вымогательствомъ вообще и съ такимъ вымогательствомъ, которое было сопровождается истязаніями или инымъ явнымъ насиліемъ, и сказано, что во всякомъ случаѣ полученныя виновнымъ деньги или подарки отсылаются въ мѣстный приказъ общественного призрѣнія, (нынѣ земства). Если взять въ соображеніе 427 статью, въ которой опредѣляется наказаніе чиновнику, виновному въ приобрѣтеніи самими имъ или чрезъ подосланное лице имущества, о составляющаго предметъ дѣла, по которому онъ производилъ слѣдствіе, или которое подлежить его сужденію, и сказано, что приобрѣтенное имъ противозаконно имущество обращается въ собственность мѣстнаго приказа общественного призрѣнія, если на оное кто либо не предъявитъ другихъ, предшествовавшихъ покупокъ законныхъ правъ— то нельзя не прийти къ тому заключенію, что вообще противозаконно приобрѣтенное имущество чиновникомъ не безусловно должно быть обращено въ пользу приказа общественного призрѣнія, а только въ томъ случаѣ, когда не будетъ никѣмъ къ этому имуществу предъявлено иска; предъявлять же искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки по закону предоставлено право всякому лицу потерпѣвшему отъ преступленія.

Хотя лиходатели и могутъ быть лишены этого права на томъ основаніи, что на обращеніе въ пользу приказа общественного призрѣнія взятки, данной ими чиновнику, можно смотрѣть, какъ на взысканіе съ нихъ за неблаговидный поступокъ, но ясно, что къ одной категоріи съ лиходателями не могутъ быть отнесены лица, отъ которыхъ посредствомъ вымогательства были получены чиновникомъ деньги или подарки, особенно въ томъ случаѣ, когда вымогательство было сопровождается истязаніями или инымъ явнымъ насиліемъ, ибо такого рода вымогательство по своимъ признакамъ соотвѣтствуетъ грабежу или разбою, а по 1636 статьѣ и примѣчанію 1643 изъ имущества виновныхъ въ разбой опредѣляется вознагражденіе за причиненные ими вредъ и убытки.

И такимъ образомъ 378 статья возбуждаетъ вопросъ: слѣдуютъ ли, или не слѣдуютъ къ возврату полученныя чиновникомъ посредствомъ вымогательства деньги или подарки, въ случаѣ предъявленія иска лицомъ потерпѣвшимъ отъ преступленія. Удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе затруднительно, что 378 статья оканчивается словами: «во всякомъ случаѣ полученныя виновными деньги или иные подарки отсылаются въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія», т. е. тѣми же самими словами, которыми оканчивается 375 статья, опредѣляющая наказаніе за принятіе чиновникомъ въ даръ денегъ или вещей отъ добровольныхъ лиходателей, которые, какъ мы выше замѣтили, должны быть по всей справедливости лишены права требовать вознагражденія данной ими съ неблаговидной цѣлью взятки чиновнику.

6.

2-я половина 379 ст. — Второй половиной этой статьи предусматриваются проступки должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій, виновныхъ въ противозаконныхъ сборахъ денегъ на угощеніе чиновниковъ и присвоеніи этихъ денегъ или части ихъ себѣ, и назначено за оный чрезмѣрно строгое наказаніе, а именно: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе, не смотря на то, что этотъ проступокъ составляетъ ничто иное какъ обыкновенное мошенничество, которое не имѣетъ особо вредныхъ послѣдствій для общества. При этомъ возбуждается недоразумѣніе: если уже такому строгому наказанію должны быть подвергаемы должностныя лица волостнаго или сельскаго управленій за присвоеніе себѣ денегъ, собранныхъ на угощеніе или подарки чиновниковъ, то должны ли быть подвергаемы наказанію, и какому именно, градскіе головы, виновные въ сборѣ денегъ для угощенія сановныхъ особъ, наприм. губернатора или архіерея, и въ присвоеніе части собранныхъ денегъ себѣ, тѣмъ болѣе, что въ законѣ вообще не предусматривается подобнаго рода проступковъ градскихъ головъ.

1 часть 429, 585 и 1-я ч. 1087 ст. По мнѣнію моему 1 част. 429 и 1 ч. 1087 стат. не должны имѣть мѣста въ уложеніи о наказ., такъ какъ ими предусмотрѣны лишь гражданскія послѣдствія такихъ неумышленныхъ дѣяній, которыя не могутъ быть признаваемы уголовными проступками. Тоже самое можно сказать относительно 585 ст., въ которой опредѣляется взысканіе за употребленіе не надлежащаго достоинства, тѣмъ болѣе, что опредѣленное этой статьей взысканіе налагается гражданскимъ судомъ, который въ этомъ отношеніи руководствуется 462 статьей Уст. гражд. суд.

507, 511, 512, 513, 514, 515 и 516. Эти статьи Уложенія составляютъ видоизмѣненія статей 738, 739, 724, 725, 1321, 726, 729, 730 и 736 Устав. рекрутск. издан. 1862 года, а по свойству своему, ими предусмотрѣнные проступки, влекушіе за собой лишь денежныя взысканія, съ большимъ удобствомъ могли бы быть изъяты изъ вѣдомства суда, и отнесены къ вѣдомству администрации, — тѣмъ болѣе, что подобнаго рода проступки или нарушенія, предусмотрѣнные 731 и 732 статьями Устав. рекрутск. денежныя взысканія налагаются на основаніи 734 статьи устава самими рекрутскими присутствіями. Производство же и дѣлъ о нарушеніяхъ, предусмотрѣнныхъ вышеозначенными статьями, въ судѣ затруднительно, особенно въ окружномъ судѣ (могутъ быть случаи, что такіа дѣла должны выходить на разсмотрѣніе окружнаго суда, напримѣръ, по совокупности этихъ нарушеній съ другими подсудными окружному суду), гдѣ производство подобныхъ дѣлъ почти не возможно, потому что отвѣтчиками за неправильное отправленіе рекрутской повинности являются цѣлыя общества и рекрутскія участки, призывы которыхъ въ судѣ затруднителенъ, а между тѣмъ въ окружномъ судѣ все отвѣтчики по силѣ 583 Устав. уголов. суд. должны быть на лицѣ и въ окружномъ судѣ заочныхъ рѣшеній законъ не допускаетъ.

525, 526 и 527. Эти статьи соответствуют статьямъ 757, 759 и 761 Устав. рекрут. и въ нихъ назначается наказаніе за уклоненія отъ очереди рекрутской, — такое наказаніе, которое исполняется по принятіи рекрута на службу; въ 780 статьѣ Устав. рекрут. сказано, что судъ и наказаніе рекрутъ за проступки, означенные въ 757 и 759 статьяхъ, принадлежать военному вѣдомству; слѣдовательно, надо предполагать, что и проступокъ, предусмотрѣнный 761 ст., за который положено одинаковое наказаніе какъ и за проступокъ, предусмотрѣнный въ 759 статьѣ, подсуденъ военному вѣдомству. Изъ всего этого надо прийти къ тому заключенію, что статьи 525, 526 и 527 должны быть исключены изъ уложен. по наказ., потому что на практикѣ возбуждаютъ сомнѣніе въ подсудности предусмотрѣнныхъ ими проступковъ суду гражданскаго вѣдомства, на томъ основаніи, что они вошли въ составъ Уложенія, которымъ руководствуется судъ гражданскаго вѣдомства: на примѣръ, были случаи, что мировые судьи принимали къ своему разсмотрѣнію проступки, предусмотрѣнные 525, 526 и 527 статьями, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, за оныя опредѣляются наказанія, невыходящія за предѣлы власти мировыхъ судей, и были случаи, что судебный слѣдователь приступилъ къ производству слѣдствія о проступкѣ предусмотренномъ 526 статьею, на томъ основаніи, что виновные въ этомъ проступкѣ, хотя и подвергаются только заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ, но вмѣстѣ въ тѣмъ присуждаются къ отдачѣ въ военную службу, а слѣдовательно, по мнѣнію слѣдователя, къ такому наказанію, которое выходитъ изъ предѣловъ власти мировыхъ судей.

533, 534, 535, 536 и 537. Эти статьи соответствуютъ 781, 782, 783 и 786 статьямъ Устав. рекрут., а такъ какъ въ нихъ предусмотрѣны такіе проступки членовъ рекрутскихъ присутствій, за которые взысканія налагаются административно, на основаніи

790 стат. того Устава, по распоряженію сената, то слѣдовало бы эти статьи въ Уложеніи пропустить, какъ излишнія, уже потому что они имѣють мѣсто въ Уставѣ рекрутскомъ.

543 стат. Эта статья въ Уложеніи излишняя, потому что ею предусмотрѣнь такой протупокъ, за который наказаніе опредѣляется по военнымъ постановленіямъ.

12.

705 стат. Въ этой статьѣ, а также соотвѣтствующей ей 388 статьѣ питейнаго Устава, издан. 1867 года, говорится, что въ случаѣ невзвеса присужденнаго взыскація съ виновныхъ въ нарушеніи правилъ о торговлѣ напитками, въ теченіи двухъ недѣль со дня объявленія имъ рѣшенія, продается имущество виновнаго; но въ 1210 стат. Устав. уголов. суд. 20 ноября 1864 года сказано, что для уплаты денежнаго взыскація осужденному за нарушеніе казенныхъ уставовъ предоставляется двухъ мѣсячный срокъ со дня вступленія приговора въ законную силу. Отсюда возникаетъ вопросъ: чѣмъ слѣдуетъ руководствоваться относительно опредѣленія срока приступленія къ принудительному взысканію по дѣламъ о нарушеніи питейнаго устава, т. е. 705 статьей Уложенія и 588 статьей питейн. Устава, изданія 1867 года, или 1210 статьей Устав. уголов. суд. ? Хотя 705 статья Уложен. и 388 Питейн. устав. издан. 1867 г. содержатъ законъ обнародованный послѣ уже изданія Устава уголовного судопроизводства и по силѣ 72 ст. основныхъ Государственныхъ Законовъ законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силой новаго закона, но въ составъ 705 стат. уложен. изд. 1866 года и 388 статьи питейн. Уст. издан. 1867 года вошла 413 статья Уст. о пит. сбор. изд. 1863 года, а потому нельзя не убѣдиться, что 1210 статья Устав. уголов. суд. содержитъ въ себѣ узаконеніе, новѣйшее по своему духу.

13.

он 723 стат. Этой статьей опредѣляется значительное наказаніе порубщикамъ казеннаго лѣса за угрозы и нанесенія побоевъ лѣснымъ чинамъ или стражѣ; между тѣмъ поступокъ порубщиковъ, виновныхъ въ подобныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ стражи въ частныхъ лѣсныхъ дачахъ, не подходитъ подъ дѣйствіе этой статьи, и слѣдовательно порубщики, виновные въ оскорбленіи побоями таковой стражи, при совершеніи ими порубокъ лѣса, могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности, не иначе какъ только вслѣдствіе жалобъ оскорбленныхъ сторожей. Въ 156 статьѣ Уст. о наказ. налаг. миров. суд. въ числѣ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, даже не показано то обстоятельство, когда порубка сопровождалась оскорбленіемъ и насиліемъ противъ стражи. Вслѣдствіе этого, на практикѣ, при разсмотрѣніи дѣлъ о порубкахъ лѣса въ частныхъ дачахъ, къ поступку порубщиковъ виновныхъ въ оскорбленіи вольнонаемной стражи и въ употребленіи противъ нея насильственныхъ дѣйствій, примѣненіе 155 стат. Устав. о наказ. нал. миров. суд. оказывается неудобнымъ, такъ какъ поступокъ этотъ имѣетъ одинаковую важность съ поступкомъ порубщиковъ, виновныхъ въ оскорбленіи казенной стражи, состоящей на дѣйствительной службѣ, который наказуемъ по 823 статьѣ уложенія.

14.

931 ст. Въ этой статьѣ говорится, что тѣ, которые, не имѣя прямыхъ сношеній съ злонамѣренной шайкой или даже и не зная о существованіи оной, постоянно и какъ бы въ видѣ промысла занимаются скупомъ и продажей предметовъ, завѣдомо похищенныхъ или противозаконно провезенныхъ, приговариваются за сіе къ лишенію всехъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестанскія роты по 4-й или 5-й степени 31 статьи сего уложенія. Во 2-же части 180 статьи Уложен. о наказ. налаг. миров. суд. также говорится о поступкѣ ви-

новныхъ въ приобрѣтеніи завѣдомо похищеннаго, въ видѣ промысла, и опредѣляется за это наказаніе, какъ за кражу.

(За кражу безъ особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ по силѣ 169 ст. устав. о нак. нал. миров. суд. опредѣлено: заключеніе въ тюрьмѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ). Повидимому нѣтъ совершенно разницы въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ этихъ двухъ статьяхъ закона, но между тѣмъ наказаніе, опредѣленное въ 931 ст. Уложен. т. разд. важнѣе наказанія, назначеннаго во 2 части 180 ст. Уст. о нак. налаг. миров. суд. Вслѣдствіе этого на практикѣ встрѣчается затрудненіе въ правильномъ примѣненіи означенныхъ статей закона.

15.

984 ст. Этой статьёй опредѣляется наказаніе виновнымъ въ прошеніи милости, если у нихъ найдено будетъ оружіе, поддѣльные ключи, отмычки и тому подоб. Повидимому надо полагать, что здѣсь говорится о такихъ нищихъ, которые занимаются воровствомъ и имѣютъ приспособленныя для совершенія похищенія чужой собственности орудія, а отсюда возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли безусловно эту статью примѣнять ко всемъ нищимъ, у которыхъ найдено будетъ какое либо орудіе, или только къ тѣмъ нищимъ, которые имѣли орудіе съ умысломъ сдѣлать посредствомъ его кражу? Это сомнѣніе тѣмъ болѣе усиливается, что по изясненію кассационнаго уголовного департамента, законъ слѣдуетъ понимать буквально. Такъ, въ рѣшеніи по дѣлу крестьянъ Алексѣя Андреева, Терентія Яковлева и Емельяна Захарова (1867 года № 500) сенатъ нашель, что виновными въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 1653 ст. уложенія, должны быть признаваемы всѣ, которые при кражѣ или покушеніи на оную имѣли при себѣ орудіе, которымъ могли нанести смерть или увѣчье, хотя бы не обнаружено было, что виновные имѣли орудіе съ этой именно преступной цѣлью.

16.

985 ст. Этой статьей опредѣляется взысканіе пѣлымъ обществамъ, виновныхъ въ отпускъ по паспортамъ такихъ людей, которые не могутъ снискивать себѣ пропитаніе трудами и испрашиваютъ милостыню. Дѣло о такомъ поступкѣ общество за силой 33 ст. и 200 подсудно окружному суду; но производство подобнаго дѣла въ окружномъ судѣ почти не мыслимо, потому что общество состоитъ изъ множества членовъ, изъ которыхъ каждый долженъ быть признаваемъ отвѣтчикомъ, а безъ вызова всѣхъ отвѣтчиковъ не можетъ состояться судебного засѣданія по силѣ 583 ст. Устав. Угол. Суд. Принимая во вниманіе, что 985 ст. опредѣляется маловажное взысканіе, нельзя не убѣдиться, что производство дѣла о проступкѣ, предусмотрѣнномъ этой статьей, судебнымъ порядкомъ было бы не цѣлесообразно, а отсюда надо сдѣлать тотъ выводъ, что нужно или измѣнить 583-ю ст. уст. уг. суд., или же подобное взысканіе на общества слѣдовало бы налагать административнымъ порядкомъ.

17.

1163 ст. Въ этой статьѣ означено наказаніе, которому подвергаются лица торговаго сословія, изобличенныя въ злонамѣренномъ банкротствѣ; но въ ней не содержатся опредѣленія злостнаго или злонамѣреннаго банкротства, т. е. не опредѣлено, кого именно изъ торгующихъ лицъ слѣдуетъ признавать злонамѣренными банкротами, а потому, для этого слѣдуетъ обратиться къ Уставу торгового (т. XI ч. 2). Въ 1862 статьѣ Устав. торговаго сказано, что несостоятельность бываетъ подложная и называется злонамѣреннымъ банкротствомъ, когда неоплатность соединена съ умысломъ или подлогомъ. По силѣ 534 и 535 статей того же Устава, тѣ изъ торгующихъ, за исключеніемъ мелочныхъ торговцевъ, которые не вели торговыхъ книгъ, или тѣ, у кого окажутся книги съ поправками, подчистками, помарками или приписками между строкъ и статей, безъ оговорокъ и вообще безъ соблюденія установленныхъ

для того правилъ, или же книги его будутъ ведены не по предписанной для сего формѣ, въ случаѣ несостоятельности безъ всякаго оправданія, почитаются банкротами злостными. Такимъ образомъ возбуждается сомнѣніе въ томъ, что неведение книгъ или веденіе ихъ не надлежащимъ порядкомъ даетъ ли только законный поводъ конкуренному управленію, по силѣ 1999 ст. торг. Уст. торгующаго, оказавшагося несостоятельнымъ, объявить злостнымъ банкротомъ и предать уголовному суду по обвиненію въ банкротствѣ такого свойства, или вообще и уголовный судъ при такихъ обстоятельствахъ долженъ торгующаго признать виновнымъ въ злонамѣренномъ банкротствѣ, хотя бы и не обнаружено было злаго умысла въ неведеніи имъ книгъ, т. е., хотя бы и не было открыто, что торгующій не велъ книгъ или велъ ихъ не надлежащимъ порядкомъ, именно съ цѣлью скрыть злонамѣренность банкротства. Употребленные въ законѣ слова: *безъ всякаго оправданія* усиливаютъ высказанное сомнѣніе. Такъ, нѣкоторые изъ старыхъ практиковъ держатся того мнѣнія, что уголовный судъ обязанъ торгующаго, оказавшагося не состоятельнымъ, въ случаѣ неведенія имъ торговыхъ книгъ или веденія не надлежащимъ порядкомъ, признать виновнымъ въ злонамѣренномъ банкротствѣ и признать къ нему 1163 ст. Уложенія на томъ основаніи, что законъ не допускаетъ возможности, чтобы торгующій не велъ книгъ или велъ неналежащимъ порядкомъ безъ злаго умысла. Такъ обр. согласно этому мнѣнію, если присяжные засѣдатели признали бы только, что торгующій оказался несостоятельнымъ и не велъ торговыхъ книгъ, или велъ ихъ неналежащимъ порядкомъ, то судъ долженъ объявить подсудимаго виновнымъ въ злостномъ банкротствѣ. Но подобное мнѣніе съ другой стороны не имѣетъ твердаго основанія, потому что вообще по закону преступленіями признаются такіе дѣянія, запрещенныя закономъ, которыя совершены были умышленно.

18.

1472. По смыслу этой статьи самоубійцы признаются неимѣющими права дѣлать предсмертныя распоряженія, и духовныя завѣ-

щанія ихъ остаются ничтожными, и притомъ самоубійцы лишаются права христіанскаго погребенія. Принимая во вниманіе, что производство объ уничтоженіи духовныхъ завѣщаній, оставленныхъ самоубійцами, можетъ быть только въ гражданскомъ судѣ, такъ какъ уголовное преслѣдованіе самоубійць за смертью ихъ уже не мыслимо, и принимая во вниманіе, что лишеніе самоубійць христіанскаго погребенія производится по распоряженію полицейскаго начальства — надо заключить что первая половина 1472 статьи имѣетъ мѣсто въ 1 ч. X т., а вторая — въ XIV т. устав. о прест. и пред. прест.

19.

1482, 1545 и 1546. Первой изъ этихъ статей предусмтрѣнъ проступокъ виновныхъ въ нанесеніи легкихъ ранъ съ заранѣе обдуманнмъ намѣреніемъ, за что при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ въ высшемъ размѣрѣ положено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ ссылки въ Сибирь на поселеніе или отдачу въ арстанскія роты по 5, 31 ст., а двумя последними статьями предусмтрѣнъ проступокъ виновныхъ въ угрозахъ съ корыстной цѣлью или принудительнымъ какимъ-либо требованіемъ, за что и опредѣлено уголовное наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія — ссылка въ каторжную работу или ссылка въ Сибирь на поселеніе. Между тѣмъ согласно примѣчаній къ 1496 и 1548 статьямъ дѣло объ означенныхъ проступкахъ начинается не иначе, какъ по частнымъ жалобамъ и по силѣ 159 ст. уложенія подлежатъ прекращенію примиреніемъ, а слѣдовательно на основаніи 5 ст. уст. уголов. суд. по этимъ дѣламъ обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ предоставляется исключительно частнымъ обвинителямъ. Но на практикѣ возникаетъ недоразумѣніе, какимъ образомъ можетъ быть предоставлено волѣ частнаго лица возбужденіе и прекращеніе судебного преслѣдованія обвиняемыхъ въ такихъ проступкахъ, которые, судя по строгости

опредѣленнаго наказанія, преслѣдуются не только въ видахъ частнаго лица, но въ видахъ цѣлаго общества—въ интересахъ самаго государства.

20.

1540 и 1541. Въ этихъ статьяхъ назначено наказаніе за противозаконное лишеніе кого-либо свободы. По разъясненію Кассационнаго Уголовнаго Департамента Правительствующаго Сената, сдѣланному въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Панаева и Якутовича (1867 года № 84 и № 334),—въ дѣлахъ о противозаконномъ лишеніи свободы, обличеніе виновныхъ предъ судомъ принадлежитъ прокурорскому надзору, а слѣдовательно подобныя дѣла не могутъ быть прекращаемы примиреніемъ. Въ рѣшеніи по дѣлу Панаева, Сенатомъ объяснено слѣдующее: Въ Сводѣ Закон. Угол. изд. 1857 года (Т. XV к. 2), подъ главой седьмой разд. X, заключавшей въ себѣ постановленія о противозаконномъ задержаніи и заключеніи, находилось примѣчаніе, въ коемъ сказано, что дѣла о противозаконномъ задержаніи безъ насилія начинаются не иначе, какъ по жалобѣ самого, такимъ образомъ удержаннаго. Изъ соображенія всѣхъ статей этой главы оказывается, что означенное примѣчаніе относилось лишь къ одной изъ нихъ, а именно къ ст. 2108, предусматривавшей случай удержанія кого-либо въ мѣстѣ, гдѣ онъ остаться долженъ, но не сопровождавшійся ни какимъ насиліемъ, и очевидно не распространялось на ст. 2103 помянутой седьмой главы, опредѣлявшую наказаніе виновнымъ въ насильственномъ лишеніи свободы. Въ новомъ изданіи Св. Зак. Угол. (1866 года) согласованномъ между прочимъ и съ Уставомъ о наказ. нал. мир. суд. постановленіе, заключавшееся въ 2108 ст., не помѣщено вовсе, и какъ видно изъ приложеннаго къ этому изданію сравнительнаго указателя, оно вошло въ составъ 142 ст. означеннаго устава, опредѣляющей вообще наказаніе за самоуправство и употребленіе насилія. Съ исключеніемъ изъ новаго изданія постановленія, заключавшагося въ 2108 ст. (изд. 1857 г.) само собою

разумѣется, не предстояло надобности удерживать и относившееся къ ней примѣчаніе, и такимъ образомъ постановленіе закона о противозаконномъ задержаніи и заключеніи, въ настоящей ихъ редакціи (изд. 1866 г.), за отсутствіемъ подъ оными помянутаго примѣчанія, ни въ какомъ случаѣ уже не могутъ возбудить ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣла по онымъ подвѣдомственны общимъ судебнымъ установленіямъ и обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ принадлежитъ прокурорамъ и ихъ товарищамъ, а не частнымъ обвинителямъ.

Но тѣмъ не менѣе на практикѣ встрѣчается неудобство въ примѣненіи 1540 и 1541 статей, такъ какъ противозаконное задержаніе, особенно кратковременное, по своимъ признакамъ, соотвѣтствуетъ самоуправству, хотя бы и составляло особый видъ его, а дѣла о самоуправствѣ и насиліи вообще безъ особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ производятся въ частномъ порядкѣ и подлежатъ прекращенію примиреніемъ. Нѣкоторые юристы находятъ, что не противорѣчитъ духу закона, — дѣла о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 1540 и 1541 — статьями производить въ частномъ порядкѣ. Основаніемъ этого мнѣнія служить 159 ст. уложенія. Въ этой статьѣ содержится общее правило о томъ, что дѣла, возбуждаемыя частными жалобами, подлежатъ прекращенію примиреніемъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, въ числѣ этихъ статей и показаны дѣла о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 1542 и 1543 ст., которыми опредѣлено наказаніе виновнымъ въ противозаконномъ лишеніи свободы, когда оно сопровождалось истязаніями или иными мученіями, а равно когда послѣдствіемъ онаго была смерть и тяжкая болѣзнь задержаннаго. Помѣщеніе 1542 и 1543 статей въ числѣ исключеній въ 159 статьѣ, которое содержитъ въ себѣ общее правило, что дѣла, начинаемыя частными жалобами, подлежатъ прекращенію примиреніемъ, было бы излишне, если вообще всѣми статьями седьмой главы уложенія (т. е. 1540—1544) предусмотрѣны были исключительно проступки, судебное преслѣдованіе по которымъ возбуждается безъ частныхъ жалобъ, а слѣдовательно это помѣщеніе 1542 и 1543 статей въ числѣ исключеній

изъ правила, выраженнаго 159 статьей, и непомѣщеніе другихъ статей седьмой же главы, а именно: 1540, 1541 и 1544, — нѣкоторымъ образомъ указываетъ на ту мысль законодателя, что изъ проступковъ о противозаконномъ задержаніи лишь только тѣ не должны производиться въ частномъ порядкѣ, которыя предусмотрѣны 1542 и 1543 статьями. Что же касается до рѣшенія уголовного Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената по дѣламъ Панаева и Якутовича, то они не имѣютъ силы закона и обязательны для суда по смыслу 930 ст. Уст. Угол. Суд. и 68 ст. Основ. Госуд. Закона (т. I, ч. I) только по этимъ дѣламъ, по которымъ рѣшенія состоялись.

21.

1547. Текстъ этой статьи слѣдующій: «за угрозы начальнику, или господину, или же такому лицу коимъ виновный былъ благодѣтельствованъ, онъ приговаривается, во всякомъ случаѣ, къ наказаніямъ одной степеню выше противъ опредѣленныхъ въ предшедшихъ 1545 и 1546 статьяхъ, а за угрозы отцу, матери, или иному родственнику по прямой восходящей линіи, сіи наказанія возвышаются тремя степенями». По силѣ же 1545 статьи виновные въ угрозахъ поджогомъ или лишеніемъ жизни, съ присоединеніемъ какого либо принудительнаго требованія, подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ, на время отъ четырехъ до шести лѣтъ; а по 1546 виновные въ угрозахъ, также съ принудительнымъ какимъ-либо требованіемъ приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Слѣдовательно, выходитъ, что за угрозы, безъ различія ихъ свойства, начальнику, господину, благодѣтелю и родственникамъ по прямой восходящей линіи, виновные подвергаются наказанію опредѣленному за угрозы съ особо преступной цѣлью. Но этотъ выводъ, хотя вполне согласенъ съ букввальнымъ смысломъ 154 ст., не имѣетъ правильнаго основанія, если глубже вникнуть въ смыслъ закона вообще. Разбираемая

1547 ст. Улож. изд. 1866 года, замѣнена 2116 ст. XV т. к. 1 изд. 1857 года, которая имѣетъ совершенно одинаковое содержаніе съ первой. Въ 2116 статьѣ была сдѣлана ссылка на статьи 2113, 2114 и 2115, изъ которыхъ первыя двѣ состояли каждая изъ двухъ отдѣленій, и въ первыхъ отдѣленіяхъ этихъ статей опредѣлялось наказаніе за простые угрозы, а во вторыхъ отдѣленіяхъ за угрозы съ особо преступной цѣлью, т. е. съ присоединеніемъ принудительнаго какого либо требованія; 2115 ст. содержала въ себѣ опредѣленіе наказанія также за преступную угрозу. При новой редакціи, первое отдѣленіе 2113 ст., (какъ видно изъ сравнительнаго указателя статей улож. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изданія 1857 и 1866 года) нынѣ замѣнено 140 ст. уст. о нак. нал. мир. суд.; второе отдѣленіе той же статьи вошло въ составъ 1645 статьи улож. изд. 1866 г., первое отдѣленіе 2114 и вся 2115 статья замѣнены 139 ст. Уст. о нак. налаг. мир. суд. а второе отдѣленіе 2114 статьи составляетъ нынѣ 1546 ст. Улож. И такимъ образомъ 2116 ст. указывала лишь на то, что вообще за угрозы, сдѣланныя начальнику, господину, благодѣтелю и родственнику по прямой восходящей линіи наказаніе должно быть возвышено на одну или болѣе степеней противъ наказанія, опредѣленнаго въ 2113, 2114 и 2115 статьяхъ; а такъ какъ двѣ первыя статьи состояли изъ двухъ отдѣленій, то и выходило, что за угрозы, предусмотрѣнныя 2116 статьей виновные подвергались наказаніямъ, опредѣленнымъ въ первыхъ отдѣленіяхъ означенныхъ статей или опредѣленному въ 2115 статьѣ въ томъ случаѣ, если угрозы были простыя, и наказаніемъ опредѣленнымъ во вторыхъ отдѣленіяхъ 2113 и 2114 статей въ томъ случаѣ, если угрозы были съ принудительнымъ требованіемъ. Но за выпускомъ въ настоящемъ изданіи Уложенія первыхъ отдѣленій 2113 и 2114 статей, а также 2115 статьи, по случаю замѣны ихъ 140 и 139 ст. Уст. о нак. нал. мир. судей,—1547 статья, которой замѣнена 2116 ст., потеряла свое прежнее значеніе, и ссылка, сдѣланная въ этой стат. на 1535 и 1546 ст. (2113 и 2114), не имѣетъ значенія. Между тѣмъ этотъ недо-

смотреть редакціи на практикѣ возбуждаетъ недоразумѣніе въ пониманіи смысла 1547 статьи.

При томъ надо замѣтить, что за простыя угрозы, когда виновный не имѣетъ намѣренія на самомъ дѣлѣ совершить преступнаго дѣйствія, которымъ онъ похвывается, — нельзя иначе смотрѣть какъ на личное только оскорбленіе: и дѣйствительно угрозы по свойству своему одинаково оскорбительны, какъ и ругательныя или неприличныя слова. По закону всѣ дѣла объ угрозахъ начинаются не иначе, какъ вслѣдствіе жалобъ угрожаемыхъ (примѣч. къ 1548 ст.), и слѣдов., производятся въ частномъ порядкѣ и прекращаются примиреніемъ; а такимъ образомъ выходитъ, что начальникъ, оскорбленный угрозами подчиненнаго, долженъ вести дѣло о сдѣланныхъ ему угрозахъ въ частномъ порядкѣ, и можетъ прекратить это дѣло примиреніемъ. Но это постановленіе закона нельзя согласовать съ 394 ст. Уложенія, по силѣ которой за грубое или неприличное съ начальникомъ обхожденіе, произнесеніе въ присутствіи его, или хотя и безъ него, но публично, какихъ либо оскорбительныхъ для чести его словъ или прямое его оскорбленіе бранными и ругательными словами — виновные подвергаются взысканію, безъ жалобы начальника, и такое дѣло не можетъ быть прекращено примиреніемъ. — Возьмемъ примѣръ: подчиненный говоритъ своему начальнику, что отрубить ему голову — ясно, что дѣлая такую угрозу, онъ нагло оскорбляетъ начальника, но за это можетъ подвергнуться взысканію только вслѣдствіе жалобы начальника; тотъ же подчиненный говоритъ своему начальнику, что онъ плохой человекъ, и за это подвергается наказанію независимо отъ воли начальника, который не имѣетъ права прекратить этого дѣла примиреніемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ первый поступокъ подчиненнаго, судя по особой дерзости, важнѣй послѣдняго.

1583. Въ этой статьѣ сказано, что за жестокое обращеніе съ женой обстоятельствами доказанное, особливо въ случаѣ нанесенія ей увѣчья или ранъ, мужъ по жалобѣ супруги или ея родителя,

подвергается наказанію, опредѣленному въ разд. X главѣ III Уложенія за такія побои, раны или увѣчья, съ возвышеніемъ оныхъ двумя степенями. Здѣсь возникаетъ сомнѣніе: всѣ ли дѣла о жестокомъ обращеніи супруга съ супругою начинаются только по жалобѣ и должны быть производимы въ частномъ порядкѣ? Сомнѣніе это тѣмъ болѣе усиливается, что вообще дѣла о нанесеніи тяжкихъ увѣчья и ранъ, а также тяжелыхъ побоевъ, подвергающихъ жизнь обиженного опасности, возбуждаются безъ жалобъ и не могутъ быть прекращаемы примиреніемъ. Если же жестокое обращеніе, соединенное съ нанесеніемъ тяжкихъ поврежденій, должно быть преслѣдуемо безъ жалобы, то рождается вопросъ: что именно слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ жестокаго обращенія мужа съ женой, которое начинается только по жалобѣ супруги, т. е. можно ли признавать за жестокое обращеніе нанесеніе мужемъ женѣ легкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, въ случаѣ ихъ неоднократнаго повторенія?

23.

1534 и 1591. По смыслу примѣчанія къ 1534 ст. дѣла о нанесеніи личной какимъ либо оскорбительнымъ дѣйствіемъ обиды отцу или матери, или иному родственнику по прямой восходящей линіи, начинаются не иначе, какъ по жалобамъ оскорбленныхъ. При томъ, по силѣ 159 ст. Уложенія дѣло о поступкѣ, предусмотрѣнномъ 1534 ст. можетъ быть прекращено примиреніемъ. Но это положительно противорѣчитъ смыслу 1591 ст., по которой, хотя по жалобамъ родителей, дѣла за насильственные противъ нихъ дѣйствія, подвергаются наказанію, опредѣленному 1534 ст., но въ этомъ случаѣ родителямъ только предоставляется право ходатайствовать предъ судомъ объ уменьшеніи мѣры наказанія, а не прекращать дѣло примиреніемъ. Далѣе, въ примѣчаніи къ 1534 ст. сказано: «кто за обиду нанесенную, нанесетъ самъ оскорбившему его такую же или не менѣе тяжкую обиду, то теряетъ право приносить на него за сіе жалобу». Повидимому эта часть

примѣчанія относится и къ дѣламъ объ оскорбленіи дѣтьми родителей; но на практикѣ относительно этого возбуждаются сомнѣнія, потому что обоюдность въ этихъ оскорбленіяхъ не можетъ быть допущена, такъ какъ это противорѣчило бы кореннымъ узаконеніямъ о власти и правахъ родителей по отношенію къ своимъ дѣтямъ: такъ, по 165 ст. X т. ч. I родители имѣютъ право для исправленія дѣтей строптивыхъ и неповинующихся употреблять домашнія исправительныя мѣры, а по силѣ 168 ст. того же тома въ личныхъ обидахъ или оскорбленіяхъ отъ дѣтей на родителей, не пріемлется никакого иска, ни въ гражданскомъ, ни въ уголовномъ порядкѣ; въ 166-й статьѣ X т. I ч., въ числѣ правилъ, соблюдаемыхъ въ дѣлахъ объ оскорбленіи родителей дѣтьми не показано, чтобы дѣти имѣли право себя оправдывать тѣмъ, что родители имъ сами нанесли одинаковое оскорбленіе. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ прямомъ противорѣчій съ этими законоположеніями о власти и правахъ родителей находится и 138 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. По 1-му пункту этой статьи виновные въ нанесеніи обиды на словахъ или на письмѣ, родственнику въ восходящей линіи, т. е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 132 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., не подвергаются наказанію въ томъ случаѣ, когда самъ обиженный нанесъ обидчику равную или болѣе тяжкую обиду, а такъ какъ въ составѣ 132 ст. устава вошло 2093 ст. XV т. кн. I изд. 1857 года, гдѣ опредѣляется наказаніе дѣтямъ виновнымъ въ оскорбленіи словами родителей, то слѣдовательно, дѣла объ оскорбленіи на словахъ дѣтьми родителей, въ случаѣ, указанномъ 1 п. 138 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., подлежатъ прекращенію.

24.

1653. Въ этой статьѣ опредѣляется наказаніе за кражу или покушеніе на оную, когда виновный имѣетъ при себѣ какое либо орудіе, которымъ онъ могъ нанести смерть или увѣчье, но не означено, какому именно наказанію долженъ быть подвергнутъ тотъ, который имѣющимъ при немъ орудіемъ, во время кражи,

на самомъ дѣлѣ нанесъ увѣче, на примѣръ, при преслѣдованіи или поимкѣ. Подобное преступленіе по своимъ признакамъ не соотвѣтствуетъ ни преступленію, предусмотрѣнному въ означенной статьѣ, ни преступленію, предусмотрѣнному 1627 ст., въ которой опредѣляется наказаніе за разбой, а вообще остается не предусмотреннымъ закономъ, но между тѣмъ по всей справедливости подобныя дерзкіе похитители должны быть преслѣдуемы съ особой строгостью закона. Кромѣ того допускаемое этой статьѣй различіе въ опредѣленіи наказанія, — смотря потому, сдѣлана ли покража со взломомъ или безъ взлома, — не имѣетъ правильнаго основанія, такъ какъ за кражу съ наружнымъ взломомъ на основаніи 1 от. 1647 ст. улож. о нак. опредѣляется виновному наказаніе по 3 степ. 31 ст., т. е. болѣе важное, чѣмъ за кражу съ оружіемъ, за что назначено наказаніе по 4 степени 31 статьи. Во 2 части 1653 ст. сказано, что опредѣленное наказаніе за кражу вооруженнымъ человѣкомъ возвышается на одну степень, когда она сопровождалась взломомъ; слѣдовательно выходитъ, что при кражахъ съ наружнымъ взломомъ то обстоятельство, что виновный имѣлъ при себѣ оружіе, нисколько ему не увеличиваетъ наказаніе, ибо ему въ этомъ наказаніи опредѣляется по 3 степ. 31 ст., т. е. то, которое и положено за кражу съ наружнымъ взломомъ. Между тѣмъ при кражѣ съ внутреннимъ взломомъ, за что на основаніи 2 отд. 1647 ст. назначено наказаніе по 4 ст. 31 ст., въ томъ случаѣ, когда кража совершена вооруженнымъ человѣкомъ, возвышается по силѣ 2 от. 1653 ст. на одну степень. И такимъ образомъ выходитъ, что при кражахъ съ наружнымъ взломомъ вооруженіе похитителя не имѣетъ значенія увеличивающаго вину обстоятельствъ, а при кражѣ съ внутреннимъ взломомъ служить обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину; но таковая непослѣдовательность не можетъ быть объяснима никакими соображеніями, а потому и составляетъ недостатокъ редакціи.

Если уже на вооруженіе похитителя смотрѣть какъ на обстоятельство, увеличивающее вину и при кражахъ со взломомъ, то нужно было бы во 2 от. 1653 ст. вместо словъ: «если учинен-

«ная вооруженнымъ человѣкомъ кража была сопровождается взломомъ, то опредѣляемая въ сей статьѣ наказанія за оную, возвышаются одной степенью» — сказать: «если учиненная вооруженнымъ человѣкомъ кража была сопровождается взломомъ, то наказаніе опредѣляется, какъ за кражу со взломомъ, съ возвышеніемъ онаго на одну степень».

Кстати надо замѣтить, что употребленное выраженіе въ 1653 ст.: «когда кража сопровождалась взломомъ,» не точно и не соответствуетъ мысли законодателя, ибо взломъ по закону имѣеть значеніе особо увеличивающаго вину обстоятельства тогда, когда онъ сдѣланъ для кражи, а не тогда, когда онъ былъ произведенъ послѣ кражи: въ этомъ можно убѣдиться смысломъ 1647 ст., гдѣ опредѣляется наказаніе за кражу со взломомъ, когда взломъ учиненъ для сего «т. е. для кражи.»

25.

1631 ст. Въ 1631 ст., которая опредѣляетъ наказаніе за разбой, учиненный въ уединенномъ мѣстѣ, сказано, что наказаніе увеличивается, если разбой учиненъ съ обдуманномъ намѣреніемъ или умысломъ. Это — единственная статья, гдѣ принята предумышленность преступника въ расчетъ при назначеніи наказанія за похищеніе чужой движимой собственности, а вообще законъ при опредѣленіи наказанія за похищеніе чужаго имущества нигдѣ не различаетъ, совершено ли это преступленіе съ обдуманномъ намѣреніемъ или безъ онаго, напр. при назначеніи наказаній за кражи, грабежи и за разбой во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ упомянутаго въ 1631 статьѣ.

Принимая во вниманіе свойства разбоя, предусмотрѣннаго этой статьѣй, дѣйствительно нельзя не согласиться, что такой разбой можетъ быть совершенъ съ обдуманномъ намѣреніемъ и безъ онаго; такъ, въ томъ случаѣ, когда разбойникъ нападаетъ на проезжающаго, котораго онъ предвѣдительно поджидалъ въ уединенномъ мѣстѣ, — разбой будетъ съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ, а въ

томъ случаѣ, когда разбойникъ печально встрѣтился въ уединенномъ мѣстѣ съ тѣмъ лицомъ, на которое сдѣлано имъ нападеніе— разбой будетъ преступнымъ дѣйствіемъ по внезапному побужденію.

Но если уже допускать такое различіе въ опредѣленіи наказанія за разбой въ уединенномъ мѣстѣ, смотря потому, дѣйствовали ли преступникъ съ обдуманымъ намѣреніемъ или по внезапному побужденію, то слѣдуетъ уже допустить такое же различіе при опредѣленіи наказанія и за грабежъ въ уединенномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ необходимо прійти къ тому выводу, что слѣдовало бы либо уничтожить 2 ч. 1631 ст., гдѣ говорится о разбоѣ, совершенномъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ, либо дополнить отдѣленіе о грабежѣ статьей, соответствующей смыслу 2 ч. 1631 ст., а также различать и кражи, смотря потому, совершены ли они съ обдуманымъ намѣреніемъ или безъ оного.

26.

1634 ст. 1 ч. и 2 п. 1453 ст. Въ первой части 1634 ст. говорится, что за разбой, соединенный съ смертоубійствомъ, хотя безъ прямого на оное намѣренія или съ покушеніемъ на убійство, виновные наказываются на основаніи правилъ опредѣленныхъ въ статьѣ 1459, а послѣдняя статья въ первомъ отдѣленіи содержитъ въ себѣ постановленіе о томъ, что виновнымъ въ насильственномъ завладѣніи чужой собственности, когда при томъ совершено убійство, хотя безъ прямого на оное намѣренія, опредѣляется наказаніе по 1458 ст., какъ за убійство безъ прямого намѣренія, т. е.—сылка въ каторжныя работы на время отъ 8 до 12 лѣтъ. Непонятно, почему первое отдѣленіе 1634 статьи не имѣетъ одинаковой редакціи со вторымъ отдѣленіемъ, гдѣ говорится, что за разбой, соединенный съ зажигательствомъ, виновные подвергаются наказанію по правиламъ, въ статьѣ 152 постановленнымъ, по совокупности преступленій,—тогда такъ при такой редакціи смыслъ и перваго отдѣленія этой статьи былъ бы ясенъ и простъ. При настоящей же редакціи 1-го отдѣленія 1634 ст. сдѣлалось неяснымъ, какому наказанію долженъ подвергнуться виновный въ

разбой, соединенномъ съ обдуманномъ смертоубійствомъ? Въ этомъ случаѣ опредѣлять наказаніе по 1458 ст. нельзя потому, что за одно убійство съ обдуманнымъ намѣреніемъ по силѣ 1454 ст. назначено наказаніе—ссылка въ каторжныя работы въ рудникахъ отъ 12 до 15 лѣтъ, т. е. гораздо болѣе строгое, чѣмъ положенное въ 1458 ст.; слѣдовательно и за разбой, соединенный съ такимъ преступленіемъ, наказаніе никоимъ образомъ не можетъ быть менѣе строгое. Хотя во второмъ отдѣленіи 1459 статьи сказано, что въ случаѣ, если за преступленіе, при содѣяніи коего совершено убійство, опредѣлено наказаніе строже, означеннаго въ 1458 ст. то виновному въ ономъ назначается наказаніе за то преступленіе положенное на основаніи 152 ст.; но выраженное здѣсь правило можетъ имѣть примѣненіе въ томъ случаѣ, когда разбой, соединенный съ смертоубійствомъ, совершенъ при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, наприм. при обстоятельствахъ предусмотрѣнныхъ въ 1628, 1632 и 1633 ст., такъ какъ опредѣленное въ этихъ статьяхъ наказаніе за преступленіе будетъ гораздо важнѣе наказанія, опредѣленнаго въ 1458 и вообще за убійство, а за тѣмъ всетаки неразъясненъ вопросъ, какому наказанію долженъ подвергнуться виновный въ разбой, соединенномъ съ убійствомъ въ обдуманномъ намѣреніемъ въ томъ случаѣ, когда разбой совершенъ безъ особо увеличивающихъ обстоятельствъ, напр. предусмотрѣнный въ 1629, 1630 и 1631 ст.—такъ какъ за такой разбой наказаніе опредѣлено менѣе важное, чѣмъ за убійство съ обдуманномъ намѣреніемъ.—Безъ всякаго сомнѣнія, необходимость заставляетъ въ послѣднемъ случаѣ руководствоваться вторымъ отдѣленіемъ 1634 и на основаніи 152 ст. опредѣлять виновному наказаніе по 1454 ст.; но назначеніе наказанія и по этой статьѣ не будетъ имѣть правильнаго основанія, такъ какъ виновный въ разбой, соединенномъ съ обдуманномъ убійствомъ, подвергнулся бы только ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ отъ 12 до 15 лѣтъ, тогда какъ за совершенно тождественное преступленіе—убійство съ цѣлью ограбленія виновный по силѣ

4 п. 1453 ст. подвергается ссылке въ каторжную работу въ рудникахъ отъ 15 до 20 лѣтъ.

Дѣйствительно, примѣненіе 1 отдѣленія 1634 ст. было бы возможно безъ затрудненія, если бы въ ономъ не упоминалось о разбоѣ, соединенномъ съ покушеніемъ на убійство; тогда можно было бы заключить, что тутъ опредѣляется наказаніе лишь только за разбой, соединенный съ смертоубійствомъ безъ прямого намѣренія, и что разбой, соединенный съ обдуманнѣмъ убійствомъ предусмотрѣнъ въ особой статьѣ, именно въ 4 п. 1453 ст., но такъ какъ здѣсь говорится о разбоѣ, соединенномъ съ покушеніемъ на убійство, а покушеніе на убійство не мыслимо безъ прямого на оное намѣренія, ибо покушеніемъ и признается самое намѣреніе, приводимое въ дѣйствіе, — то къ такому выводу прійти нельзя. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, если уже не говорить о разбоѣ, соединенномъ съ обдуманнѣмъ убійствомъ, то выйдетъ все таки, что по смыслу 1634 ст. за разбой, соединенный съ покушеніемъ на убійство, наказаніе назначается менѣе строгое, чѣмъ за покушеніе на убійство съ цѣлью ограбленія по силѣ Улож. 1453 ст.; между же тѣмъ, какъ мы замѣтили, въ этихъ проступкахъ нѣтъ разницы.

Изъ этого примѣра нельзя не убѣдиться вообще въ недостатокѣ уложенія относительно опредѣленія характера преступленій. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ Уложенія, въ томъ числѣ и 1634 ст., предусматривается совокупность двухъ такихъ преступленій, изъ которыхъ одно по отношенію къ другому не является уже при совокупности самостоятельнымъ преступленіемъ, а входитъ въ составъ другаго преступленія, какъ его существенный признакъ. Напримеръ, открытое похищеніе чужой собственности, сопровождаемое убійствомъ по смыслу 1627 ст. признается разбоемъ, слѣдовательно убійство уже не является самостоятельнымъ преступленіемъ, а лишь составляетъ одинъ только изъ признаковъ разбоя, а отсюда уже оказывается, что разбой и не можетъ быть соединенъ съ убійствомъ, какъ съ самостоятельнымъ преступленіемъ. (Открытое похищеніе чужой собственности + убійство = разбою, а слѣдо-

вательно преступленіе предусмотрѣнное 1634 ст. т. е. разбой съ смертоубійствомъ—похищеніе съ убійствомъ+убійство; но послѣднее математическое уравненіе не имѣеть юридическаго смысла). По этому статья 1634, гдѣ говорится о разбоѣ, соединенномъ съ смертоубійствомъ, вообще не имѣеть юридическаго значенія. Точно также лишень юридическаго значенія и 4 п. 1453 ст.; гдѣ говорится объ убійствѣ съ цѣлью ограбленія, ибо такое убійство составляетъ ничто иное, какъ разбой, такъ какъ конечная цѣль этого преступленія есть не лишеніе жизни, а похищеніе чужаго имущества; лишеніе же жизни здѣсь является только средствомъ къ достиженію цѣли.

27.

1701 ст. Съ другой стороны недостаткомъ уложенія является то, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ допускается дробленіе одного преступленія на его составныя части, которыя и принимаются какъ бы за самостоятельныя преступленія. Напримѣръ, во 2 от. 1701 ст. сказано, что за продажу имущества, похищеннаго или полученнаго чрезъ обманъ самимъ продавцемъ, наказаніе опредѣляется по правиламъ въ статьѣ 152 постановленнымъ о совокупности преступленій, слѣдовательно, выходитъ, что воръ или мошенникъ долженъ подвергаться наказанію не за одно только похищеніе, но совокупно и за продажу; но кражей же признается тайное похищеніе чужой собственности съ корыстной цѣлью, а поэтому продажа похищенныхъ вещей есть только приведеніе злаго умысла въ исполненіе и такимъ образомъ не можетъ быть самостоятельнымъ проступкомъ по отношенію къ кражѣ или мошенничеству. При такихъ соображеніяхъ 2 п. 1701 ст. оказывается лишеннымъ юридическаго смысла.

Въ первомъ же отдѣленіи 1701 статьи усматривается прямое противорѣчіе съ смысломъ 14 ст. Это отдѣленіе гласить: «за продажу какаго либо завѣдомо украденнаго или чрезъ насиліе или обманъ полученнаго имущества, виновный въ томъ, если похище-

не учинено другимъ, а только было ему известно, подвергается наказанію, какъ пособникъ въ томъ преступленіи, чрезъ которое имѣніе получено», тогда какъ по точному смыслу 14 ст., «тѣ, которые не имѣвъ никакого участія въ самомъ содѣяніи преступленія, только по совершеніи онаго завѣдомо... продали другимъ похищенныя вещи — признаются укрывателями, а не пособниками» (ст. 28).

232 ст. Еще важный недостатокъ нашего уложенія состоитъ въ томъ, что во многихъ статьяхъ вмѣсто положительнаго обозначенія наказанія виновному дѣлаются ссылки на другія статьи съ допущеніемъ присуждать къ наказанію, опредѣленному въ этихъ статьяхъ, на которыя дѣлаются ссылки. Иногда такія ссылки дѣлаются на статьи, въ которыхъ предусмотрены тождественные проступки, напр. въ 229, 2 ч. 576 и т. п.; иногда дѣлаются ссылки на такія статьи, въ которыхъ предусмотрены сходные проступки напр. въ 1662, 1654 и т. п.; а иногда дѣлаются ссылки и на такія статьи, въ которыхъ предусмотрены совершенно не сходные проступки; напр. въ 1635 ст., гдѣ говорится о речедивистахъ разбоя, содѣлана ссылка на 1628 ст., гдѣ говорится о разбоѣ въ церкви. Последняго рода ссылки оказываются неудобными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ возбуждаютъ недоумѣніе относительно свойства самаго преступленія, предусмотрѣннаго той статьей, откуда дѣлается ссылка.

Такъ въ 232 ст. сказано, что за покражу денегъ изъ столобовъ или кружекъ, выставленныхъ безъ образовъ и крестовъ при церквахъ и часовняхъ, для сбора не на церкви, а для пособія бѣднымъ или же другое благотворительное употребленіе, виновные подвергаются высшей имѣрь наказаній, опредѣленныхъ за кражу со взломомъ, въ статьѣ 1647 сего уложенія. Отсюда возбуждается вопросъ: какой имѣеть смыслъ ссылка, содѣланная въ этой статьѣ на 1647, — тотъ ли смыслъ, какой имѣеть ссылка въ 1635 или нѣтъ? а также 232 ст. предусматриваетъ лишь похищеніе въ обшир-

номъ смыслѣ, одинаково со взломомъ и безъ взлома, или только похищеніе со взломомъ, судя по роду опредѣляемаго наказанія? Не зависела ли неполнота этой статьи отъ того обстоятельства, что при составленіи ея имѣлось въ виду, что кража денегъ изъ столовъ или кружекъ не можетъ быть совершена безъ взлома, и что во всякомъ случаѣ такого рода кража есть похищеніе изъ запертаго помѣщенія, за что и наказаніе должно быть опредѣлено какъ за кражу изъ запертаго помѣщенія, т. е. какъ за кражу со взломомъ? Повидимому и слѣдуетъ прійти къ тому выводу, что въ этой статьѣ безразлично не назначается наказаніе за кражу со взломомъ. Но какъ бы то ни было, истолкованіе истиннаго смысла 232 ст. представляется затруднительнымъ при настоящей редакціи. На практикѣ уже былъ случай ея превратнаго истолкованія. Такъ, с.-петербургская судебная палата по дѣлу о крестьянинѣ Ев—бевѣ и мѣщанинѣ Петрѣ Гу—вѣ въ опредѣленіи 27-го сентября 1868 года признала вышеупомянутое похищеніе безъ взлома наказуемымъ по 169 ст. Уст. о нак. нал. мир. суд., а не по 1647 ст. Улож. о нак. (Суд. Вѣст. 1869 г. № 40). Такимъ образомъ, палата признала, что въ 232 ст. ссылка сдѣлана на 1647 ст. по сходству признаковъ преступленія, предусмотрѣнныхъ въ этихъ статьяхъ, а не только для обозначенія наказанія, какъ сдѣлана ссылка въ 1635 ст. Мнѣ кажется, что палата не обратила вниманія на то, что въ Уложеніи для обозначенія рода наказанія въ нѣкоторыхъ статьяхъ безразборчиво дѣлается ссылка на другія статьи, хотя въ послѣднихъ статьяхъ предусматривались преступленія, по своимъ признакамъ не сходныя съ преступленіями, предусмотрѣнными въ первыхъ статьяхъ, а потому и выводъ, что въ 232 предусмтрѣна кража со взломомъ, — потому что въ этой статьѣ для обозначенія наказанія, сдѣлана ссылка на 1647, въ которой предусмтрѣна кража со взломомъ, — не имѣетъ правильнаго основанія. Впрочемъ, въ подтвержденіе доводовъ палаты можетъ отчасти послужить то обстоятельство, что въ 232 ст. сказано, что виновные въ проступкѣ предусмотрѣнномъ ею, подвергаются въ высшей мѣрѣ наказаній опредѣленныхъ 1647

ст., ибо выраженіе «въ высшей мѣрѣ» какъ бы показываетъ, что въ 232 ст. предусматрѣна кража со взломомъ, при особенныхъ обстоятельствахъ увеличивающихъ вину.

29.

231 ст. Въ Уложеніи о наказаніяхъ принято вообще за правило въ статьяхъ, въ которыхъ предусматриваются преступленія, совершенныя при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, не указывать на обстоятельства, хотя и увеличивающія вину, но не въ особенной степени, а также не принимать въ расчетъ и обстоятельство особо увеличивающихъ вину въ томъ случаѣ, когда преступленіе совершено при обстоятельствахъ, чрезвычайно увеличивающихъ вину, т. е. такихъ, которыя имѣютъ сами по себѣ квалифицирующее значеніе: такъ, законъ безразлично опредѣляетъ одинаковое наказаніе за кражу со взломомъ, не смотря на то, совершена-ли она ночью или днемъ, на сумму болѣе 300 рублей или менѣе, признавая, что увеличивающія вину обстоятельства, при существованіи особо увеличивающихъ вину, не должны имѣть никакого значенія, а за кражу въ составѣ шайки наказаніе опредѣляется одинаковое, безразлично, не смотря на то, совершена-ли кража со взломомъ или безъ взлома. Здѣсь взломъ не имѣетъ значенія при существованіи другаго болѣе важнаго квалифицирующаго обстоятельства и именно совершеніи кражи шайкой. Точно также, на томъ же основаніи, за кражу съ пожара или при другомъ несчастномъ случаѣ, наказаніе опредѣляется безъ различія, совершено-ли было похищеніе со взломомъ или безъ взлома, ибо здѣсь квалифицирующее обстоятельство есть несчастіе, которымъ пользуется похититель.

Отступленія отъ этого правила встрѣчаются въ нашемъ Уложеніи, но они являются болшею частью уже недостатками его, точно такими же, какими слѣдуетъ признавать и упущенія изъ виду при обозначеніи однихъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, для извѣстнаго преступленія другихъ квалифицирующихъ обсто-

ятельство особенной важности. Важное отступление отъ упомяну-
таго правила сдѣлано въ отдѣлѣ о святотатствѣ, такъ что здѣсь
«взломъ» играетъ важную роль, не смотря на то, что существен-
ными признаками святотатства служатъ похищеніе церковнаго иму-
щества и оскорбленіе святыни и что оскорбленіе святыни и со-
ставляетъ обстоятельство, чрезмѣрно увеличивающее вину похити-
теля. Ясно, что строгость наказанія, опредѣленнаго за святотат-
ство, поставлена въ зависимость отъ этого квалифицирующаго об-
стоятельства, а потому непонятно, почему напр. въ 221 ст., кото-
рой предусматрѣно похищеніе священныхъ предметовъ изъ цер-
кви, взломъ сильно вліяетъ на наказаніе, такъ что за простое по-
хищеніе безъ взлома полагается только ссылка въ каторжныя ра-
боты въ крѣпостяхъ на время отъ 6 до 8 лѣтъ, а за такое же по-
хищеніе со взломомъ—ссылка въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ
отъ 10 до 12 лѣтъ.

1645 ст. Напротивъ, въ 1645 ст., въ которой опредѣляется нака-
заніе за кражу шайкой, умалчивается объ одномъ важномъ обсто-
ятельствѣ, а именно—о вооруженіи похитителей. Понятно, что если
за кражу, учиненную нѣсколькими лицами, хотя и безъ составле-
нія настоящей шайки, но когда виновные, или же одинъ изъ
нихъ были вооружены, и кража сопровождалась взломомъ, по
силѣ 1654 ст.—назначено наказаніе, положенное 1641 ст.,
т. е. ссылка въ каторжныя работы на заводахъ отъ 4 до 6
лѣтъ, то виновные въ кражѣ въ составѣ вооруженной шайки не
могутъ быть подвергнуты менѣе строгому наказанію. Употреб-
леніе въ 1654 ст. выраженія: «хотя и безъ составленія настоя-
ющей для того шайки», указываетъ, что еще болѣе важному нака-
занію должны подвергнуться виновные въ кражѣ вооруженной
шайкой, но на самомъ дѣлѣ въ законѣ въ этомъ отношеніи ока-
зывается пробѣлъ, а примѣненіе по аналогіи 1654 ст. къ кражѣ

вооруженной шайкой дѣлается также затруднительнымъ въ томъ случаѣ, когда виновные въ кражѣ шайкой были вооружены, но не совершили взлома. Имѣя въ виду, что при другихъ обстоятельствахъ за кражу шайкой полагается безразлично одинаковое наказаніе, совершенно ли похищеніе со взломомъ или безъ взлома, можно прійти къ тому выводу, что за кражу вооруженной шайкой слѣдуетъ опредѣлять одинаково строгое наказаніе, совершена ли она со взломомъ или безъ взлома; но для разъясненія этого вопроса слѣдовало бы упомянуть объ этомъ въ специальной статьѣ о кражѣ шайкой.

31.

1654 ст. Изъ смысла 1654 статьи видно, что предусмотрѣнная ею кража сравнивается съ грабежемъ, предусмотрѣннымъ въ 1641 ст., по сходству этихъ преступленій по одному общему ихъ признаку—т. е. вооруженіе виновныхъ въ похищеніи. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ квалифицирующее значеніе для кражи, предусмотрѣнной въ 1654 ст., но между тѣмъ въ этой статьѣ упоминается о взломѣ, съ которымъ совершена кража: слѣдовательно, строгость наказанія постановлена въ зависимость не только отъ того обстоятельства, что похититель былъ вооруженъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ совершенія кражи со взломомъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, какому наказанію должны подвергнуться виновные въ кражѣ безъ взлома по предварительному уговору, когда они были вооружены? Если по аналогіи слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что имъ должно быть опредѣляемо наказаніе не по 1654 ст., а по 1653, гдѣ говорится о виновномъ въ кражѣ съ оружіемъ, то выйдетъ, что въ 1654 ст. единственно взломъ играетъ важную роль и взломъ управомочиваетъ судъ въ опредѣленіе настрояйшаго рода наказанія виновнымъ въ кражѣ съ оружіемъ, по предварительному уговору; тогда какъ «взломъ» не долженъ здѣсь имѣть важнаго значенія, ибо по взгляду самаго законо-

подателя, преступление, предусмотренное 1654, по своимъ признакамъ соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному въ 1641 ст., т. е. грабежу съ оружіемъ, а въ грабежѣ взломъ не имѣеть никакого значенія и за грабежъ опредѣляется одинаковое наказаніе, совершенъ-ли онъ со взломомъ или безъ взлома.

32.

1650 ст. Изъ 1650 статьи видно, что виновные въ кражѣ, когда она учинена въ гостиницахъ, постоялыхъ дворахъ и другихъ подобныхъ симъ заведеніямъ, самими содержателями сихъ заведеній или же людьми ихъ,—подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 1649 ст., и на томъ же основаніи; въ 1649 ст. опредѣляется наказаніе за кражу слугамъ, работникамъ, подмастерьямъ, или другимъ лицамъ, проживающимъ у того, чье имущество украдено, и при назначеніи наказанія принимается во вниманіе то, когда совершена кража по уговору и въ сообществѣ съ другими наведенными ими лицами, или же когда совершена кража хотя безъ уговора и сообщества съ другими наведенными людьми, но со взломомъ какого либо рода. Затѣмъ, кража подобными лицами безъ уговора и сообщества съ другими людьми предусмотрѣна уже особой статьею, а именно 7 п. 170 ст. Устав. о нак. налаг. мир. суд., въ составъ котораго вошла 3 часть 2230 ст. XV т. ч. 1 изд. 1857 года, а первая и вторая часть этой статьи содержится нынѣ въ 1649 ст. Улож. Смысль ссылки сдѣланной въ 1650 ст. на 1649 затрудняетъ мировыхъ судей въ томъ случаѣ, когда приходится опредѣлять наказаніе за кражу, сдѣланную содержателями гостиницъ или постоялыхъ дворовъ безъ уговора и сообщества съ другими посторонними людьми и безъ взлома. Конечно, въ этомъ случаѣ содержатели гостиницъ и постоялыхъ дворовъ должны быть привлекаемы къ отвѣтственности по силѣ 7 п. 170 ст., хотя въ этомъ пунктѣ, и ни въ какомъ п. 170 ст., не упоминается о совершеніи кражи содержателями гостиницъ и постоялыхъ дворовъ; мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи

нельзя затрудняться примѣненіемъ 7 п. 170 ст. не смотря на то, что по смыслу 181 ст. Уст. о нак. нал. миров. суд. сказано, что дѣла о кражахъ, предусмотрѣнныя въ 2230 и 2231 статьяхъ XV т. ч. 1, изъ которыхъ первая нынѣ замѣнена 1649 Улож. и 7 п. 170 Уст. о нак., а вторая 1650 ст. Улож., подсудны окружному суду, ибо ясно, что ссылка въ 181 ст. на послѣднія статьи въ полномъ ихъ составѣ не мыслима, ибо въ противномъ случаѣ выходило бы, что преступления, предусмотрѣнныя 2230 ст., — т. е. въ томъ числѣ и кражи слугами и подобными имъ лицами, безъ уговора и сообщества съ другими наведенными посторонними лицами и безъ взлома; о чемъ говорится въ 3 части этой статьи, перешедшей въ 7 п. 170 ст. Уст. о нак. нал. мир. суд. — подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ; но это прямо бы противорѣчило смыслу 33 ст. Уст. Угол. суд. и 1 ст. Уст. о наказ. нал. миров. суд., по силѣ которыхъ всѣ дѣла о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ Уставѣ о наказ., а слѣдовательно и проступокъ предусмотрѣнный 7 п. 170 ст., подсудны мировымъ судьямъ.

Тѣмъ не менѣе неполнота 170 ст. Уст. о наказ. нал. мир. суд., гдѣ не упоминается о совершеніи кражи содержателями гостиницъ и постоялыхъ дворовъ, и недосмотръ редакціи 181 ст. Уст. на практикѣ возбуждали недоумѣніе въ подсудности дѣлъ о кражахъ содержателями гостиницъ и въ опредѣленіи имъ наказанія.

Гов. прок. А. Павловъ.

Замѣчанія

ПО ПОВОДУ НЕДОСТАТКОВЪ ВЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛѢДСТВІЯХЪ.

Въ последнее время у насъ стали много говорить и писать по поводу недостатковъ въ предварительныхъ слѣдствіяхъ; при этомъ упрекають въ медленности, съ которою они производятся. Упрекъ, надобно сказать, совершенно справедливый. Въ тюрьмахъ можно встрѣтить арестантовъ, которые только подъ слѣдствіями состоятъ годъ, иногда два и больше. Между не арестантскими дѣлами десятки залеживаются въ канцеляріяхъ слѣдователей точно такое же количество времени.

Въ виду усилій, принимаемыхъ въ настоящее время къ открытію и устраненію причинъ недостаточности слѣдствій, мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько указаній на затрудненія и неудобства, встрѣчаемыя при производствѣ ихъ, и на тѣ причины, отъ которыхъ по нашему мнѣнію, зависитъ медленность производствъ.

Наши наблюденія по этому предмету привели насъ къ такимъ заключеніямъ: во 1-хъ, что, помимо требованій самого Устава Угол. Судопр., фактически установились, богъ знаетъ почему, и существуютъ, богъ знаетъ зачѣмъ, такія случайности, которыя ведутъ только къ замедленію производствъ; во 2-хъ, что въ настоящее время къ слѣдователю вступаетъ такая громадная масса дѣлъ, которая при другихъ обстоятельствахъ могла бы значительно сократиться, а самыя производства получили бы большую скорость; въ 3-хъ, наконецъ, что при производствѣ предварительныхъ слѣд-

ствій встрѣчаются очень часто затрудненія и неудобства, которые вытекаютъ, съ одной стороны, изъ примѣненія нѣкоторыхъ статей Уст. Уг. Суд., а съ другой—изъ отсутствія въ немъ опредѣленій на нѣкоторые встрѣчающіеся случаи.

I. Мы начнемъ свой обзоръ съ дознаній.

а) 250 ст. Уст. Уг. Суд. требуетъ, чтобы полиція о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, немедленно сообщала слѣдователю. А по 252 ст., когда слѣдователя на мѣстѣ нѣтъ, полиція производитъ дознаніе, которое по прибытіи слѣдователя и передаетъ ему. Здѣсь прежде всего мы находимъ, что полиція обязана сообщать слѣдователю о всѣхъ безъ исключенія преступныхъ дѣяніяхъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. И намъ кажется, что для слѣдователя, вполне преданнаго своему дѣлу, эти предварительныя полицейскія сообщенія должны быть очень дороги, какъ должно быть дорого для него то, чтобы начать самому изслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ, чтобы ему первому услышать показанія обвиняемыхъ и обвинителей, чтобы первому произвести осмотры и обыски,— словомъ, чтобы имѣть возможность, для успѣха дѣла, начать слѣдственные дѣйствія безъ посредства дознаній, а съ другой стороны, для него важно также, что, на основаніи этихъ сообщеній, онъ могъ бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступать согласно 309 ст. Уст. Уг. Суд., избѣгая такимъ образомъ напрасныхъ трудовъ и безпокойствъ. Не смотря на это, на практикѣ обыкновенно, по крайней мѣрѣ тамъ гдѣ мы имѣли наблюденія, такого порядка нѣтъ. Надзиратели и становые пристава развѣ въ особенно важныхъ случаяхъ предпосылаютъ слѣдователямъ свои сообщенія о преступленіяхъ. Обыкновенно же, не дѣлая сообщеній, они прямо присылаютъ слѣдователямъ дознанія, вслѣдствіе чего, смотря по характеру преступленія и отдаленности мѣста его совершенія, очень часто слѣдователь узнаетъ о происшествіи на третій, четвертый день и позже. Дѣло въ томъ, что полиція должна сообщить слѣдователю о преступленіи, но должна также не ошибиться, чтобы не сдѣлать слѣдователю лишннихъ хлопотъ и безпокойствъ.

А сдѣлать ошибочное сообщеніе ей не такъ трудно, потому что очень часто сама она можетъ быть поставлена въ заблужденіе со стороны заявляющихъ ей о преступленіяхъ. Поэтому, обязанная сообщать немедленно слѣдователю о преступленіи, полиція очень легко можетъ сообщить ему или о такомъ событіи, которое не имѣетъ въ себѣ ничего преступнаго, или же о преступленіи, которое подсудно не общимъ судебнымъ мѣстамъ, а мировымъ учрежденіямъ. Кромѣ того, надо полагать, что сообщеніями этими имѣлось въ виду не только дать знать слѣдователю о преступленіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы онъ и отправлялся немедленно къ мѣсту происшествія, для производства слѣдствія. Тутъ предстояло рѣшить вопросъ: нужно ли при этомъ производить дознаніе; произошли столкновенія, и, вслѣдствіе этихъ практическихъ столкновеній, полиція вынуждена была обходить установленный 250 и послѣдующими статьями порядокъ. Если хотите, во всемъ этомъ есть доля произвольнаго нарушенія, но въ тоже время нельзя не сказать, что поводы къ самому нарушенію существуютъ въ Уставѣ. Изъ ряда статей Устава, касающихся производства дознаній, можно, повидимому, вывести, что между тѣмъ какъ сообщать слѣдователю полиція обязана о всѣхъ безъ исключенія преступныхъ дѣяніяхъ, производство дознаній для нея какъ будто ограничено, если не одними исключительными случаями, то болѣе или менѣе опредѣленными Уставомъ. Въ тоже время мы находимъ, что совмѣстно съ ограниченіемъ производства дознаній существуетъ статья 271, на основаніи которой слѣдователь поручаетъ полиціи дѣлать дознанія и притомъ безъ опредѣленія случаевъ. И вотъ, положимъ, застанетъ слѣдователя какое нибудь сообщеніе въ позднюю ночь, въ постели. Онъ, въ просонкахъ, но совершенно законнымъ образомъ, можетъ отписаться, или же лично сказать сообщателю: «М. Г., на основаніи 271 ст. Уст. покорнѣйше прошу произвести объ этомъ дознаніе», — и только; порученіе обязательное, а слѣдователь вправѣ снова лечь въ постель и спокойно заснуть! Что же изъ этого вышло? А изъ этого вышло и существуетъ на практикѣ какъ правило, что ни объ одномъ преступномъ дѣяніи

изслѣдованіе не начинается прямо со слѣдователя, а каждое непременно изслѣдуется сначала чрезъ дознаніе, а потомъ уже чрезъ слѣдствіе. Даже такія заявленія, какъ заявленія потерпѣвшихъ лицъ, сдѣланныя непосредственно слѣдователю, очень часто направляются къ полиціи, чтобы она поступила, согласно 253 ст. Уст. Полиція можетъ, разумѣется, въ свою очередь указать слѣдователю на 307 ст. Уст., она и указываетъ. Но потерпѣвшее лицо теряетъ терпѣніе ходить отъ слѣдователя къ приставу и обратно, и грозитъ жалобой. Тогда за дѣло принимается тотъ, кому первому высказана была угроза. Или иногда также бываетъ, что слѣдователь и приставъ являются къ мѣсту происшествія въ одно время. Тогда одинъ производитъ дознаніе, а другой слѣдствіе. Свидѣтели и обвиняемые переходятъ отъ одного къ другому и испытываютъ нѣчто въ родѣ перекрестнаго вопроса. Тутъ уже дѣло дѣлается исключительно ради одной формальности.

б) Обращаясь къ характеру составленія актовъ дознанія, мы видимъ общій ихъ недостатокъ, — это плодovitость, съ которою они пишутся, обиліе фактовъ и обстоятельствъ нужныхъ и ненужныхъ, для собранія которыхъ тратится много времени и труда совершенно напрасно. По 254 ст. Уст., полиція всѣ нужныя ей свѣдѣнія, при производствѣ дознаній, собираетъ посредствомъ розысковъ словесными распросами и негласнымъ наблюденіемъ. Надо полагать, что и въ акты дознанія записываются только обстоятельства, спросы и дѣйствія, которые имѣютъ болѣе или менѣе существенное значеніе въ дѣлѣ, обстоятельства же неимѣющія такого значенія и свѣдѣнія ненужныя не должны имѣть мѣста въ актахъ. Это самое уже ясно требуется 7 ст. Нак. пол., гдѣ говорится, что распросы производятся полиціей безъ особенныхъ формальностей и записываются подробно только тогда, когда въ отвѣтахъ спрашиваемаго заключаются свѣдѣнія, разъясняющія свойство изслѣдуемаго происшествія. Между тѣмъ, возьмите любой актъ дознанія, и вы увидите, — правда, вы увидите здѣсь каждый шагъ пристава, каждое его дѣйствіе и всѣ обстоятельства до мельчайшихъ подробностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы найдете здѣсь много

лишняго груза, много обстоятельствъ, не имѣющихъ для дѣла никакого значенія. Случилось, на примѣръ, гдѣ нибудь ограбленіе. Приставъ отправляется вмѣстѣ съ заявителемъ къ мѣсту происшествія. Здѣсь онъ спрашиваетъ первыхъ попавшихся ему на глаза крестьянъ. Знаютъ ли они что нибудь о происшествіи или нѣтъ, — это обстоятельство не останавливаетъ его отъ распросовъ. Если они отвѣчаютъ: знать ничего незнаемъ и вѣдать не вѣдаемъ, — приставъ записываетъ въ актъ и это. Затѣмъ онъ отправляется въ ближайшія съ мѣстомъ ограбленія деревни. Тамъ тѣже отвѣты крестьянъ, и они точно также записываются. Наконецъ, если въ стану у пристава есть гдѣ нибудь подозрительныя личности вообще, онъ везетъ туда заявителя, оказываетъ ему тѣхъ, — «не они-ли молъ ограбили»; — тотъ не признаетъ, а между тѣмъ и это все вносится въ актъ. Время идетъ день за день, а слѣдователь еще не знаетъ что случилось и что дѣлается. Особенною же плодотворностію отличаются дознанія, производимыя административными лицами другихъ вѣдомствъ, на прим. чиновниками путей сообщенія. Подобныя дознанія представляются чисто формальными свѣдѣствіями, и неуступаютъ имъ въ объемъ. Тутъ вы все найдете: и формальные допросы, осмотры и обыски и разнообразнѣйшія постановленія.

Очевидно, что этотъ лишній трудъ, отнимающій много времени въ ущербъ быстроты дѣла, создается самими исполнителями и существуетъ помимо и вопреки требованіямъ Устава. Если ст. 5 нак. полиціи предоставляет ей право спрашивать всякого, то она же и ограничиваетъ его тѣми, кто можетъ сообщить полезныя только для дѣла свѣдѣнія; стало быть, только показанія этихъ лицъ и должны быть вносимы въ акты, а не огуломъ всё. Если ст. 7 того же нак. требуетъ, чтобы подробно записывались отвѣты спрашиваемыхъ лицъ, то опять-таки только тогда, когда они даютъ свѣдѣнія, разъясняющія свойство изслѣдуемаго происшествія. Кромѣ замедленія дѣла и справедливаго ропота лицъ, ничего не знающихъ и не вѣдающихъ, противъ внесенія ихъ показаній въ акты дознанія, подобное же содержаніе и результаты бы-

вають оттого и въ предварительныхъ слѣдствіяхъ. Судебные слѣдователи, изъ опасенія вѣроятно неполноты дѣла, считаютъ непременно нужнымъ при слѣдствіи спросить всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ актахъ дознанія, а потому въ производствахъ можно часто встрѣтить 10, 15 показаній, сущность которыхъ одинакова: знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ.

Само собою разумѣется, что такой порядокъ, совершенно случайный, существовать не долженъ.

Если по существу своему дознаніе должно раскрыть только дѣйствительность происшествія и опредѣлить, преступно ли оно или нѣтъ, то, для выясненія этихъ обстоятельствъ, достаточно будетъ спросить двухъ трехъ лицъ, а затѣмъ на остальныхъ указать слѣдователю лишь поименно. Этимъ и нужно ограничиться, въ этомъ видѣ и должно представлять дознаніе слѣдователю. При несложности, они бы производились быстро, такъ что замѣняли бы сообщенія, но были бы тѣмъ лучше послѣднихъ, что слѣдователь по нимъ могъ бы видѣть, какого свойства это происшествіе и есть ли основаніе приступать къ слѣдствію, о чемъ онъ не можетъ судить по существующимъ голымъ и ошибочнымъ сообщеніямъ. Въ случаѣ же, если бы обстоятельства дѣла потребовали отъ полиціи дѣйствій, какъ осмотры обыски и т. п., то пусть она не останавливается въ производствѣ ихъ; только акты ея объ нихъ будутъ представляться слѣдователю въ дополненіе къ первымъ. Такой порядокъ примѣненъ 6 ст. нар. пол. только къ нѣкоторымъ случаямъ, между тѣмъ, какъ кажется, онъ могъ и долженъ бы быть общимъ и однимъ для всѣхъ случаевъ.

в) Не рѣдко намъ случалось встрѣчать и такого рода дознанія, гдѣ изслѣдованіе о происшествіи идетъ какъ бы по инстанціямъ. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ въ этомъ родѣ; для подтвержденія его мы могли бы цитировать самое дѣло, но находимъ это лишнимъ. У одного крестьянина случилась кража. Куда идти съ жалобой? Ну, разумѣется, къ сотскому или старостѣ, какъ ближайшему начальству. Эти служители Фемиды или рапортуютъ приставу, если онъ близко, или же сообщаютъ мѣстному

волостному правленію. Въ послѣднемъ случаѣ волостной старшина отправляется къ мѣсту происшествія, дѣлаетъ осмотръ взлому, спрашиваетъ по дѣлу нѣсколько лицъ, и актъ дознанія готовъ, — и надобно сказать, что онъ удовлетворяетъ всему, что нужно требовать отъ дознанія; затѣмъ этотъ актъ посылается не къ слѣдователю, какъ бы слѣдовало, а къ приставу. Приставъ вѣроятно находитъ актъ не полнымъ, или же признаетъ производство дознанія исключительно своимъ правомъ или обязанностію, и, влѣдствіе этого, самъ отправляется къ мѣсту происшествія; снова дѣлаетъ осмотръ, но уже болѣе тщательнѣйшій, спрашиваетъ тѣхъ же лицъ, но уже болѣе подробнымъ образомъ. Въ сущности же дѣло отъ того не выяснилось больше, чѣмъ оно выяснено было и старшиною. Спрашивается: почему и зачѣмъ существуетъ такой порядокъ? Навѣрное ни старшина, ни приставъ не дадутъ себѣ отчета. Наше же мнѣніе относительно этого такое: будь на этотъ разъ болѣе опредѣленные и однообразныя правила въ Уставѣ, на практикѣ не было бы столько произвольныхъ случайностей, а безъ этого — полный просторъ каждому дѣйствовать какъ Богъ, на душу положить. Между тѣмъ въ результатъ опять то, что, при отсутствіи сообщеній, слѣдователь узнаетъ о происшествіи уже не чрезъ два—три дня, а чрезъ недѣлю.

г) Случается и больше, такъ что слѣдователь получаетъ дознаніе иногда спустя цѣлый мѣсяцъ послѣ происшествія. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда между двумя приставами или же приставомъ и надзирателемъ возбудятся пререканіе. Замѣчательно, что въ Уставѣ говорится только о пререканіяхъ между судебными лицами и мѣстами и нѣтъ никакихъ указаній на подобныя пререканія между полицейскими чиновниками. А между тѣмъ они существуютъ, и намъ желательно было знать, на чемъ основываютъ полицейскіе чиновники свои споры объ обязанностяхъ? Цѣль подобныхъ споровъ конечно не та, чтобы сдѣлать дѣло за сосѣда противъ его желанія, или же не допустить въ свою очередь усерднаго сосѣда къ исполненію обязанностей за себя; а та, чтобы сбить отъ себя дѣло и навязать на плечи сосѣду.

Это бы ничего, если бы при этомъ только писалось и отписывалось. Нѣтъ, здѣсь очень часто жарко отъ этихъ споровъ лицу, которое въ этомъ случаѣ является подлинно «потерпѣвшимъ». Вотъ примѣръ изъ практики. Ограбили однажды какого-то дальняго крестьянина близъ границы двухъ становъ. Мужичекъ, не зная къ кому именно обратиться, идетъ къ ближайшему становому. По заявленію его, становой составляетъ актъ, но затѣмъ, когда приставъ отправляется съ мужикомъ къ мѣсту происшествія, находятъ, что оно случилось не у него въ стану, а у сосѣда. Мужичекъ отпускается на родину, а дознаніе передается по принадлежности тому становому, въ стану котораго случилось, по мнѣнію перваго становаго, происшествіе. Тотъ, не стѣняясь, что мужикъ живетъ за нѣсколько верстъ, обязываетъ его явиться. Мужикъ является, и за чѣмъ? за тѣмъ единственно, чтобъ указать и этому становому мѣсто, гдѣ его ограбили. Добровольно или нѣтъ указываетъ мужикъ, только у этого становаго выходитъ, что ограбленіе случилось не въ его станѣ, а въ станѣ перваго, который передалъ ему дознаніе съ начала, и спѣшитъ, конечно, передать ему дѣло обратно и съ дополненіемъ своего акта. Тотъ, получая дознаніе, находитъ возраженіе неосновательнымъ, дѣлаетъ повѣрку осмотра, ссылается на понятыхъ, бывшихъ при его осмотрѣ, на указаніе сдѣланное ему въ первый разъ заявителемъ и, оставаясь при своемъ мнѣніи, отсылаетъ переписку на усмотрѣніе исправника, а исправникъ уже на разсмотрѣніе слѣдователя. Кромѣ того, что въ спорахъ этихъ почтенныхъ людей проходятъ мѣсяцы, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до слѣдователя, намъ кажется, что подобныя дѣйствія имѣютъ еще ту дурную сторону, что, повторяясь нѣсколько разъ тамъ и сямъ, могутъ привести многихъ къ прискорбному сравненію, что какъ въ старину таскали ихъ по становымъ и по судамъ, такъ и теперь продолжаютъ таскать. Упрекъ конечно можетъ пасть на реформу, тогда какъ, по нашему мнѣнію, она тутъ ни причемъ. Порядокъ этотъ, тоже случайный, долженъ бы быть устраненъ. Судя по тому, что интересы полиціи должны быть общи, если она только чѣмъ нибудь

интересуется, то странно было бы ограничивать и кругъ ея дѣйствій исключительно кварталами и станами; странно было бы считать нарушеніемъ обязанности или не своею обязанностию сдѣлать тоже въ своего квартала или стана, или считать исполненіемъ обязанностей прогнать вонъ заявляющаго, и сказать ему: «Это не мое дѣло, ступай туда-то». Оттого у насъ такъ и плохо, оттого у насъ множество происшествій остаются неизвѣстными и не изслѣдуемыми, потому что трудно и хлопотно начать дѣло. Подобныя пререканія, если только они явленія случайныя, произвольныя, и ни на чемъ не основанныя, не могли бы существовать, если бы было обязательнымъ для каждаго полицейскаго чиновника принимать каждое заявленіе о происшествіи къ исполненію, хотя бы при этомъ съ перваго же раза было извѣстно, что происшествіе случилось не въ его станѣ или кварталѣ. Къ кому первому обратилось лицо съ заявленіемъ, тотъ и составляя актъ, а по составленіи передай отъ себя по принадлежности слѣдователю.

Нѣчто подобное мы находимъ и въ дѣятельности слѣдователей. Какъ у полицейскихъ чиновниковъ дѣятельность ограничена кварталами и станами, такъ и услѣдователей она ограничена участками, за предѣлы которыхъ они не обязаны выходить. И какъ тамъ, такъ и здѣсь мы видимъ строгое раздѣленіе труда, и мало солидарности, при единствѣ интересовъ и однообразіи дѣятельности. Правда, что тутъ нѣтъ пререканій, но точно также нѣтъ ни обязательныхъ, ни необходимыхъ взаимныхъ обязательствъ. Отчего происходитъ не мало затрудненій. Найдено, наприм., гдѣ нибудь мертвое тѣло съ признаками насильственной смерти. Приглашается мѣстный слѣдователь, но его нѣтъ дома, онъ уѣхалъ по другому важному дѣлу. Въ ожиданіи его, тѣло лежитъ три, четыре и пять дней. Полиція въ затрудненіи: пригласить другаго—нельзя, потому что, на основаніи 286 ст. Уст., каждый слѣдователь производить слѣдствія только въ своемъ участкѣ, пригласить мирового судью—не принято, да и не разрѣшено закономъ. Остается одно, выжидать прибытія своего слѣдователя.

д) Наконецъ, чтобъ перейти къ разсмотрѣнію причинъ, замедляющихъ производства собственно предварительныхъ слѣдствій, намъ остается сдѣлать указаніе еще на одно затрудненіе при дознаніяхъ. Становые пристава находятся, напримѣръ, въ большомъ затрудненіи относительно помѣщенія задержанныхъ лицъ. Надзиратели въ этомъ случаѣ обезпечены. Они могутъ препровождать задержанныхъ лицъ въ частные дома, въ зданія полицейскихъ управленій. Совсѣмъ другое становые пристава. «Задержанныя лица, говорится въ 19 ст. нак. пол., препровождаются, при самой отсылкѣ дознанія, къ судебному слѣдователю, или впредь до прибытія его, содержатся подъ стражею на мѣстѣ происшествія, при станovýchъ квартирахъ, при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ, или въ обывательскихъ домахъ». Обязывая приставовъ содержать арестованныхъ при станovýchъ квартирахъ, вѣроятно предполагалось, что квартиры станovýchъ непременно должны имѣть лишніе покои, что арестованные будутъ всегда помѣщаться у нихъ не гдѣ-нибудь въ темныхъ чуланахъ, хлѣвущкахъ или въ баняхъ подъ замкомъ, а въ свѣтлой, порядочной, комнатѣ и, во всякомъ случаѣ, со стражей при дверяхъ. Но надобно видѣть, помѣщенія самихъ приставовъ и стражу, какая имѣется у нихъ въ распоряженіи, чтобъ разъ на всегда избавить ихъ отъ стѣсненій и позаботиться о болѣе удобномъ и болѣе безопасномъ помѣщеніи задерживаемыхъ въ уѣздахъ лицъ. Понятно, что становые, при задержаніи лицъ, всегда спѣшатъ сбить съ своихъ рукъ арестантовъ слѣдователю; но и при этомъ отъ хлопотъ и неудобствъ они не избавляются. Слѣдователь, напримѣръ, признаетъ нужнымъ присутствіе задержаннаго на мѣстѣ происшествія, или же, что всего чаще, задержанное лицо приводится къ слѣдователю, а его дома нѣтъ, тогда совершается обратное путешествіе къ приставу.

И мы не разъ встрѣчали переписку станovýchъ съ слѣдователями по поводу недостатка арестантскихъ помѣщеній при станovýchъ квартирахъ. Содержать арестованныхъ на мѣстахъ происшествій очень часто бываетъ неудобно потому, что этими мѣстами происшествій бываютъ: мѣсяцъ дремучій, поле открытое или

оврагъ глубокой. Отправленіе задержанныхъ лицъ въ арестантскія помѣщенія, имѣющіяся при волостныхъ правленіяхъ, не всегда удобно, смотря по времени задержанія и отдаленности ихъ отъ мѣста происшествія. А кромѣ того, самое содержаніе арестантовъ въ нихъ, при отсутствіи хорошаго устройства помѣщеній, а равно содержаніе въ обывательскихъ домахъ при слабости надзора, представляютъ удобные случаи арестантамъ для побѣга.

III. Переходя затѣмъ къ производству собственно предварительныхъ слѣдствій, мы находимъ прежде всего совершенно справедливымъ, что личное усердіе и дѣятельность слѣдователей играетъ въ дѣлѣ производства слѣдствій, чуть ли не главную роль. Въ этомъ смыслѣ въ литературѣ подавались голоса и предлагались разныя побудительныя мѣры, въ родѣ, на примѣръ, учрежденія прежнихъ дневныхъ записокъ. При всемъ томъ, мы имѣемъ въ виду данныя сказать, что и у самыхъ усердѣйшихъ изъ слѣдователей производства двигаются все-таки медленно. Тутъ надо уже искать причинъ помимо гдѣ нибудь, а не въ одномъ нерадѣніи слѣдователей.

По нашему мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ медленности производства предварительныхъ слѣдствій было, есть и будетъ громадное количество дѣлъ, поступающихъ къ слѣдователю ежегодно. Мы не имѣемъ подъ руками статистическихъ данныхъ, чтобы показать, сколько въ годъ поступаетъ дѣлъ повсемѣстно, и вывести разницу въ распредѣленіи ихъ между слѣдователями. Очень можетъ быть, что не всѣ слѣдователи одинаково обременены количествомъ дѣлъ. Мы имѣемъ въ виду лишь мѣстные факты, которые показываютъ, что къ слѣдователю можетъ вступить въ годъ отъ 250 до 300 дѣлъ. Какъ хотите, а этого для одного человѣка много. Какъ ни будь усерденъ слѣдователь, а все же представляется физическою невозможностію вести дѣло такъ, чтобы сколько начиналось въ годъ слѣдствій, столько же и было окон-

чено. Самъ слѣдователь трудится съ утра до вечера, изо дня въ день. Для него нѣтъ ни праздничныхъ ни воскресныхъ дней; въ канцеляріи его работаютъ два—три человѣка, и постоянно заняты. При всемъ томъ, въ годъ, при самыхъ усиленныхъ занятіяхъ, образуется остатокъ для работъ новаго года. А новый годъ въ свою очередь приноситъ такую же массу дѣлъ и оканчивается новымъ остаткомъ, такъ что изъ этихъ остатковъ образуется нѣчто въ родѣ залежей. Не забывайте при этомъ, что между слѣдователями есть люди семейные, что домашнія и семейныя обязанности, о которыхъ они не могутъ не рабѣть, настоятельно требуютъ отъ нихъ времени и особыхъ трудовъ.

Но для исхода изъ этого положенія, мы никакъ не намѣрены подать голосъ за то, чтобъ увеличить число слѣдователей, или же въ помощь имъ учредить новые какіе нибудь судебныя органы. Не входя въ разсужденіе о томъ, что увеличеніе числа слѣдователей потребуетъ значительныхъ суммъ, въ этомъ предложеніи мы видимъ другія неудобства. Дѣло въ томъ, что масса вступающихъ дѣлъ останется все таже. Правда, она будетъ распредѣлена на большее число слѣдователей, но вотъ бѣда: когда слѣдователи будутъ имѣть возможность кончать большее противъ прежняго числа слѣдствій, тогда окажется наплывъ ихъ у лицъ прокурорскаго надзора. Положимъ что и это состоится. Тогда окажется, что надобно будетъ образовать новыя отдѣленія при судахъ, такъ какъ въ тоже время и къ нимъ увеличится наплывъ дѣлъ. Да и при настоящемъ порядкѣ, очень часто слѣдствія кончаются въ недѣлю, двѣ,—между тѣмъ къ докладу въ судѣ они назначаются чрезъ пять и шесть мѣсяцевъ. Это потому, что, при наплывѣ дѣлъ въ судахъ, каждое изъ нихъ ждетъ своей очереди. Вопросъ, слѣдовательно, долженъ быть нѣсколько шире; онъ обнимаетъ весь ходъ дѣла отъ заявленія до рѣшенія въ судахъ: поэтому ненадобно ограничиваться мѣрами къ устраненію медленности производствъ только у слѣдователей и оставлять безъ вниманія дальнѣйшій ихъ ходъ. Имѣя это въ виду, мы хотимъ придти къ разрѣшенію вопроса совершенно съ другой стороны, именно, отъ разсмотрѣнія сущности

вступающихъ къ слѣдователю дѣль и здѣсь найти основанія для будущихъ мѣръ.

Внимательное разсмотрѣніе всей этой массы производствъ даетъ намъ такіе результаты, что всѣ производства могутъ быть раздѣлены на слѣдующія категоріи: 1) на категорію производствъ по преступленіямъ вымышленнымъ, совершенно не существующимъ; 2) на категорію производствъ, почти оконченныхъ слѣдователемъ, но залеживающихся въ канцеляріи по независящимъ отъ него причинамъ; 3) по происшествіямъ, о которыхъ не слѣдовало бы приступать къ слѣдствію и 4) наконецъ, на категорію производствъ по преступленіямъ, которыя безъ всякаго ущерба правосудію могли быть изъяты изъ вѣдомства общихъ судебныхъ мѣстъ и отнесены къ вѣдомству мировыхъ учреждений.

а) Трудно конечно повѣрить, какимъ образомъ могутъ начинаться и производиться слѣдствія по преступленіямъ вымышленнымъ, несуществующимъ. А между тѣмъ такіе случаи бываютъ и повторяются очень не рѣдко. Дѣйствующими лицами такихъ комедій бываютъ большею частію арестанты. Дѣлается это разумѣется въ томъ интересѣ, чтобы, запутавъ дѣло, продлить себѣ пріятное пребываніе въ замкѣ, или же получить возможность и право на путешествіе по этапу, куда ему вздумается. Сидитъ, сидитъ подобный герой въ замкѣ и напишетъ вдругъ слѣдователю прошеніе: «Чистосердечно раскаяваясь, я желаю открыть в-в-д-ю новое преступленіе, а потому покорнѣйше прошу вызвать меня въ канцелярію». Прошенія обыкновенно идутъ чрезъ лица прокурорскаго надзора. Слѣдователь вызываетъ арестанта къ допросу, и здѣсь очень часто арестантъ чистосердечно сознается въ обманѣ и открываетъ, что никакого преступленія новаго онъ не совершалъ, а что ему наскучило сидѣть въ замкѣ и вздумалось пройтись по городу. Это ему и пріятно и выгодно, потому что, на пути отъ замка къ слѣдователю, ему щедро подавалась милостыня. Вслѣдствіе этого слѣдователи, долго прослужившіе и не разъ подвергавшіеся обману, перестали обращать серьезное вниманіе на чистосердечныя раскаянія арестантовъ, и очень часто, предугадывая

обманъ, отказываютъ арестантамъ въ вызовѣ, а тѣ рѣже поэтому осаждаютъ ихъ прошеніями. Но это шалуны мелкіе, съ маленькими желаніями; они обманываютъ безвредно и безъ особенныхъ цѣлей; а есть шалуны покрупнѣе, настойчивѣе, которые съ обманомъ соединяють всегда непременно какую нибудь цѣль для себя. Отъ обмана такихъ шалуновъ, при настойчивости, съ которою они утверждаютъ свой вымыслъ, ни одинъ слѣдователь не свободенъ отъ заблужденія, тѣмъ болѣе, что самый вопросъ о томъ, что представляетъ данный случай, или частое признаніе, можетъ возникнуть лишь при имѣющихся на виду у слѣдователя какихъ нибудь свѣдѣнйяхъ, а въ большинствѣ случаевъ этотъ вопросъ не имѣетъ мѣста и по 310 ст. Уст. слѣдователь обязанъ приступить къ слѣдствію. А тому арестантъ даетъ сложную. Заявляетъ напр. что преступленіе совершено имъ въ такой то губерніи при такихъ то обстоятельствахъ, которыя, по мнѣнію слѣдователя, требуютъ присутствія арестанта на мѣстѣ. Давать порученія полиціи за сотни верстъ слѣдователи избѣгаютъ, а считаютъ лучшимъ относиться къ слѣдователямъ, къ которымъ и препровождаютъ арестанта. И вотъ производится слѣдствіе, по которому обнаруживается обманъ арестанта. Арестантъ отправляется обратно; представится ему удобный случай бѣжать, чего онъ и желалъ; онъ воспользуется имъ; не удастся бѣжать,—онъ подождетъ до другаго раза.

А вотъ случай, переданный намъ полицейскимъ чиновникомъ,—случай подобнаго же обмана только не изъ арестанской жизни. Солдаты заявили этому чиновнику, что его ограбили. Чиновникъ произвелъ дознаніе, передалъ слѣдователю и началось слѣдствіе. Только чрезъ нѣсколько времени чиновникъ слышитъ отъ тѣхъ же лицъ, которыхъ ему привелось спрашивать и при дознаніи, что солдатская исторія—просто выдумка; что солдатъ этотъ, проживая въ богадѣльнѣ, въ тотъ день, какъ ему вздумалось считать себя ограбленнымъ, былъ просто пьянъ, упалъ гдѣ то и расшибъ себѣ лицо. Ничего бы не было, еслибъ на тотъ разъ не попался онъ на глаза начальнику богадѣльни, который обратилъ на него вни-

маніе. Признаться, что пьянъ, солдату было нельзя:—изъ богадѣльни выгонять. Онъ и прикинулся ограбленнымъ, избитымъ до безчувствія,—и пошла потѣха. Заявка дѣла вышла удачна; на другой день солдатъ могъ уже свободнѣй разыграть свою роль предъ полицейскимъ чиновникомъ, и легко могъ держаться ея въ теченіе шести мѣсяцевъ, въ которые тянулось слѣдствіе.—Правда, ничто не мѣшало полицейскому чиновнику заявить тутъ же о вымыслѣ; но это не такъ легко, какъ кажется. Если ему самому открыли обманъ, то уже какъ частному человѣку, по секрету, а не какъ чиновнику. Кто открылъ ему, тотъ уже знаетъ, что дознаніе было сдѣлано:—сказать можно, а попробуй чиновникъ тутъ же взять бумагу и перо и заставить говорить, — ничего и не добьешься, ибо тѣже лица скажутъ: «мы этого и знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ, да мы тебѣ, батюшка, этого и не говорили». А съ другой стороны, объ ограбленіи уже извѣстно исправнику, губернатору, о немъ знаетъ прокурорскій надзоръ и давнымъ и давно производится слѣдствіе.

А сколько, напримѣръ, дѣлается ложныхъ заявленій на отнятія паспортовъ или указовъ объ отставкахъ! Продастъ человѣкъ свой паспортъ или указъ,—и идетъ заявлять объ ограбленіи. Такихъ заявителей легко съ перваго же раза заподозрить во лжи. У нихъ почти у всѣхъ обыкновенно отымаютъ только паспорта и больше нечего; грабители ихъ бьютъ, но не больно,—знаковъ вообще никакихъ не дѣлаютъ; въ лицо грабителей они не признаютъ, примѣтъ ихъ не разглядѣли, свидѣтелей ограбленія обыкновенно не бываетъ, и говоря вообще—подобныя заявленія являются всегда крайне бездоказательными.

Мы положительно увѣрены, что если случаи подобнаго вымысла и обмана не считаются еще десятками, то потому, что большая часть ихъ остается не замѣченной и производства по нимъ, не возбуждая сомнѣній, идутъ въ рядъ съ производствами о дѣйствительныхъ происшествіяхъ. Вотъ на что, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы обратить должное вниманіе и избавить слѣдователей отъ подобнаго рода дѣлъ. Эти случаи указываютъ на

многое и многого требуютъ. Они указываютъ напр. на 260 ст. Устава, и приводятъ къ убѣжденію, что полиція, прекращая свои дѣйствія по слѣдствію съ прибытіемъ слѣдователя, очень рано еще кончаетъ свое дѣло, и что затѣмъ, ожидая только особыхъ порученій отъ слѣдователей, а не продолжая самостоятельно дѣйствовать въ теченіи всего производства слѣдствія, она никогда не можетъ получить отъ нихъ такихъ порученій, по которымъ она снова должна бы удостовѣриться въ дѣйствительности происшествія, на томъ основаніи, что слѣдователи, получая дознанія и производя слѣдствія, часто не имѣютъ повода и данныхъ сомнѣваться въ дѣйствительности происшествія. Точно также подобные случаи указываютъ на то, что правомъ на изслѣдованіе они пользуются наравнѣ съ другими, согласно 303 ст. Устава; что они могутъ повторяться и плодиться и всегда будутъ обязательны, такъ какъ на основаніи этой статьи, отказать имъ въ изслѣдованіи, значить тоже, что отказать лицу въ правосудіи, что наконецъ, право быть вымышленными они имѣютъ согласно 308 ст. Уст.; такъ какъ эта статья не налагаетъ обязанности на заявляющихъ признаваться во лжи; а если она и подвергаетъ отвѣтственности, то слѣдователю надобно собрать прежде обстоятельства, которыя уличали бы ихъ во лжи.

б) Мы сказали, что у слѣдователей бываютъ производства, залеживающіяся въ канцеляріяхъ на болѣе или менѣе продолжительное время, по независящимъ отъ нихъ причинамъ. Причины эти разнообразнѣйшія и у каждаго дѣла своя. При дознаніи, наприм., полиція не имѣетъ обыкновенія обязывать потерпѣвшихъ другихъ лицъ тутъ же являться къ слѣдователю, или же ожидать его на мѣстѣ происшествія, — и лицо отправляется куда ему было нужно. А бываютъ вотъ какого рода случаи: крестьянинъ, положимъ, тверской губерніи, везетъ товаръ въ казанскую, и его въ московской губерніи грабятъ. Слѣдователь приступаетъ къ слѣдствію, а крестьянина на мѣстѣ уже нѣтъ. Онъ посылаетъ вопросные пункты въ казанскую губернію, но такъ какъ мѣстный слѣдователь не сейчасъ же приступилъ къ исполненію, то требованіе

чрезъ мѣсяць-два возвращается безъ исполненія, съ увѣдомле-
 ніемъ только, что такой то выбылъ на мѣсто родины. Затѣмъ
 слѣдователь сносится съ мѣстнымъ слѣдователемъ — и хорошо, если
 вопросные пункты получаются вовремя и лицо, подлежащее спросу
 оказывается на мѣстѣ; а то часто требованіе возвращается опять
 безъ исполненія, такъ что въ розыскахъ проходить цѣлые мѣсяцы.
 А производство между тѣмъ почти готово, однако заключить его
 невозможно. Но еще болѣе представляется затрудненій слѣдова-
 телю, когда подобное упушеніе сдѣлано было по арестанскому дѣлу.
 Представляютъ на прим. къ слѣдователю задержанныхъ лицъ. Изъ
 дознанія видно, что они обвиняются въ ограбленіи гуртовщиковъ,
 гнавшихъ гуртъ изъ отдаленной губерніи. Между тѣмъ гуртов-
 щиковъ на лицо нѣтъ и по розыскамъ оказывается, что они вы-
 были ужъ на мѣсто родины. Слѣдователь въ затрудненіи: обви-
неніе настолько важно, что ему надобно принять мѣры, противъ
обвиняемыхъ, посадить подъ арестъ, или отобрать старавъ шива
 съ другой стороны ихъ можетъ быть слѣдуетъ совсѣмъ освобо-
 дить, какъ виновныхъ только, по ихъ собственнымъ показаніямъ,
 въ драгѣ. Свидѣтелей при дѣлѣ не было; сдѣлать промахъ, стало-
 бытъ, очень легко. Вторая причина, замедляющая производства
 слѣдствій — это медленное исполненіе требованій слѣдователя. На
 основаніи 292 ст. Уст. Уг. Суд., когда окажется необходимымъ
 допросить обвиняемыхъ или свидѣтелей, или же произвести иное
 слѣдственное дѣйствіе внѣ участка, слѣдователь можетъ просить
 объ исполненіи того слѣдователя, въ участкѣ котораго они долж-
 ны быть произведены. Здѣсь нѣтъ опредѣленія хотя бы прибли-
зительнаго срока, въ теченіе котораго исполненіе порученія одного
слѣдователя было бы обязательнымъ для другаго. А безъ этого
 опредѣленія слѣдователь, которому поручается то или другое дѣй-
 ствіе, имѣетъ возможность не приступать къ нему въ теченіи нѣ-
 сколькихъ мѣсяцевъ, а слѣдователю, который поручаетъ эти дѣй-
 ствія, нѣтъ средствъ побудить къ исполненію, какъ только жалобой
 на своего товарища. Въ дѣйствіе этого, порученія исполняются всегда
 медленно, даже въ такихъ случаяхъ, когда они касаются дѣйствій,

самихъ по себѣ не теряющихъ отлагательства. Помнится, одинъ слѣдователь просилъ другаго произвести обыскъ въ домахъ у двухъ крестьянъ. Проходить мѣсяць, — отвѣта нѣтъ. Слѣдователь повторяетъ порученіе и проситъ поспѣшить исполненіемъ; но проходить еще мѣсяць, — ни исполненія, ни увѣдомленія; почему порученіе не можетъ быть исполнено, нѣтъ. Между тѣмъ, время отъ времени къ слѣдователю навѣдывается потерпѣвшее лицо и спрашивается, нашлись ли его вещи. Слѣдователь сообщаетъ ему, что отвѣтъ еще не полученъ и, по желанію лица, даетъ ему въ руки новое порученіе съ тѣмъ, чтобы самъ отправился къ тому слѣдователю и лично просилъ его сдѣлать обыскъ. Но и само потерпѣвшее лицо не добилося толку; къ обыску слѣдователь почему то не приступилъ. Времени отъ перваго порученія прошло четыре мѣсяца, и слѣдователь наконецъ вынужденъ былъ обратиться къ прокурору о понужденіи того. Но какой же обыскъ чрезъ четыре мѣсяца?

Точно также очень часто производства залеживаются, въ ожиданіи заключеній медицинскаго департамента относительно изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ. Въ этомъ случаѣ впрочемъ слѣдователи поступаютъ различно. Одни выжидаютъ ихъ, а другіе не выжидаютъ и препровождаютъ производства безъ нихъ. Но въ сущности это все равно. Заключенія департамента получаютъ чрезъ четыре-пять мѣсяцевъ. Если слѣдователь выжидаетъ ихъ, то производства залеживаются на пять мѣсяцевъ у него въ канцеляріи. А если препровождаютъ производства безъ заключеній то чѣмъ раньше онъ препровождастъ ихъ, тѣмъ раньше они поступаютъ къ докладу въ судъ; такъ что легко можетъ случиться — и случается — что къ засѣданію заключеній и вещественныхъ доказательствъ не оказывается. А отсутствіе вещественныхъ доказательствъ на судъ ведетъ къ большимъ затрудненіямъ.

Очень часто на два, — на три мѣсяца замедляетъ передачу предварительныхъ слѣдствій требованіе предъявлять обвиняемому слѣдственное производство. Хотя 476 ст. Уст. и ограничиваетъ это предъявленіе просьбою самаго обвиняемаго, но оно сдѣлалось обязательнымъ и постояннымъ правиломъ; точно также, какъ обяза-

300

тельно для слѣдователя, по той же статьѣ, спросить въ заключеніе обвиняемаго: не желаетъ-ли онъ сказать еще что нибудь въ свое оправданіе. Не смотря на то, что обвиняемый въ теченіе всего производства слѣдствія имѣлъ десятокъ случаевъ сказать уже, что ничего не можетъ сказать въ оправданіе, прокурорскій надзоръ строго слѣдитъ за соблюденіемъ 476 ст. Вслѣдствіе сего, когда обвиняемый живетъ на свободѣ и живетъ напримѣръ, въ другой губерніи, слѣдователь долженъ препроводить производство къ тамошнему слѣдователю для надлежащаго предъявленія, а тотъ конечно исполненіемъ не спѣшитъ.

Наконецъ, къ числу причинъ, замедляющихъ производство слѣдствій, нужно отнести ожиданіе переписки о розыскѣ виновныхъ и похищенныхъ вещей. Намъ нигдѣ не случалось видѣть указаній ни порядка, въ какомъ должны производиться полицейскіе розыски, ни предѣла, когда они должны кончаться. Но положительно думаемъ, что они не должны быть производимы въ томъ порядкѣ, какъ это дѣлается теперь. Обыкновенно, въ заключеніе акта дознанія, приставъ между прочимъ постановляетъ: «а о розыскѣ виновныхъ и похищеннаго сообщить приставу такого-то стана съ тѣмъ, чтобъ онъ отъ себя сообщилъ о томъ же приставамъ другихъ становъ, а послѣдній изъ нихъ препроводилъ бы всю переписку по принадлежности, къ слѣдователю». Вслѣдъ затѣмъ, непременно на маленькомъ клочкѣ бумажки, сообщается ближайшему приставу принять мѣры къ розыску по своему стану. Этотъ, недѣли черезъ двѣ или три, пишетъ въ свою очередь слѣдующему: «по неказательству во вѣренномъ мнѣ станѣ похитителей и похищеннаго, имѣю честь переписку сію препроводить В. В—дію». Слѣдующій передаетъ, по порядку, предпоследнему, а предпоследній послѣдному. И вотъ, по истеченіи пяти-шести мѣсяцевъ, слѣдователь получаетъ клочки бумажекъ разнообразной величины, однообразнаго содержанія, — что по тщательнымъ розыскамъ ничего не оказалось. Это и есть то, что называется перепиской о розыскѣ, которую выжидалъ слѣдователь и безъ которой нельзя было дать дѣлу дальнѣйшаго движенія. Предпринимаются ли на самомъ дѣлѣ

какія-нибудь мѣры къ розыску, объ этомъ пусть скажутъ сами пристава; но хотя бы эти порученія дѣлались исключительно ради одной формальности, то и въ такомъ случаѣ благовиднѣе было бы дѣлать ихъ одновременно, а то выходитъ — изъ рукъ вонъ — плохо. Точно такая же беспорядочность и неопредѣленность и въ срокахъ доставленія переписки къ слѣдователю. По одному дѣлу онъ получаетъ ее черезъ два мѣсяца, по другому — черезъ пять и дальше, по третьему — совсѣмъ не получаетъ. Самые розыски иногда упускаются изъ виду и совсѣмъ не предпринимаются. Между тѣмъ мы не находимъ, чтобы было большимъ нарушеніемъ существующаго порядка, если бы слѣдствія препровождались всегда, не выжидая переписки о розыскѣ; когда, послѣ передачи производства, получитъ переписка о розыскѣ, съ сообщеніемъ объ открытіи виновныхъ или похищеннаго, то представленное производство требовать назадъ, какъ это и теперь дѣлается; въ противномъ же случаѣ, переписку препроводять въ дополненіе.

в) Мы сказали, что въ числѣ дѣлъ, производящихся у слѣдователя, есть дѣла о такихъ происшествіяхъ, по которымъ не слѣдовало бы совсѣмъ производить слѣдствій и по которымъ они и не повсемѣстно производятся, а гдѣ производятся, то вслѣдствіе какихъ-нибудь стороннихъ причинъ. Къ этому разряду дѣлъ мы относимъ многочисленныя слѣдствія о мертвыхъ тѣлахъ и о пожарахъ, происшедшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Ст. 11 Нак. полиціи говоритъ: «Если полиціею найдено мертвое тѣло съ признаками насильственной смерти или есть иной поводъ полагать, что смерть послѣдовала отъ противозаконнаго дѣянія, то полиція, принявъ мѣры къ сохраненію тѣла, въ томъ по возможности мѣстѣ и положеніи, въ какомъ оно найдено, приглашаетъ къ освидѣтельствуванію онаго судебного слѣдователя и уѣзднаго и городского врача. Если, по освидѣтельствуваніи, смерть будетъ признана естественною, то полиція поступаетъ по ст. 12 Нак.» А въ 12 ст. Нак. говорится: «Объ умершихъ скоропостижно, а равно о мертвыхъ тѣлахъ, найденныхъ на дорогахъ, поляхъ, лѣсахъ, при рѣкахъ или въ другихъ мѣстахъ, полиція обязана

изслѣдовать: точно ли и отчего послѣдовала внезапная смерть и если обнаружатся видимыя и несомнѣныя причины естественной смерти, то полиція дозволяетъ преданіе тѣла землѣ». Здѣсь прежде всего мы видимъ, что полиціи предоставляется право непосредственно самой, во 1-хъ, опредѣлять признаки насильственной смерти и затѣмъ уже приглашать слѣдователя и врача, во 2-хъ, заключать, на основаніи добытыхъ ею данныхъ, о естественности смерти, и предавать тѣло землѣ, не прибѣгая къ содѣйствію врача. Спрашивается, какія же средства имѣетъ полиція при этомъ для своихъ заключеній и дѣйствій? Средства, положимъ, есть. Она наприм. производитъ тщательнѣйшій наружный осмотръ тѣлу; она выясняетъ обстоятельства дѣла распросами; затѣмъ ей предоставляется полный просторъ предполагать о существованіи въ данномъ случаѣ насильственной смерти, когда есть достаточный поводъ къ такимъ предположеніямъ, или же, при отсутствіи видимыхъ и несомнѣнныхъ признаковъ насилія, заключать о естественныхъ причинахъ смерти. По нашему мнѣнію, при всѣхъ этихъ средствахъ, при всей своей проницательности, при всѣхъ предпологаемыхъ у нея медицинскихъ знаніяхъ, полиція, предоставленная здѣсь сама себѣ, очень легко можетъ ошибаться въ своихъ опредѣленіяхъ и выводахъ и погрѣшать въ дѣйствіяхъ, предпринимаемыхъ по собственному усмотрѣнію. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда по наружному осмотру на тѣлѣ оказываются десятки ранъ, и каждая въ размѣрѣ двухъ вершковъ, или же наприм. голова отдѣлена отъ туловища, тутъ нельзя сомнѣваться, чтобы полиція не нашла подобную смерть естественною. Но, согласитесь сами, что не всегда же признаками насильственной смерти бываютъ только раны, да проломы, и вообще видимые знаки, — часто этими признаками бываютъ такія явленія, для опредѣленія свойства и происхожденія которыхъ нуженъ уже специалистъ, а никакъ не становой или надзиратель. Случается также, что наружныхъ признаковъ, при существованіи насильственной смерти, совсѣмъ не бываетъ, такъ что, для заключенія о причинѣ смерти въ данномъ случаѣ, недостаточно уже одного наружнаго

осмотра, а необходимо вскрытіе тѣла. Съ другой стороны, становые и надзиратели, обладая знаніями въ медицинѣ на столько же, на сколько и знаніями вообще, очень часто могутъ принимать за признаки насильственной смерти такія явленія и знаки на тѣлѣ, которые, при изслѣдованіи ихъ специалистомъ, оказались бы со-всѣмъ другаго свойства и происхожденія. Отсюда два опасенія: необязанная приглашать врача къ освидѣтельствуванію мертвыхъ тѣлъ, а сама предварительно рѣшая вопросъ, кто и отчего умеръ, полиція очень легко поэтому можетъ или предавать землѣ тѣла лицъ, умершихъ насильственной смертію, или же возбуждать слѣдствія о тѣлахъ лицъ, умершихъ скоропостижно, т. е. безъ всякаго насилія.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что предоставленное полиціи право, по собственному усмотрѣнію, возбуждать и не возбуждать слѣдствія во всѣхъ случаяхъ мертвыхъ тѣлъ, во избѣжаніе ошибочныхъ ея выводовъ и дѣйствій, слѣдовало бы поставить на болѣе крѣпкую почву. А этого, по нашему мнѣнію, можно достигнуть включеніемъ въ акты полицейскихъ дознаній обязательнаго освидѣтельствванія тѣлъ чрезъ медицинскія осмотры, что отнесено исключительно къ дѣйствіямъ судебныхъ слѣдователей. При такомъ порядкѣ, очень часто все дѣло могло бы кончатся дознаніями и не было бы слѣдствій, производимыхъ по ошибкамъ и недоразумѣніямъ полиціи.

Помимо указанныхъ нами опасеній, заявляющихъ о необходимости медицинскихъ освидѣтельствваній тѣлъ скорѣе при дознаніяхъ, чѣмъ при слѣдствіяхъ, этого же требуетъ, какъ намъ кажется, и самое существо дознаній. Существо дознаній довольно ясно опредѣляется 253 ст. Уст. Уг. Суд. и именно тѣмъ, что полиція во всѣхъ случаяхъ обязана дознавать: действительно ли случилось происшествіе и точно ли въ немъ заключаются признаки преступленія или проступка? Эти обстоятельства она должна разъяснить во всякомъ случаѣ раньше сообщенія о событіи слѣдователю и, только въ случаѣ преступности дѣянія, передавать дознаніе слѣдователю. Такимъ образомъ, дознаніе имѣетъ дѣло во-

обще съ происшествіями, будутъ ли они съ характеромъ преступленія или безъ этого. Предметомъ же предварительныхъ слѣдствій исключительно должны быть преступныя дѣянія. Слѣдствія должны вести къ тому, чтобы обнаружить, кто былъ виновникомъ преступнаго дѣянія, а также представить доказательства къ его обвиненію или оправданію. Теперь, примѣняя это воззрѣніе къ случаямъ мертвыхъ тѣлъ и имѣя въ виду, что полиція не обязана при дознаніи свидѣтельствовать мертвыя тѣла чрезъ врачей, мы находимъ, что безъ этого освидѣтельствованія она во многихъ случаяхъ не имѣетъ всѣхъ средствъ опредѣлить причину смерти и, стало быть, того, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ заключаются признаки преступнаго дѣянія, не дѣлая этого на-угадъ. Вопросъ о томъ, что представляетъ данный случай, простое ли происшествіе или преступное дѣяніе? — можетъ быть рѣшенъ самой полиціей только тогда, когда, какъ мы сказали, достаточно для этого одного наружнаго осмотра или же другихъ обстоятельствъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ существованіи насильственной смерти. Между тѣмъ какъ, въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, гдѣ къ заключенію о насильственной смерти можно придти только чрезъ медицинское освидѣтельствованіе, правильное рѣшеніе этого вопроса со стороны полиціи еще сомнительно и заключеніе ея о существованіи или отсутствіи признаковъ насильственной смерти можетъ быть ошибочно. Здѣсь дознаніе, по нашему мнѣнію, останавливается на половинѣ и полиція еще не кончила своего дѣла совѣмъ. Поэтому, передавая дознаніе слѣдователю, неразъяснивъ еще съ достовѣрностію о чемъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, о происшествіи или преступленіи, полиція предоставляетъ въ этомъ случаѣ рѣшить свой вопросъ слѣдствію. И слѣдователю предстоитъ здѣсь приступить не къ слѣдствію прямо, а предварительно къ окончанію дознанія. Прежде чѣмъ приступить къ собранію уликъ и доказательствъ, указывающихъ на виновныхъ въ преступномъ дѣяніи, онъ долженъ еще привести въ извѣстность, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ заключаются признаки преступнаго дѣянія, — это онъ и дознаетъ, приступая къ медицинскому осмотру тѣла. Здѣсь

а равно и при допросахъ, слѣдователя занимаетъ вопросъ—не кто виноватъ, а прежде всего и главнымъ образомъ—отчего въ данномъ случаѣ послѣдовала смерть? Выяснивши предварительно эти обстоятельства, слѣдователь затѣмъ во всякомъ случаѣ продолжаетъ производство, подтвердились ли заключенія полиціи или нѣтъ. Если въ первомъ случаѣ мы видѣли только, что дознаніе не выполняетъ своей задачи, предоставляя рѣшить ее слѣдствію, то въ послѣднемъ случаѣ мы находимъ уже измѣненіе существа самихъ слѣдствій, отчего они являются съ исключительнымъ характеромъ полицейскихъ дознаній. Съ такимъ характеромъ являются, на примѣръ, слѣдствія о мертвыхъ тѣлахъ лицъ неизвѣстнаго званія. Слѣдствія по такимъ тѣламъ возбуждаются полиціей безусловно, представляются ли при этомъ какіе нибудь признаки насильственной смерти или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ содержаніемъ слѣдствій, кромѣ дознанія о преступности дѣянія, должно быть развѣданіе о томъ, кто былъ умершій, собраніе, стало быть, свѣдѣній и справокъ въ формѣ только слѣдственныхъ протоколовъ. Судите же, насколько близокъ предметъ этотъ къ существу и задачѣ слѣдствій! Не есть ли это напротивъ прямое дѣло дознанія и полицейскихъ розысковъ? Точно такой же характеръ носятъ на себѣ слѣдствія о тѣлахъ лицъ, раздавленныхъ машинами, въ случаяхъ, когда дознаніемъ раскрыто, что лицо раздавлено случайно, по собственной неосторожности. Производить слѣдствія въ этихъ случаяхъ значитъ или подозрѣвать полицію въ незнаніи своего дѣла, или въ неблагонамѣренности, и такимъ образомъ находить нужнымъ повѣрять ея дѣйствія, или же считать особенно важнымъ облекать въ формальность то, что добыто дознаніемъ. Предмета же собственно для слѣдствія подобные случаи не представляютъ.

Кромѣ того, отсутствіе при дознаніи медицинскаго освидѣтельствованія тѣлъ, влекущее ошибочное возбужденіе дѣлъ, легко объясняется и существованіе умышеннаго возбужденія ихъ со стороны полиціи изъ одного опасенія, какъ бы не попасть въ просакъ и не подвергнуться ответственности. Есть, на примѣръ, у пристава въ станѣ двѣ-три деревеньки, извѣстныя ему за гнѣзда и прито-

ны воровъ и всякаго рода мошенниковъ, — и онъ, повѣрьте, ни за что не рѣшится самъ предать землѣ тѣло, найденное въ окрестностяхъ этихъ мѣстечекъ, хотя бы существовали все видимыя и несомнѣнныя причины естественной смерти. Тутъ онъ ни за что не рѣшится поступить по своему усмотрѣнію, и находить лучше прибѣгнуть къ легонькому обману, чтобы передать тѣло на руки и заботы слѣдователя. Сообщая слѣдователю о находкѣ, онъ всегда въ этихъ случаяхъ непременно добавитъ, что тѣло оказалось съ признаками насильственной смерти. Будь на этотъ разъ, при дознаніи, освидѣтельствованіе чрезъ врача, не было бы опасности тогда предать тѣло землѣ и не было бы необходимости прибѣгать къ обману. Слѣдователь и врачъ спѣшатъ къ мѣсту и здѣсь оказывается часто, что найденныя на тѣлѣ явленія — ни болѣе ни менѣе какъ болячки или царапины въ размѣрѣ волоса, такъ что для открытія ихъ требовалось очень усиленное зрѣніе. Но для слѣдователя во всехъ подобныхъ случаяхъ дѣло никогда не кончается наружными осмотрами тѣлѣ, чтобы, на основаніи только ихъ, представить дѣло согласно 309 ст. Уст. Онъ дѣлаетъ кромѣ того вскрытіе тѣла, допрашиваетъ многихъ лицъ, словомъ доводитъ дѣло до того пункта, когда онъ можетъ представить его согласно 277 ст. Уст., на что, разумѣется, тратится болѣе или менѣе продолжительное количество времени; одни отъ отысканія живннвод вдою

Случаи, подобные приведенному, конечно исключительные, но вмѣстѣ съ другими они важны въ томъ отношеніи, что своимъ существованіемъ указываютъ на необходимость включенія въ акты дознанія актовъ медицинскихъ осмотровъ, во избѣжаніе, съ одной стороны, безнаказанности преступныхъ дѣяній, а съ другой — ошибочныхъ и случайныхъ возбужденій дѣлъ. Безъ этого очень естественно, что болѣе смѣлый и рѣшительный приставъ очень часто, не возбуждая слѣдствія, предастъ землѣ такое тѣло, которое, при тѣхъ же обстоятельствахъ, не предастъ безъ слѣдствія менѣе рѣшительный. Точно также, при недостаточности точныхъ опредѣленій, одни слѣдователи приступаютъ къ слѣдствію по такимъ дѣламъ, другіе — нѣтъ; одни представляютъ ихъ на основаніи 277 ст.,

другіе представляютъ какъ оконченныя. Вообще же не видно единства въ дѣйствіяхъ.

То, что сказано было о производствахъ о мертвыхъ тѣлахъ, нѣкоторымъ образомъ относится и къ многочисленнымъ производствамъ о пожарахъ, происшедшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ. Обращаясь къ Уложенію о нак., къ отдѣлу, гдѣ говорится объ истребленіи и поврежденіи чужаго имущества, мы видимъ, что на первомъ планѣ стоитъ зажигательство; затѣмъ предусматриваются всѣ случаи пожаровъ, происшедшихъ отъ поджоговъ. Переходя затѣмъ къ Уставу о наказ. налаг. мир. суд., въ отдѣлѣ его о нарушеніяхъ Устава пожарнаго мы находимъ случаи пожаровъ, происшедшихъ отъ разнаго рода неосторожности и отъ дѣяній, хотя и не преступныхъ но наказуемыхъ. Между тѣмъ, ни въ Уложеніи, ни въ Уставѣ нѣтъ и помину о пожарахъ, происшедшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ. Изъ этого можно было бы вывести, что законодательство или упустило ихъ совсѣмъ изъ виду, или же отнесло ихъ къ разряду происшествій, не преслѣдуемыхъ закономъ. Какъ бы то ни было, практика взяла рѣшеніе этого вопроса на себя. Она обратила на эти случаи вниманіе, указала ихъ значеніе, опредѣлила ихъ исключительную подсудность, дала трудную по нимъ работу слѣдователямъ и отвела для производствъ мѣсто въ архивѣ.

Намъ кажется, что возбуждать слѣдствія о пожарахъ, происшедшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ, значить не только надо предполагать, но и прямо думать, что всѣ такіе пожары непременно происходятъ только отъ поджоговъ. Другаго предположенія здѣсь и быть не можетъ. Коль скоро мы допустимъ другое предположеніе, то необходимо будетъ принять и то, чтобы вся масса этихъ дѣлъ дѣлилась между слѣдователями и мировыми судьями, такъ какъ въ этихъ неизвѣстныхъ причинахъ одинаково возможно и также основательно предполагать скрытую неосторожность и т. п. Но это было бы неудобно въ томъ отношеніи, что тогда подсудность этихъ дѣлъ опредѣлялась бы не свойствомъ ихъ, а десятками, пятками, численностію, и, по силѣ 250 и 251 ст., распределение

какія, кому и сколько, зависѣло бы отъ того какъ вздумается полиціи. Если же возбуждать слѣдствія о пожарахъ, происшедшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ, съ тою цѣлю, чтобы слѣдствіемъ было раскрыто отчего именно произошелъ пожаръ, это, по нашему мнѣнію, значитъ требовать отъ слѣдствія того, что должно составлять предметъ и задачу полицейскаго дознанія, и возлагать, стало быть, на слѣдователя обязанности и дѣйствія полицейскія, а не слѣдственные. Приступая къ такому слѣдствію, слѣдователь не знаетъ съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло, съ простымъ ли происшествіемъ или съ преступленіемъ; если съ преступленіемъ, то съ какимъ именно; здѣсь можетъ быть и поджогъ, но можетъ быть и неосторожность въ обращеніи съ огнемъ. Положимъ, что слѣдователь, производя слѣдствіе, или—вѣрнѣе сказать—дознаніе, будетъ счастливѣе пристава и ему какимъ нибудь образомъ (что положительно никогда не бываетъ) удастся развѣдать, что причиною пожара была одна изъ указанныхъ въ Уставѣ о нак. нал. мир. суд. Что тогда? Послѣдовательность требовала бы препровождать и эти производства чрезъ прокурорскій надзоръ по общему порядку всѣхъ слѣдствій, производящихся слѣдователемъ. Но этого сдѣлать нельзя. Слѣдователь долженъ передать это производство мировому судѣ. Спрашивается, какую же роль и какія обязанности пришлось выполнить въ этомъ дѣлѣ слѣдователю и какой характеръ должны имѣть при этомъ слѣдственные производства? Если законодательство признало нужнымъ опредѣлить существо дознаній и слѣдствій и установить, сообразно этому, предѣлы дѣйствій и обязанностей полиціи и слѣдователей, то слѣдовало бы и на практикѣ избѣгать уклоненій и смѣшеній.

Между тѣмъ подобныя уклоненія слѣдствій отъ своего существа, несоставляя въ юридическомъ быту ни нарушенія, ни упущенія, и не принося собственно для дѣла вреда, остаются незамѣченными, вслѣдствіе чего ничто не мѣшаетъ производствамъ о пожарахъ отъ неизвѣстныхъ причинъ существовать съ характеромъ полицейскихъ дознаній.

Къ тому же надобно сказать, что производства даже въ случаѣ дѣйствительныхъ поджоговъ имѣють тогда только удачный исходъ, когда обвиняемый взятъ на мѣстѣ преступленія; въ другихъ случаяхъ уже нельзя ручаться за успѣхъ производства, тѣмъ менѣе можно ожидать какихъ нибудь результатовъ отъ разсматриваемыхъ нами производствъ. Эти слѣдствія производятся, неизвѣстныя причины такъ и остаются неизвѣстными, и дѣло кончается тѣмъ, что одни слѣдователи представляютъ производства на прекращеніе, согласно 247 ст. Уст., другіе же представляютъ ихъ вполне оконченными, вслѣдствіе предложеній о томъ лицъ прокурорскаго надзора. Представьте же весь трудъ, который очень часто предстоитъ слѣдователю, при изслѣдованіи о пожарахъ, когда отъ неизвѣстныхъ причинъ горитъ наприм. половина деревни или села и требуется спросить при этомъ всѣхъ потерпѣвшихъ лицъ. И надо тому быть, чтобъ этотъ разрядъ дѣлъ былъ къ тому же однимъ изъ многочисленныхъ!

Съ своей стороны мы не даемъ такого значенія дѣламъ о пожарахъ, происшедшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ, какое они получили съ возбужденіемъ по нимъ слѣдствій. Кромѣ высказанныхъ нами соображеній противъ производства этихъ дѣлъ, мы имѣемъ еще высказать наши подозрѣнія относительно происхожденія неизвѣстныхъ причинъ. Намъ кажется, что за немногими развѣ исключеніями, къ ссылкамъ на неизвѣстность причинъ пожаровъ прибѣгаютъ совершенно умышленно, и что настоящія, дѣйствительныя причины пожаровъ скрываются по необходимости. Къ этому, по нашему мнѣнію, есть очень настоятельныя побужденія для потерпѣвшихъ лицъ. Судите сами. Загорается наприм. домъ, вслѣдствіе, положимъ, неосторожнаго обращенія хозяина съ огнемъ. Ему очень хорошо извѣстно, что открой онъ о неосторожности своей полиціи, — мало того, что у него сгорѣлъ домъ, его оштрафуетъ еще судья. При томъ же, и въ неосторожности-то надо признаться умѣючи, а то, чего добраго, съ неосторожности, пожалуй, подведутъ на поджогъ, — тогда и домъ прощай, да и самъ выпутывайся. Сказать неправду, что домъ подожгли, — у него не

хватаетъ духу оклеветать когонибудь. И вотъ остается ему одно: сослаться на неизвѣстность причины, а за неизвѣстную причину, какъ ему извѣстно, онъ ничѣмъ не отвѣчаетъ. Скрыть же отъ полиціи и слѣдователя настоящую причину пожара ему не представляется никакой трудности, такъ какъ единственнымъ свидѣтелемъ его неосторожности былъ самъ же онъ. А слѣдователю и полиціи, напротивъ, нѣтъ никакой возможности открыть по обгорѣлымъ развалинамъ пожара тайну его происхожденія, будь онъ краснорѣчивѣе мертваго тѣла (съ чѣмъ угодно было сравнить ихъ кому то изъ лицъ, особенно настаивавшихъ на возбужденіи дѣлъ по такимъ пожарамъ).

Съ другой стороны тамъ, гдѣ существуетъ дѣйствительный поджогъ, мы лично убѣждались, какъ пострадавшія лица сами стараются открывать и указывать виновныхъ, чѣмъ много помогали слѣдователю. Родной выдаетъ роднаго, товарищъ—товарища, сосѣдъ—сосѣда, и виновный выплываетъ наружу.

Имѣя такой взглядъ на происхожденіе, если не всѣхъ дѣлъ о пожарахъ съ неизвѣстными причинами, то по крайней мѣрѣ половины ихъ, мы приходимъ къ такому заключенію: слѣдовало бы или не подвергать отвѣтственности и за неосторожныя причины пожаровъ, чтобы тѣмъ уничтожить побужденія ссылаться на неизвѣстныя причины, или же на оборотъ, одинаково подвергнуть той же отвѣтственности и за причины неизвѣстныя, чтобы не было особенныхъ поводовъ скрывать дѣйствительныя причины пожаровъ. Одины уже тотъ результатъ, что при этой мѣрѣ должна уменьшиться масса дѣлъ у слѣдователей, будетъ очень благотеленъ. А этотъ результатъ, по нашему мнѣнію, прямой.

г) Наконецъ, мы сказали, что въ числѣ производствъ у слѣдователя есть еще категорія по такимъ преступленіямъ, которыя, по нашему мнѣнію, безъ всякаго ущерба правосудію могли быть отнесены къ вѣдомству мировыхъ учреждений.

Къ этой категоріи мы относимъ, во первыхъ: производства о самоубійствахъ и о покушеніяхъ на нихъ и притомъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда дознаніемъ разъяснится, что тѣ и другія

не были соединены съ обстоятельствами, указанными въ 1475 и 1476 ст. Ул. Намъ случилось встрѣтить два три производства въ этомъ родѣ, которыя были направлены слѣдователемъ прямо отъ себя на распоряженіе духовнаго начальства. Но вслѣдствіе, какъ намъ объяснили, требованія прокурорскаго надзора, такой порядокъ былъ уничтоженъ. Съ того времени и такія дѣла были, въ рядъ съ другими, представляемы по общему порядку. Мы же съ своей стороны указываемъ на возможность совсѣмъ изъять подобныя преступленія изъ вѣдомства общихъ судебныхъ мѣстъ и передать ихъ въ вѣдомство мировыхъ учреждений. По 1472 ст. Улож. самоубійца, если онъ христіанинъ, лишается церковнаго погребенія и сверхъ того всѣ предсмертныя его распоряженія считаются ничтожными; а покушеніе на самоубійство, согласно 1473 ст. Ул., влечетъ за собою преданіе христіанина, погушавшагося на самоубійство, церковному покаянію. Вотъ какой приговоръ ожидается виновныхъ. Намъ кажется, что такой конецъ всѣхъ этихъ дѣлъ, всегда одинаковый и всегда предвидимый, не оправдываетъ тѣхъ средствъ и трудовъ, которые предпринимаются для изслѣдованія подобныхъ преступленій. Ужели для такого приговора надъ самоубійцами, какъ лишеніе ихъ церковнаго погребенія, никогда не произносимаго и существующаго уже по обычаю, нужна непременно такая сложная процедура? И почему считается невозможнымъ предоставить упомянутые случаи покушеній на самоубійства разбирательству мировыхъ судей, съ тѣмъ чтобы они точно также производства свои представляли на распоряженіе духовнаго начальства?

Во 2-хъ, къ этой же категоріи мы относимъ всѣ преступленія, совершаемыя малолѣтними такого возраста, который по закону, служить для нихъ обстоятельствомъ уменьшающимъ вину и наказаніе. По 137 ст. Ул. о нак. дѣти, коимъ болѣе семи, но менѣе десяти лѣтъ, не подвергаются опредѣленному въ законахъ наказанію, но отдаются родителямъ и родственникамъ для домашняго исправленія, и только. Опять спрашиваемъ: ужели мировой судъ разобравъ дѣло, не можетъ точно также не подвергать малолѣтнихъ опредѣленному въ законахъ наказанію и отдавать ихъ родителямъ

и родственникамъ для должнаго исправленія. Мы думаемъ, что при той близости, въ какой предназначенъ быть и въ какую уже поставленъ у насъ мировой судья къ обществу, разбирательство такихъ преступленій мировыми судьями болѣе соотвѣствовало бы характеру мировыхъ учреждений, и очень можетъ быть давало бы лучшіе результаты, чѣмъ какіе получаютъ теперь. Мировой судья, разобравъ дѣло и отдавая дѣтей преступниковъ на исправленіе родителямъ, во всякомъ случаѣ имѣлъ бы возможность и случаи наблюдать больше за мѣрами, принятыми къ воспитанію и слѣдить за результатами исправленія. Между тѣмъ какъ теперь дѣти преступники отдаются на исправленіе, — а кто вздумаетъ справиться, какъ оно идетъ?

87. Однако же, повидимому страшно, какъ это предоставить разбирательству мировыхъ судей такія преступленія, какъ напр. убійства, хоть бы они совершены были и дѣтьми отъ 7 до 10 лѣтъ. Правда; но это только повидимому. Обращаясь къ теоретической сторонѣ вопроса, мы находимъ, что вообще подсудность преступленій общимъ судебнымъ мѣстамъ, въ различіе отъ подсудности ихъ мировымъ учреждениямъ, опредѣляется двумя, равными по своему значенію, элементами: во первыхъ, важноію преступленій самихъ по себѣ, и во вторыхъ —тяжестію наказанія. Вслѣдствіе чего, какъ въ интересѣ правосудія, такъ и для гарантіи подсудимаго, является необходимымъ для важныхъ преступленій, влекущихъ за собою тяжкія наказанія, такой сложный процессъ, какимъ и представляются предварительное и судебное слѣдствія. Въ данномъ случаѣ, какъ убійства, совершаемыя малолѣтними, мы видимъ только одинъ элементъ, — важность преступнаго дѣянія, другой же элементъ, именно наказаніе, представляется относительно ничтожнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что гарантія предлагаемая дѣтямъ преступникамъ въ процессѣ окружныхъ судовъ оказывается ненееобходимую, такъ какъ, по силѣ самаго закона, они не подвергаются опредѣленнымъ въ немъ наказаніямъ. Стало быть, если эти преступленія удерживаются за окружными судами, то единственно по существованію въ нихъ другаго элемента, —

важности преступленія, что преслѣдуется въ интересѣ самаго закона. Коль скоро же весь вопросъ въ данномъ случаѣ сводится на интересы закона и коль скоро мы признаемъ, что быстрота или медленность процесса должны точно также составлять интересъ закона, то, при столкновеніи въ настоящее время между этими интересами, предстоитъ рѣшить, какому изъ нихъ дать преимущество въ важности.

Въ 3-хъ, намъ кажется, что не было бы опасенія передать вѣдомству мировыхъ судей преступленія, которыя, на основаніи законовъ, не иначе могутъ подлежать вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда, какъ только вслѣдствіе жалобъ частныхъ лицъ, и которыя могутъ прекращаться, въ случаѣ примиренія сторонъ. По 35 ст. Уст. Уг. Суд., сверхъ дѣлъ, предоставленныхъ разбирательству Мировыхъ судей, по роду опредѣленныхъ за преступныя дѣйствія наказаній, вѣдомству ихъ подлежатъ, собственно для склоненія сторонъ къ миру, дѣла, которыя хотя и влекутъ за собою наказанія болѣе строгія, но по закону не иначе начинаются, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ вредъ или убытокъ, и могутъ быть прекращаемы примиреніемъ. Изъ этого мы видимъ, что преступленія эти и теперь не имѣютъ опредѣленной, исключительной подсудности, какая существуетъ для другихъ преступленій. Законодательство, не исключая ихъ совсѣмъ изъ вѣдомства общихъ судебныхъ мѣстъ, въ то же время устанавливаетъ, что они могутъ быть отправляемы къ мировымъ судьямъ, правда, — не для разбирательства, а для склоненія только сторонъ къ миру. Когда примиреніе состоится, дѣло прекращается въ мировомъ судѣ, и только подъ условіемъ примиренія оно поступаетъ въ окружной судъ. Но и здѣсь затѣмъ возможность примиренія и прекращенія дѣла сохраняется до приговора. За отсутствіемъ въ Уставѣ опредѣленій, куда именно въ этихъ случаяхъ должны поступать частныя жалобы: прямо ли къ мировому судѣ или же къ слѣдователю, на практикѣ не мало представляется затрудненій. Затрудненія эти, надобно сказать, выпадаютъ всегда на долю слѣдователей, на томъ основаніи, что полиція, находя эти преступныя дѣянія предусмотрѣнными въ Улож.

а не въ Уст. о Наказ. направляеть частныя жалобы всегда къ слѣдователю. Слѣдователь производитъ по нимъ слѣдствіе и, разяснивъ обстоятельства дѣла, часто препровождаетъ производства, согласно 35 ст. Уст. Угол. Суд. къ мировому судѣ, а часто, заключая слѣдствіе, передаетъ его прокурорскому надзору, отъ котораго дѣло снова возвращается слѣдователю, для направленія его, согласно той же 35 ст. Уст. Но дѣло этимъ иногда не кончается: удастся мировому судѣ склонить стороны къ миру, — конецъ дѣлу; не удастся, — оно передается обратно. Почему же бы, во избежаніе такихъ практическихъ неудобствъ и затрудненій, совсѣмъ не предоставить подобныя дѣла разбирательству самихъ мировыхъ судей? Какая предстоитъ опасность отъ того, что мировой судья долженъ будетъ въ этихъ случаяхъ налагать наказанія не по Уставу, а по Улож. о наказ.? Окружныя суды налагаютъ же въ некоторыхъ случаяхъ наказанія не по Улож., а по Уст. о наказ. Если мы не видимъ, чтобы это обстоятельство сколько нибудь умаляло ихъ значеніе и достоинство, то также положительно не доумываемъ, какія опасныя послѣдствія могутъ произойти для нашего отечества, если значеніе и достоинство мировыхъ учреждений увеличатся съ расширеніемъ ихъ власти на подобныя преступленія. Затѣмъ обратите вниманіе, съ какими преступленіями, при настоящемъ порядкѣ, приходится имѣть дѣло окружнымъ судамъ. Помнится, въ производствѣ у слѣдователя было однажды дѣло: со покушеніемъ №№ на отравленіе лошади, принадлежащей N N (№). Наконецъ, изъятіе, установленное 157 ст. Улож. о наказ. для некоторыхъ изъ этой категоріи преступленій, возможности прекращаться примиреніемъ сторонъ, пусть будетъ изъятіемъ ихъ изъ вѣдомства мировыхъ судей; тогда останется самый ограниченный кругъ и притомъ неособенно важныхъ преступленій для подсудности мировымъ учреждениямъ.

Въ 4-хъ, наконецъ, мы имѣемъ, можно сказать, дерзновеніе говорить о возможности передать въ вѣдомство мировыхъ учреждений

По 1644 ст. Улож. о наказ.

ний такихъ преступлений, какъ напримѣръ кражи со взломомъ и т. п., предусмотрѣныя въ Улож. о нак. Не выходя изъ предѣловъ возможности, мы хотимъ сказать, чтобы подсудность этихъ преступлений для мировыхъ судей ограничивалась тою же цифрою стоимости похищеннаго, какъ и простыя кражи. Известно, что въ настоящее время мировымъ судьямъ подсудны лишь такъ называемыя кражи простыя, безъ взломовъ, и притомъ не превышающія по стоимости похищеннаго 300 рублей. Съ этой цифры начинаются болѣе строгія наказанія, вслѣдствіе чего, а не сами по себѣ, онѣ становятся важными и вслѣдствіе чего, для гарантіи правосудія, является необходимость для нихъ въ такомъ сложномъ процессѣ, какимъ представляется предварительное и судебное слѣдствіе. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что и самый процессъ у мировыхъ судей, такъ сказать скроенъ по этой мѣркѣ, что, самъ по себѣ, онъ оказывается далеко неудовлетворительнымъ и недостаточнымъ для гарантіи правосудія. Но этого, какъ намъ кажется, допустить нельзя на томъ основаніи, что странно было бы допустить, чтобы, признанное достаточнымъ для рѣшенія дѣлъ о кражахъ на сумму 300 рублей, разбирательство мировыхъ судей вдругъ оказалось неудовлетворительнымъ для гарантіи правосудія, при рѣшеніи дѣлъ о кражахъ на сумму напримѣръ 350 р. Обстоятельства дѣла при этомъ не усложняются нисколько; стало быть, признавая разбирательство достаточнымъ для выясненія и этихъ обстоятельствъ, остается уже отказать мировымъ судьямъ лишь въ умѣнши, на основаніи этихъ обстоятельствъ, примѣнить въ своихъ приговорахъ наказаніе, опредѣленное не Уставомъ, а Уложеніемъ. Въ кражахъ со взломомъ мы видимъ только ту особенность передъ простыми кражами, изъятами изъ вѣдомства мировыхъ судей, что при разбирательствѣ должно быть принято на обсужденіе новое обстоятельство, это именно взломъ; основаніемъ же ихъ изъятія и исключительной подсудности окружнымъ судамъ служить также строгость наказаній. Какъ тамъ, такъ и здѣсь признается болѣе гарантирующимъ правосудіе процессъ окружныхъ

судовъ, когда въ то же время нельзя отрицать той же гарантіи въ разбирательствѣ мировыхъ судей.

Кромѣ того извѣстно, что кражи со взломомъ исключительно подсудны окружнымъ судамъ, — все равно, будетъ ли похищено что нибудь, или нѣтъ. Здѣсь, конечно, есть мѣсто еще вопросу о несообразности наказанія, но мы его не будемъ касаться. Намъ кажется, что и при строгости наказанія и важности, которую, вслѣдствіе этого получаютъ самыя мелкія кражи со взломомъ, дѣла по нимъ въ окружныхъ судахъ все таки слывуть подъ именами дѣлъ не интересныхъ и пустыхъ. Между тѣмъ какъ, составивъ самый высшій разрядъ изъ преступленій, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ, преступленія эти могли бы получить свое настоящее значеніе. Затѣмъ, исключительная подсудность кражъ со взломомъ окружнымъ судамъ, безъ отношенія къ стоимости похищеннаго, ведетъ къ тому, что, обнимая собою и кражи до 300 р. очень часто ставитъ судъ въ необходимость примѣнять наказаніе не по Уложенію, а по Уставу о нак., когда, напримѣръ, на судебномъ засѣданіи отрицается взломъ. Наконецъ, какъ ни подробно перечислены въ законѣ виды кражъ со взломомъ, однакожь онъ не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ случаевъ, какіе представляются на практикѣ. Вслѣдствіе чего, является полный просторъ личному толкованію ихъ, и коль скоро дѣло касается кражи, превышающей 300 р. сер., отсутствіе на этотъ разъ указаній въ законѣ толкуется въ смыслѣ передачи дѣла разбирательству мировыхъ судей, и тамъ свободно рѣшаются, не возбуждая опасеній за правосудіе. Такъ, между прочимъ, на практикѣ созданы и существуетъ видъ кражи посредствомъ какого-то «легкаго доступа»; это не то, что кража со взломомъ и не то, что простая кража, а что то такое среднее, что и предоставляется на разбирательство мирового судьи. Въ этотъ мы не можемъ не видѣть, что сама практика какъ будто противъ исключительной подсудности этихъ преступленій.

Въ довершеніе всего, пусть приговоры мировыхъ судей по этимъ дѣламъ никогда не будутъ окончательными, пусть на съ-

ѣздахъ вмѣстѣ съ обвиненіемъ существуетъ обязательная защита, пусть, наконецъ, дѣло, если надобно, поступаетъ въ слѣдующую инстанцію; при такой обстановкѣ процесса уже трудно опасаться и за безнаказанность и за несправедливые приговоры.

Вотъ преступленія, которыя, въ виду достиженія практическихъ цѣлей, могли бы быть отнесены къ вѣдомству мировыхъ учреждений, въ облегченіе слѣдователей и судовъ отъ лишняго бремени. Указывая на нихъ, мы хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ представить образцы для изытія и другихъ немаловажныхъ преступленій. Если и должны послѣдовать возраженія противъ изытія ихъ, то болѣе основательныхъ возраженій мы ждемъ со стороны практической, а не съ теоретической. Возраженіе можетъ состоять въ томъ, что облегчая окружные суды и слѣдователей, мы въ то же время обременимъ мировыхъ судей, которые и безъ того считаютъ у себя дѣла тысячами. Это совершенно справедливо. Но для устранения этого, будетъ полезнымъ воспользоваться учрежденіемъ и порядкомъ, существующимъ въ окружныхъ судахъ. При окружныхъ судахъ состоятъ кандидаты на судебныя должности, которымъ судъ, въ случаѣ накопленія дѣлъ у слѣдователей, поручаетъ производить слѣдствія. Подобно этому при мировыхъ сѣздахъ могутъ быть кандидаты на должности мировыхъ судей, состоящіе изъ тѣхъ лицъ, которые желаютъ баллотироваться при новыхъ выборахъ. Мировые судьи, въ случаѣ большого скопленія дѣлъ, будутъ представлять излишекъ въ мировые сѣзды, а сѣзды въ этомъ случаѣ поручать ихъ разбирательству кандидатамъ. Такой порядокъ былъ бы полезенъ во многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, для лицъ, имѣющихъ быть мировыми судьями, это было бы предварительной практикой для ихъ послѣдующей дѣятельности, а съ другой стороны, при выборахъ изъ нихъ въ мировые судьи, имѣлись бы основательныя уже данныя для сужденія о качествахъ и достоинствахъ того или другаго избираемаго лица, чѣмъ существуютъ теперь. Вопросъ о вознагражденіи въ этомъ случаѣ не можетъ стѣснять. Оно можетъ быть, но можетъ и не быть. Лица, имѣющія быть мировыми судьями обяза-

ны имѣть цензъ, стало быть, собственныя средства этихъ лицъ, позволять имъ принять на себя трудъ общающій имъ впереди постъ мирового судьи. Притомъ не всѣ же изъ этихъ желающихъ смотрять на эту должность, какъ на ремесло, приносящее доходъ. Наконецъ, къ участию въ общемъ трудѣ можно будетъ приглашать почетныхъ мировыхъ судей.

III. Наконецъ, обращаясь къ Уставу Уг. Суд., мы хотимъ указать на тѣ затрудненія и неудобства, которыя вытекають или изъ примѣненія нѣкоторыхъ статей его, или же изъ отсутствія въ немъ опредѣленій. Въ первомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе такъ называемое дознаніе чрезъ окольныхъ людей. Самъ Уставъ ограничиваетъ его необходимостью нѣкоторыми только случаями, а слѣдователи прибѣгаютъ къ нему и того рѣже. При своей многосложности, обрядъ этотъ съ одной стороны не можетъ примѣняться вездѣ одинаково удобно. Въ деревняхъ, селахъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ каждый знаетъ всѣхъ и всѣ знаютъ cadaго, легко разумѣется ожидать, что вамъ сообщать о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни того или другаго лица, между тѣмъ въ губернскихъ городахъ это уже не такъ легко, а въ столицахъ положительно невозможно. Здѣсь надобно быть слишкомъ замѣчательнымъ человѣкомъ, чтобъ обо мнѣ зналъ тотъ или другой сосѣдь, которые помѣщаются хоть въ смежной съ моею квартирѣ. Съ другой стороны, обрядъ этотъ очень часто и не даетъ, для разъясненія дѣла, ожидаемыхъ результатовъ. Намъ кажется, что правдоподобныхъ отзывать о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни того или другаго обвиняемаго можно было бы ожидать въ тѣхъ случаяхъ, когда самое преступленіе, въ которомъ лицо подозрѣвается, касается общества, къ которому то лицо принадлежитъ, наприм. поджоги. Но едва ли въ этомъ случаѣ обвиняемый вздумаетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ ссылаться на мѣстныхъ жителей, зная очень хорошо, что мѣстныя жители возбуждены противъ него, и не скажутъ о немъ ничего хорошаго. Если же самъ слѣдователь, помимо желанія обвиняемаго, найдетъ бы нужнымъ допросить о томъ же мѣстныхъ жителей, то данныя

ими свѣдѣнія едва ли могутъ быть въ этомъ случаѣ непристрастными и непреувеличенными. Напротивъ, когда преступленіе касалось не того общества, то обвиняемый тѣмъ охотнѣе ссылается на мѣстныхъ жителей, что тамъ ему всѣ друзья-пріатели, что кромѣ хорошаго о немъ никто ничего не скажетъ, особливо если до вопроса о немъ предупредительно родственники его или самъ онъ успѣетъ задобрить и заслужить расположеніе своихъ односельцевъ какимъ нибудь посуломъ. Судите сами послѣ этого, какія же данныя въ томъ и другомъ случаѣ можетъ получить слѣдователь при допросѣ чрезъ окольныхъ людей.

Ужъ если такъ необходимъ допросъ чрезъ окольныхъ людей, что не возможно его устранить совсѣмъ изъ слѣдственныхъ дѣйствій, то покрайней мѣрѣ, нельзя ли дать этому акту менѣе сложную форму, чѣмъ какая установлена Уставомъ. Намъ кажется, что по существу своему обстоятельства подобнаго рода, какъ свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго не могутъ быть разсматриваемы одинаково съ уликами и доказательствами за и противъ него. Такъ мы думаемъ на томъ основаніи, что улики и доказательства относятся непосредственно къ опредѣленію виновности лица въ томъ или другомъ преступленіи, тогда какъ свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни, не касаясь непосредственно виновности лица, необходимы лишь для опредѣленія качествъ и свойствъ обвиняемаго лица вообще. Между тѣмъ, при такой разности въ существѣ, собраніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, по формѣ одинаково, и даже форма допроса окольныхъ людей представляется болѣе сложною. Намъ кажется далѣе, что по существу своему, свѣдѣнія о связяхъ, занятіяхъ и образѣ жизни обвиняемаго ближе подходятъ къ свѣдѣніямъ, собираемымъ слѣдователемъ, согласно 414 ст. Уст. Уг. Суд. о званіи, заслугахъ, отличіяхъ и судимости обвиняемыхъ лицъ. Эти послѣднія свѣдѣнія собираются очень просто и безъ всякихъ формальностей. Смотря по сословію обвиняемаго, слѣдователь сносится съ волостными правленіями, ремесленными управами, думами. Точно такимъ же простымъ способомъ можно было бы собирать и свѣдѣнія о занятіяхъ, свя-

вяхъ и образъ жизни обвиняемыхъ. Пусть слѣдователи, смотря также по сословію, затребываютъ приговоры: относительно напри- мѣръ обвиняемыхъ изъ крестьянъ — мирскіе приговоры, относитель- но мѣщанъ и купцовъ — приговоры лицъ тѣхъ же сословій, тоже самое относительно обвиняемыхъ изъ дворянъ — приговоры дворянъ. Содержаніе такихъ приговоровъ должно соответствовать запросамъ слѣдователя. Въ случаѣ, когда кѣмъ нибудь будутъ указаны отно- сительно обвиняемаго обстоятельства, имѣющія какое нибудь зна- ченіе для дѣла, тогда слѣдователь можетъ допросить лицо, заявив- шее объ этомъ, въ качествѣ свидѣтеля. Это, по нашему мнѣнію, и просто и легко.

Въ томъ же отношеніи важенъ вопросъ о судебныхъ издерж- кахъ. Отнесеніе этого вопроса къ окончательнымъ дѣйствіямъ суда при исполненіи приговоровъ, рождаетъ на практикѣ большія не- удобства и затрудненія, при столкновеніи въ этомъ пунктѣ слѣ- дователя съ лицами, имѣющими по закону право на вознагражденіе. Нѣкоторые слѣдователи, во избѣжаніе той сложной формы повѣ- стокъ, какая установлена въ 378 ст. Уст. Уг. Суд. просто отно- сятся къ приставу, чтобы обязать свидѣтеля подпиской явиться къ допросу. Такое порученіе очень часто ставитъ пристава въ необходимость или самому отправиться на мѣсто жительства вызываемаго и тамъ обязать его подпиской, или же пригласить его къ себѣ въ канцелярію. Последнее, разумѣется, для пристава легче, поэтому такъ чаще и дѣлается. Можетъ быть тоже бы- ваетъ и при формальныхъ повѣсткахъ, потому что у приставовъ разсмысленныхъ немного. И вотъ, свидѣтель идетъ за нѣсколько верстъ къ приставу, чтобы дать подписку, а дня черезъ два онъ дол- женъ идти къ слѣдователю для допроса. Крестьянину потерять два дня, да притомъ въ рабочее время, какъ хотите, дорого. И мы часто слышали по этому поводу ропотъ крестьянъ, что ихъ мучаютъ, а слѣдователь часто, на спросъ ихъ, вынужденъ бываетъ увѣдомить, что ихъ еще можетъ быть вызвать въ судъ.

Правда, по 979 ст. Уст. Уг. Суд., свидѣтели могутъ получить путевыя и суточные деньги, а по 989 ст. судебные слѣдователи

обязаны вести счетъ всѣмъ судебнымъ издержкамъ по дѣлу. Какъ ни мало подобное вознагражденіе, въ сравненіи съ потерю рабочаго дня, но все же лучше, чѣмъ ничего. Но бѣда въ томъ, что слѣдователь, согласно 989 ст. Уст., можетъ записать только въ протоколъ заявленіе свидѣтеля и поселить въ немъ лишь надежду на вознагражденіе. Вознагражденіе же должно послѣдовать не раньше исполненія приговора, такъ что отъ явки свидѣтеля къ слѣдователю до полученія вознагражденія можетъ пройти годъ, два, вообще же неопредѣленное количество времени,—что, разумѣется, не можетъ утѣшить свидѣтеля.

Чтобы вообще свидѣтельство не было тяжелою обязанностію для лицъ, удобнѣе было бы предоставить и въ распоряженіе судебныхъ слѣдователей суммы, о которыхъ говорится въ 976 ст. Уст. Уг. Суд., съ тѣмъ, чтобы свидѣтели могли получать вознагражденіе вскорѣ по явкѣ ихъ къ допросу, а слѣдователи вели бы счетъ издержкамъ, какъ и теперь дѣлаютъ. При этомъ пусть они безразлично даютъ вознагражденіе, падутъ ли въ послѣдствіи эти издержки на счетъ казны или же должны быть взысканы съ приговоренныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при исполненіи приговоровъ, суду легко будетъ взыскать съ приговоренныхъ, и такимъ образомъ пополнить суммы.

Тоже самое нужно сказать и о вознагражденіи по 982 ст. Уст. лицъ, коимъ поручается сохраненіе задержаннаго скота. Мы никогда не забудемъ одного бѣдняга крестьянина, къ которому почему-то поставлены были для прокорма двѣ задержанныя лошади. Онъ стоялъ у него недѣль пять или шесть. Каждую, бывало, недѣлю, а иногда два раза въ недѣлю, этотъ бѣднякъ являлся къ слѣдователю и просилъ вознагражденія за прокормъ. Slѣдователь, разумѣется, ничего не могъ для него сдѣлать, какъ только убѣждать потерпѣть до рѣшенія дѣла. Тогда онъ сталъ являться въ канцелярію справляться уже, скоро ли будетъ рѣшено дѣло и скоро ли онъ получитъ деньги.

Не столь слезныя, но неменѣе настоятельныя заявленія о вознагражденіи намъ приводилось встрѣчать со стороны такихъ учреж-

деней, какъ на примѣръ типографіи. Помнится, слѣдователю надо было напечатать объявленіе о найденномъ мертвомъ тѣлѣ неизвѣстнаго званія человѣка и о вызовѣ родственниковъ покойнаго. Слѣдователь посылаетъ статью для напечатанія; но проходитъ мѣсяць, — статья не напечатана. Слѣдователь дѣлаетъ запросъ типографіи, напечатана ли такая то статья и если нѣтъ, почему? Ему отвѣчаютъ, что статья не напечатана, что и впредь не будутъ печататься, если не будутъ представляемы, вмѣстѣ съ статьями, деньги за напечатаніе. Слѣдователь на это спѣшитъ возразить, что у него нѣтъ въ распоряженіи суммъ на этотъ предметъ, а что счетъ типографіи, какъ обыкновенно, будетъ представленъ суду вмѣстѣ съ дѣломъ. На это типографія не удостоила слѣдователя отвѣтомъ и статья отпечана не была, званіе умершаго осталось неизвѣстнымъ; родственники не являлись и дѣло лежало безъ всякаго движенія цѣлые мѣсяцы. Вѣдностію ли типографіи надо объяснить это обстоятельство или же неизвѣстностію ей 976 и 983 ст. Устава; такъ или иначе, а все же это живой протестъ противъ существующаго порядка возмѣщенія судебныхъ издержекъ, вслѣдствіе чего является необходимость предоставить и въ распоряженіи судебныхъ слѣдователей суммы, указанные въ 976 ст. Устава на удовлетвореніе лицъ до исполненія приговоровъ.

Статья 276 Устава обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что въ большинствѣ случаевъ, опредѣляемыхъ ею на практикѣ, допускается возможность подведенія ихъ подъ статью 277 Устава. По силѣ 276 ст., слѣдователь не останавливается въ производствѣ слѣдствія по тому случаю, что обвиняемый скрылся, или что нѣтъ въ виду подозрѣваемаго въ совершеніи преступленія. Стало бытъ, по смыслу этой статьи, въ томъ и другомъ случаѣ, слѣдователь не можетъ представлять дѣла подобнаго рода на прекращеніе согласно 277 ст., а долженъ представить ихъ какъ оконченныя. Между тѣмъ на практикѣ заключаются только тѣ слѣдствія, когда обвиняемый скрылся, тогда какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ совсѣмъ въ виду подозрѣваемыхъ, очень часто слѣдствія представляются на прекращеніе, согласно 277 ст. Пред-

ставленія слѣдователей о прекращеніи такого рода дѣлъ обыкновенно мотивируются безуспѣшностію и бесполезностію розысковъ и мѣръ къ открытію виновныхъ за отсутствіемъ въ дѣлѣ всякихъ указаній, и кромѣ того ссылкой на опредѣленіе правительствующаго сената, состоявшееся въ 1868 году гдѣ въ числѣ законныхъ причинъ представленія слѣдствій на прекращеніе, стоитъ и неимѣніе въ виду, при всѣхъ принятыхъ мѣрахъ къ розыску, подозрѣваемаго лица. Что практика поступаетъ вопреки требованію 276 ст. Уст., это вѣрно; но чему надо отдать преимущество, нарушенію или требованію 276 ст., это вопросъ еще спорный.

Статья 386 Устава важна по отношенію къ вопросу, слѣдуетъ ли дѣлать представленія суду о розыскѣ чрезъ публикацію въ томъ случаѣ, когда скрывшійся обвиняемый проживалъ съ фальшивымъ паспортомъ. Согласно 847 ст. Устава, въ публикаціи, между прочимъ должны быть обозначены: званіе, имя, отчество, фамилія и примѣты отыскиваемаго лица. Въ данномъ случаѣ настоящее званіе, имя и фамилія неизвѣстны; извѣстны только примѣты скрывшагося лица. Но розыскивать лицо исключительно по этимъ признакамъ, само собою неудобно, легко можетъ случиться, что къ суду было бы представлено только схожее, но всѣмъ не то лицо. Между тѣмъ, намъ случалось видѣть слѣдствія, возвращенныя къ дополненію, съ предложеніемъ принять мѣры къ розыску подобныхъ лицъ и сдѣлать представленіе суду о розыскѣ ихъ чрезъ публикацію.

Кромѣ того, вопросъ вообще о лицахъ, проживающихъ съ фальшивыми паспортами интересуется насъ въ другомъ отношеніи. Существованіе подобнаго рода явленій ясно говоритъ о недостаточности у насъ предупредительныхъ мѣръ къ обнаруженію этихъ случаевъ, преступныхъ самихъ по себѣ. Сколько намъ случалось встрѣчать дѣлъ о лицахъ проживающихъ, напримѣръ, съ паспортами, выданными изъ вымышленныхъ волостныхъ правленій! Почему бы къ уничтоженію подобнаго зла не издать, для руководства полиціи, списокъ всѣхъ дѣйствительно существующихъ въ имперіи волостныхъ правленій и мѣстъ; откуда выдаются паспорта.

При такихъ спискахъ полиція, при явѣ каждаго паспорта, могла бы ясно удостовѣриться въ дѣйствительности или недѣйствительности паспортовъ; такимъ образомъ уничтожился бы, по крайней мѣрѣ, одинъ разрядъ паспортовъ отъ вымышленныхъ мѣстъ. Между тѣмъ какъ теперь, она не имѣетъ положительно никакихъ средствъ къ этому и подрядъ принимаетъ фальшивые паспорта съ дѣйствительными. Точно также она не имѣетъ никакихъ средствъ къ уничтоженію сборовъ подаяній по книжкамъ отъ имени вымышленныхъ монастырей, приходовъ и консисторій.

Указавъ на случай возвращенія дѣла къ дополненію лицами прокурорскаго надзора, мы имѣемъ въ виду сказать вообще, что законныя требованія лицъ прокурорскаго надзора, о которыхъ говорить 281 ст. Уст. и съ которыми соединяется возвращеніе дѣла къ дополненію, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, вывести изъ неопредѣленности. Намъ кажется, что, во избѣжаніе медленности производствъ, слѣдовало бы хотя приблизительно опредѣлить такія требованія, требованіями къ дѣлу существеннаго и несущественнаго, чтобы лица прокурорскаго надзора имѣли въ руководствѣ у себя указанные поводы и основанія къ возвращенію дѣла къ дополненію, а не общее право, соединенное съ ихъ властію, которымъ они могутъ пользоваться и съ нуждой, и безъ нужды. Къ тому же слѣдователь не во всѣхъ же требованіяхъ встрѣчаетъ только препятствія къ исполненію; очень часто и почти постоянно требованія исполняются имъ легко; только одно препятствіе для него въ этихъ случаяхъ, что за не существенностію требуемаго ему не предоставлено и не всегда удобно оставлять ихъ безъ всякаго исполненія и требовать на это разрѣшенія, согласно 282 ст. Устава. Вотъ, на примѣръ, судьба одного арестантскаго дѣла, длившася чуть ли не полтора года, если не больше. Дѣло это поступило къ одному слѣдователю, который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кончилъ его и представилъ прокурорскому надзору. Прокурорскій надзоръ нашелъ нужнымъ дополнить слѣдствіе и возвратилъ дѣло къ слѣдователю. Въ то время, какъ слѣдователь исполнялъ требованіе, лицо прокурорскаго надзора получило другое

назначеніе и было замѣнено другимъ. Когда дѣло поступило на разсмотрѣніе этого новаго лица, оно и этимъ было признано неполнымъ и снова было возвращено къ дополненію. Слѣдователь дополняетъ дѣло по новому требованію, не менѣе законному. Но на бѣду дѣла и слѣдователя, оно поступаетъ къ третьему лицу, получившему этотъ участокъ, и еще разъ послѣдовало требованіе, которое пришлось исполнить уже новому слѣдователю, принявшему участокъ *). Но не знаемъ на вѣрное, кончилось ли бы и этимъ дѣло, если бы оно поступило затѣмъ къ новому лицу. Сдѣлать выводы изъ этого предоставляемъ другимъ.

Наконецъ еще два—и послѣднихъ—замѣчанія.

Слѣдователи очень часто получаютъ производства мировыхъ судей или отъ нихъ самихъ, когда сами они находятъ дѣло неподсуднымъ ихъ вѣдомству, или же отъ мировыхъ съѣздовъ, когда въ нихъ только открывается неподсудность дѣла.

Въ первомъ случаѣ, для слѣдователя не представляется особенныхъ затрудненій приступить къ слѣдствію и разъяснить обстоятельства дѣла съ самаго начала, такъ какъ переданныя мировымъ судьей производства только начаты и доведены лишь до тѣхъ обстоятельствъ, которыя дали ему основаніе заключить о неподсудности дѣла. Но въ томъ случаѣ, когда производства мировыхъ судей передаются слѣдователямъ мировыми съѣздами, очень можетъ быть, что слѣдователи найдутся въ большомъ затрудненіи. Здѣсь слѣдователь имѣетъ дѣло съ полнымъ производствомъ; всѣ обстоятельства дѣла разъяснены, свидѣтели спрошены или подъ присягой, или съ подпиской о присягѣ, наконецъ постановленъ даже приговоръ. Мировой судья принялъ, велъ и рѣшилъ дѣло, насколько не подозрѣвая, что оно подсудно общимъ судебнымъ мѣстамъ, или же ошибаясь въ этомъ, и ошибка рѣшается лишь на съѣздѣ. Спрашивается, съ чего начинать и какъ вести дѣло?—Нѣтъ это въ Уставѣ нѣтъ никакихъ руководствъ для слѣдователей.

*) Что это было на самомъ дѣлѣ такъ, въ этомъ мы ручаемся, но мы не смѣемъ цитировать самаго дѣла.

Точно также въ Уставѣ нѣтъ никакихъ руководствъ на тѣ, очень часто повторяющіеся, случаи, когда, напримѣръ, разыскиваются похищенные деньги. Какъ поступать слѣдователю, когда, положимъ, при обыскахъ находятся бумажныя деньги, принадлежность которыхъ одинаково сильно оспаривается сторонами. Одна сторона признаетъ, напримѣръ, ихъ за свои по примѣтамъ какимъ нибудь, по пачкамъ, въ какія онѣ сложены, и т. п., а другая оспариваетъ чѣмъ нибудь въ этомъ же родѣ; когда, словомъ, принадлежность ихъ той или другой сторонѣ сомнительна, по крайней мѣрѣ, въ моментъ самаго обыска. Отбирать ли подобныя деньги у лица, у котораго онѣ найдены, или же оставлять, и съ какими при этомъ предосторожностями? Въ Уставѣ опять мы не видимъ указаній для исхода изъ такихъ затрудненій.

Вотъ все, что только мы имѣли въ виду сказать, по поводу недостатковъ въ предварительныхъ слѣдствіяхъ. Полагаемъ, что это не все еще, что слѣдовало бы сказать о нихъ.

Росницкій.

С176Гу

СП6ГУ

СПбГУ

00883227

ЮФ СПбГУ

✓